

А.Коста

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Вавилон и Башня

роман

Алекс Коста

Вавилон и Башня

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Коста А.

Вавилон и Башня / А. Коста — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Этот остросюжетный и философский, окутанный тарантиновским переплетением семи сюжетов, роман не оставит равнодушным никого, кто хоть раз задавался вопросом «каков мой путь». В этой истории каждому читателю «воздастся» по потребностям. Война в Маньчжурии, бандитские девяностые, городское фэнтези, будущее и постапокалипсис. Да-да, автор находит в них связь. Какую? Прочитайте и узнаете. Неожиданная развязка этой эпопеи станет гарантированным нокаутом. Одним словом, качественный вынос мозга обеспечен. Содержит нецензурную брань.

© Коста А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Вместо дисклеймера	5
Часть первая	6
Глава 1. Конбор	6
Глава 2. Вениамин	10
Глава 3. Богдан	14
Глава 4. Герман	19
Глава 5. Мукнаил	25
Глава 6. Закуар	32
Глава 7. До	38
Часть вторая	39
Глава 1. Конбор	39
Глава 2. Вениамин	46
Глава 3. Богдан	54
Глава 4. Герман	59
Глава 5. Мукнаил	65
Глава 6. Закуар	71
Глава 7. До	75
Часть третья	76
Глава 1. Конбор	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Вместо дисклеймера

Все персонажи, имена и события вымышлены, любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны.

Высказывания и поступки героев представляют собой чистый художественный вымысел, не отражают позицию автора по религиозным, историческим, политическим, расовым, культурным аспектам и ни при каких обстоятельствах не служат манипуляторным или иным подобным целям.

Текст содержит ненормативную лексику, сцены половых актов и актов насилия.

Ограничение по возрасту: 18+

Часть первая

Глава 1. Конбор

<Маньчжурия, 1945 год>

Сапоги сохли на палках, из голенищ желтой струйкой стекала вода. Еще долго!

После людей на войне больше всего страдает обувь. Я представил свои сапоги черными новыми.

Раньше такую пару купил бы зажиточный крестьянин или лавочник. Но эти носил монгольский капитан. Наверное, спёр где-нибудь. Откуда ж еще у него наше обмундирование?!

Потом дед Матвей забрал сапоги себе. Теперь они у меня.

Здесь обувь часто меняла хозяев, от убитого к еще живому. И дальше по кругу, оставляя за собой в основном только смерти. Но иногда продлевая жизни. Защищая от холода и осколков, давая возможность быстро бегать. Убегать! Здесь это главное.

– Не к добру это, не к добру... – Дед Матвей чиркнул зажигалкой, прикурив второй раз. – А ты чего это, Кинстинтин, наждаком пальцы скоблишь? Каталой решил заделаться? Нам это, брат, сейчас не до картежничества, ноги живыми бы унести.

Я пытался отчистить пальцы от коросты. Каучуковая смола цепкая, лучше любого клея.

– Каталой¹? – не понял я. – А! Это я вчера Будду склеивал, фигурку глиняную. Вот пальцы и измазал.

– Чего? Кого-кого?

Наверху послышался громкий вой Бэки, студебекера² – «дрык-ды-рык-рык-рык-кккк» – и лязгающий механический скрежет.

– Непокойный щегол! Епть! Говорил же ему! Пока до песка не откопаем, никаким дрыгателем эту колымагу не вытащить. Теперь опять чинить по колено в болоте. Чтoб его! Своим пролетарским блядством всех уже замотал! – За пару дней дед Матвей несколько раз перебирал и ремонтировал сцепление. – Чтoб его... Ша-по-ва-лов, хрен моржовый, – и он вынырнул из блиндажа, посыпав с тлеющей самокрутки несколько крупных искр.

Дед Матвей всегда звал меня Кинстинтином. Никогда по фамилии или хотя бы Константином, Костей. Тем более не говорил «товарищ лейтенант». Для него звания ничего не значили, как и другие условности. Он различал только «прав» и «не прав». Остальное, как любил говорить дед Матвей, от лукавого. За это его любили и еще больше уважали.

Уже несколько дней десяток солдат расталкивали и вытягивали грузовик из болотистого оврага. Только все бесполезно! Теперь еще Шаповалов, со своим бестолковым упорством!

Надо идти за дедом Матвеем.

Я снял один сапог с палки, подержал. Да... глины килограмма два. Все лучше, чем в онучах, как новобранцы. Завхоз-то не выдает ничего, кроме кусков старого ватника да бечевки. Делай сам обувь как хочешь. Хотя в этом есть какая-то правда жизненная. Если солдат не может смастерить себе обувь, достать пропитание, какой же он солдат? Почти ж ничего не осталось из обмундирования после пяти лет войны с Германией. Теперь эта вот, на Востоке. Говорят, потом будет еще. Другая, больше прежних.

---

¹ Катала – карточный шулер, игрок. Как правило, К. срезают или иными способами удаляют грубую кожу с подушечек пальцев, чтобы лучше чувствовать помеченные карты.

² Студебекер с зениткой – грузовой автомобиль марки «Студебекер», на который устанавливались зенитные установки «Катюша». С. переданы СССР от США по договору лендлиза.

– Кинстинтин, твою мать! – раздался сверху бас деда Матвея.

– Бегу, бегу... дед Матвей, подождите!

– Хорош выкать мне, курсант. И без этих твоих буржуйских «пожалуйста, соблаговолите принять». Знаем! Ужо перерезали вас всех, кровопивцев!

Я хотел что-то возразить, но не стал. Ведь верно так! Как бы мы ни думали по-другому, кровопийцы и есть. Как завхоз. Он ведь почему сапоги не выдает? Потому что бережет на особый случай. А ну как подводы не придут месяц, а то и год? В начале войны так и было! И что тогда? Вот и станем кожаные голенища варить да из котелков хлебать. Все лучше, чем крыс, собак.

В памяти всплыло воспоминание о доброй и пушистой Норе соседа Степана. Я постарался сразу забыть, затолкать его куда подальше...

Неужели все это дано выдержать человеку? Вчера, когда склеивал фигурку Сатиты³, думал об этом. Зачем, по каким причинам все эти испытания? Неужели и правда душа должна намучиться, истерзаться, прежде чем из нее свет польется? Как сок березовый из прорези, как фигурка получает образ после резца. Намучить, выкрутить, разрезать, измолоть... и вот он, сок... вот, когда искру из себя можно высечь!

– Ты чего?! Без царя в голове совсем?! – орал дед Матвей на Шаповалова.

– Чего, Матвей? Чего? Вот чего ты на меня орешь? – Шаповалов стоял по колено в густой глине. – Мы как? Зимовать здесь будем?! А?! Или хочешь, чтоб я государственное орудие вот так бросил? А? Ты... это... что, с этими, растратчиками?.. – Шаповалов осекся, понял, что перегнул.

– А ну тебя... Слышь, Кинстинтин, дорогой, ты же там в своих университетах учился. Давай, скажи деревенщине, как нам этот фаэтон⁴ отсюда достать, – и дед Матвей бросил на меня строгий орлиный взгляд из-под кустистых бровей, больше похожих на перья птицы, чем на человеческие волосы.

– Не знаю, дед Матвей. Мы можем только толкать. Надо бы еще тянуть. Толкать не получается...

Бэка застряла на подъеме, выезжать надо было в том же направлении. Если б в сторону спуска, то еще толкнуть посильнее можно. А на подъеме-то... как толкнешь? Вот и сидели уже пятый день, копали. Только куда копать? Все одно – болото внизу.

Сделали временный блиндаж, распределили роту, часть уехала на подводах в сторону фронта, другая – осталась.

Бэку бросать нельзя, в этом Шаповалов прав. Мало того что орудие государственное, так еще и единственная защита от авианалетов. Японцы могут атаковать в любой момент. Налетят стрекозами, все небо заполнят, прошьют без остатка насквозь. У них пулеметы быстрые, никакой блиндаж не поможет.

– Ну? Кинстинтин, твою мать! Да прости меня, Господи, чего скажешь-то? Толкать, тянуть? Чем тянуть? У нас только веревки конопляные. Ими тянуть, все равно что лопатой в манде ковырять! Так дитя не заделаешь...

– Дед Матвей...

– Сам знаю! Уже пятый десяток дед Матвей. Еще при царе был Матвеем, потом при Киренском, как его там... хрен вспомнишь, как звать жида. А теперь при этих, красноперых и одном грузине.

– Эй-эй-эй! Матвей, заговариваешься! – сказал Шаповалов.

---

³ Фигурка Сатиты – подразумевается англоязычное произношение имени Ситхартха (Ситхартха Гаутама), полученное Буддой при рождении.

⁴ Фаэтон – тип кузова легкового автомобиля в России начала XX в. с мягким открывающимся верхом, с двумя (тремя) рядами сидений и двумя (четырьмя) дверями; в народе данное слово часто употребляли вместо слова «автомобиль».

– Да ну... – махнул тот в сердцах на него, свернул самокрутку. – Куришь? – и, не дожидаясь ответа, протянул мне.

До войны я не курил. Но тут пристрастился. Никак в толк не мог взять, как дед Матвей и другие солдаты могут эти самокрутки крутить так просто: на ветру, на морозе, в окопе, негнущимися, обмороженными пальцами. Да где бы ни пришлось! И так ловко у них получается!

– Спасибо, дед Матвей.

– Тут на «спасибо» далеко не уедешь.

Шاپовалов закурил папиросу.

И как достать Бэку? Я, правда, не инженер, а математик. Да еще с неоконченным курсом. Не знаю. Вот так буду стоять, думать, а дед Матвей возьмет и сделает что-то, как будто и не думая даже. Возьмет и сделает. И получится! Главное, что получится! А я все еще думать в это время буду. За такие пустые раздумья больше всего себя не люблю.

– Ну?

– Может, веревку сделаем?

– Е-мое, Кинстинтин, дорогой! Стоило штаны шаркать в институтишке? Какую такую веревку? Тонн десять в этой дуре. Из чего ты такую веревку сделаешь? Может, из коры скатать, а?

– Кора?

Я вдруг вспомнил, как плетут лапти в деревнях. Странно, что дед Матвей этого не знал. Из коры ветлы, белой ивы, которая здесь повсюду, может получиться толстый и очень прочный трос. Зацепим за Бэку, пять солдат будут тянуть, пять толкать. Как раз людей хватит.

– Из коры, говорю, скатаешь свой трос, что ли?

– Из коры!

– Ну ты чего, дорогой Кинстинтин? Какая кора?! Говорю тебе, десять тонн. Вчера сколько щеглов толкало... с десяток? А все одно. Так что ты это... чего-то не то удумал...

– Толкать мало, дед Матвей! Надо тянуть! Чтoб тянули и толкали! На манер пробки из бутылки...

Я решил не продолжать сравнение с винной пробкой, мог получить от деда Матвея какого-нибудь «барчука» или «кровопийца».

– Да ну... – и дед Матвей щелчком отправил окурок в глиняную жижу.

Но получилось! Получилось, как я придумал! И почему я постоянно сомневаюсь в себе?..

Солдаты весь вечер вязали веревку из коры. Вышел плотный толстый трос. Не очень длинный, но вполне достаточно, чтобы ухватиться пяти парам рук. И кто бы мог подумать, что у такого хлипкого деревца столь эластичная кора! Стоит несколько «прядок» друг с другом сплести – не разорвать никак.

Дед Матвей, пиная куски коры своими болотоходами, которые пришли на смену сапогам, все подшучивал надо мной:

– Что, профессорский сынок, лапти собрался вязать?

Я не обижался. Больно уж хотелось свою идею проверить: сработает ли?

К утру трос был готов. Обвязали за переднюю часть рамы. Пять солдат тянут, пять толкают. Дед Матвей осторожно включил передачу, по чуть-чуть прибавляя газ.

Бэка поползла вверх! Медленно, но вверх! Эти пару сантиметров движения походили на настоящее чудо, впервые за последние пять дней. «Раз-раз-раз... раз-раз-раз...» – отсчитывал я каждый сантиметр, наблюдая, как крупные ромбики протектора вгрызались в глину. Бэка продолжала ползти, дальше и дальше. Совсем трудными оказались последние метры. Перепад оврага огромный – Бэка чуть не повисла на брюхе. Тут дед Матвей гаркнул:

– А ну, пр-о-о-чь! – и до упора вдавил педаль газа.

Бэка рывкнула, поднимая из-под колес грязь и дым от горящих покрышек, и, опасно покачнувшись, взмыла вверх. С таким звуком, словно и правда бутылку с вином открыли: «Шпау-у-к!»

Всё! Свобода! Как и не было этого сырого блиндажа, промокших насквозь сапог с килограммами глины, десятков едких самокруток... Мы покатили к линии Маньчжурского фронта. А когда болотистая местность сменилась степью, разогнались как следует, чтобы нагнать подводы. Только и слышно, как с боков Бэки отваливаются куски глины – «шух-шух, шух-шух, шух...».

– Голова! – потрепал меня по волосам дед Матвей, протягивая самокрутку, толстую и ровную. Вроде как благодарит меня. Я с удовольствием взял. Курить хотелось. Мы сидели в кузове, на кочках потряхивало, двигатель утробно рычал, но не кашлял. Значит, все в порядке.

«Эх, хорошо!» – подумал я, хотя слово «хорошо», кажется, не совсем подходило к Маньчжурской степи, войне, роте голодных промокших солдат. И почему именно в такие простые моменты чувствуешь себя хорошо по-настоящему? Не наигранно, а, правда, хо-ро-шо! Моменты простого, чего-то неподдельного, правильного.

– Дед Матвей, вы счастливы сейчас?

Дед Матвей привык к моим чудным вопросам. Редко на них отвечал, но и не злился. Просто говорил «да» или «нет».

– Ладно, – смахнул он слезу от встречного ветра. – Ты что, думаешь, что счастлив?

– Не знаю. Иногда, как сейчас, думаю, да. Может, потому что получилось, что задумывал. А может, еще почему-то другому.

– Ну... —

И, не успев ответить, дед Матвей вскинул ружье, он охотился на попадающуюся по дороге дичь, поэтому, помимо солдатской трехлинейки, держал наготове трофейный «зауэр»⁵.

Я услышал сухой характерный щелчок спускового механизма и гулкий звук выстрела, раскатившийся по степи. И только потом разглядел, куда стрелял дед Матвей. Удаляющаяся маленькая фигурка странно петляла, убегая не прямо, а словно все время поворачивая в разные стороны. Может, этот странный человек, который неведомым образом очутился здесь, хотел, чтобы в него не попали, потому так бежал? А может, просто оббегал какие-то неровности? После выстрела фигурка немного присела. Потом опять побежала, потом опять присела и, наконец, припала к земле.

– Тр-рр-ра-ввии! – дед Матвей старался перекричать двигатель Бэки.

Я почему-то услышал «бр-р-р-а-виси-мо». И представил деда Матвея в ложе театра. Как будто он встал после арии, хлопал в свои огромные ладоши и громко кричал: «Бррр-р-а-виси-мо... бррр-р-а-ви-сими...» Только вместо сцены была степь, а вместо примы – маленькая, казалось, свернутая калачиком фигурка.

Тогда я не знал, что этот маленький «комок» сильно поменяет мою жизнь.

---

⁵ «Зауэр» – немецкая марка охотничьего ружья. В СССР, как правило, было трофейным.

Глава 2. Вениамин

<СССР, 1970-е годы>

То ли от солнца, то ли от того, что здесь часто стирали белье, а стиральный порошок попадал на доски, но они были почти белыми, безжизненного вытравленного цвета с темными прожилками. Через широкие прорехи проглядывали другие. Старые и черные, подтопленные мутной водой, местами затянутые зеленой тиной.

Новый приступок сколотили поверх предыдущего. Сейчас, в этих двух приступках, целом и затопленном, ощущалась чередка поколений. Подобную «череду поколений» Вениамин чувствовал и в своих ногах. Такие же, как у отца. Вроде бы крепкие, но не из того места растут. Точно эти белые, маловатые для его возраста ноги приделали к телу нарочно – не совсем так, как нужно. Чтобы их хозяин не мог быстро бегать, высоко прыгать, сильно лягаться в драках. Конечно, Вениамин не думал именно так, был еще слишком мал, просто все время чувствовал, он – не такой, «не хорошо» не такой.

Вениамин занес кое-как обструганную ветку над ярко-зеленым, в желтых и темных пятнах, брюхом лягушки. «Ква-а-у...» – издала та свой последний звук, и ее переливающиеся малахитовые глаза вмиг стали пустыми, безжизненными. Какое-то время Вениамин ковырялся в мутно-желтых кишках, возил веткой туда-сюда, пока не проткнул туловище насквозь и не уперся «орудием» в белесую доску приступка. После этого он только больше разозлился и начал сильно скоблить палкой в других частях уже и без того искромсанного тельца.

Вениамин не боялся, что кто-то увидит его «художество». Не сомневался, времени бросить все это в тину у берега хватит. Но так увлекся, что совершенно не заметил, как подошел отец. Тот с самого утра был «на рогах» и шатался по деревне в поисках «приключений».

– Ну, ты у меня получишь, гаденыш!

Вениамин учуял знакомое «кислое» дыхание и перед глазами возникли воспоминания, как вчера отец понуро пришел домой, устало сел за стол, наполнив стакан мутной жидкостью.

– Немного с ребятами погудели, – виновато сказал он и целиком опрокинул в себя содержимое стакана.

– Уж вижу.

«Лучше б поругала», – подумал тогда Вениамин, прячась в самом углу комнаты.

Обреченность в голосе матери сыграла дурную роль, а может, второй стакан, но отец вскинулся, заревев:

– Что, блядь? «Уж вижу!» Что ты вообще можешь видеть... городская ты шалава!

Потом схватил мать за шею, повел в спальню. Вениамин закрыл уши руками, крепко-крепко, как учила тетя Таня, соседка. Так крепко, что ладони моментально вспотели. Не помогло: он все равно слышал завывания мамы. «Сильно бьет», – трясаясь в беззвучных рыданиях, понял Вениамин.

– Я для рыбалки, папа! – проговорил он скороговоркой, чувствуя, как крупные слезы катятся из глаз.

– Какая еще рыбалка, уродец! – отец дыхнул перегаром прямо в лицо.

Вениамин так испугался, что попытался вырваться. Почти получилось. Пьяными, размашистыми движениями отец не смог поймать его. Мальчик поднырнул вниз, под растопыренные руки родителя, выскочил и быстро пополз по приступку прочь. В следующую секунду отец наклонился, покачнулся от сильного замаха и грохнулся в воду. Брызнула вверх зеленая тина, полетели листочки кувшинок. Вениамин обмер, почти не дышал, а отец, ревя и чертыхаясь, карабкался из воды.

«Теперь убьет», – как-то отстраненно подумал он. Вслух пролепетал:

– Папа, папочка, не надо... – и, не выдержав, побежал что есть силы.

То ли после отрезвившей холодной воды, то ли от злости, но отец ловко, в два прыжка, нагнал сына, придавил к земле коленом, начал бить...

Бил долго, пока тетя Таня с мужем Колей не оттащили.

Что было дальше, Вениамин не помнил. Он что-то видел, но ничего не слышал. В уши залилась кровь, перемешавшись с кисло пахнувшей слюной отца и болотной водой. В последний момент, прежде чем потерять сознание, Вениамин подумал: «Отомщу всем лягушкам» – и почувствовал, как теплая струйка мочи течет по ногам, заливается в носки, ботинки.

Через несколько дней он пришел в сознание и услышал рассказ бабушки.

– Не уgomонился папенька-то, – поведала она. – С Николаем, соседом, подрался. Тот-то не во хмелю, знамо дело, поколотил его. Ну твой папка-то хорош, двустолку взял, и к Николай Иванычу на порог. А ну, говорит, давай, выходи! На что Николай Иваныч, разумный мужик, да и по хозяйству у него все... даром что детей нет... – бабушка подтыкала свернутые портянки под шею и набухшие от гематом плечи Вениамина, – ...но не выдержал он матюгов дурня-то этого. Вышел. Так тот дурень пальнул в него спяну-то. Да что там, – отмахнулась она, – не попал толком. Вот уж дурнем родился, дурнем помрет. Прости, Господи! – и бабушка перекрестилась сухой, с коричневыми пятнами, рукой, обернувшись к стене, на которой висели закопченные от времени иконы. – Бросился к Николаю-то да кричит: «Коля, Коля, брат!» Испугался, что ль? А когда стрелял, не пугался, что ль? Да тот так и валяется. Только по щеке кровь хлещет. Даром что пьяный был. А то, может, и убил бы. В общем, милиция приезжала в дом-то ваш. Сам Петр Васильевич из райцентра. Забрали папаньку-то твоего. Надолго забрали! – сухо подвела итог бабушка. – Ты виноват-то! Кто папку-то расстроил?! И даром что за дело! А так, по глупости. Тоже дрянная кровь...

Вениамин пошевелил губами, пытаясь что-то сказать. Вместо этого опять почувствовал, как по ногам заструилось что-то теплое, пахучее. «Только бы бабушка не учуяла», – с ужасом подумал он.

Но та сразу поняла. Откинула одеяло, увидела желтый с красными «прожилками» ручеек на серых, с прорехами, простынях.

– Дармоед! Опять обоссался, гнида!

В этот момент Вениамин понял, что бабушка церемониться не станет. Побьет сильнее отца и кормить не будет.

Бабушка выбрала одно из не тронутых мест на руке Вениамина, чуть выше локтя, и своими сильными жилистыми пальцами накрутила кожу. Да так больно, что слезы брызнули из глаз.

– Я тебе не папка. Тот бестолково бьет. Я по самое нутро пройму, гнилая ты кровь! – и с этими словами ущипнула внука за «причиндалы».

Было еще больнее, чем на руке, только к боли примешивалась какая-то непонятная обида. Обида такая, которая сильнее боли.

– Ма-м-ма!

– На пересыльной твоя маменька-то! – сказала как будто довольная бабушка. – Со мной пока поживешь, скотина. А будешь писаться, так в сенях с курами поваляешься.

– Мам-м-м-ааа! – опять завыл Вениамин.

– Дуреха-то эта! – бабушка перекинула ногу на ногу, смяла и прикурила «Беломор». – Дуреха-то! Вслед за своим пьяницей потянулась. Тебя на меня оставила. Вот уж дурная кровь. Мало я с дедом твоим по пересылкам натряслась. Так теперь и она, дуреха! Ведь говорила ей, что кровь-то дурная. Нечего сеять-то ее! Мало того, что она городская! Так нет! Все одно! Вот теперь ты! Все через тебя! Ладно, лежи в своем ссанье, привыкай. Я пойду по хозяйству. Смотри, шею себе не сверни, гаденыш! Еще хоронить тебя не хватало. И так потратилась! –

Бабушка сильной походкой направилась в сени. – Стране нужны герои, а пизда родит дураков... – закрывая дверь, подытожила она.

«Что теперь будет? – подумал совсем несчастный Вениамин, чувствуя, как быстро остывает лужица мочи под одеялом, еще совсем недавно теплая и уютная. – Мама на пересыльной, это надолго...»

Мальчик помнил, как долго бабушка ждала, пока дед отправят по этапу. Жила рядом с тюрьмой, в бараке с остальными женами, таскала деду то малое, что получала из деревни. Кусок подкисшего сала раз в месяц и капусту раз в неделю. Денег не было. А тех последних, что были, еле-еле хватало на пачку чая. А иначе не пропустят передачу.

Вениамин тогда впервые услышал непонятное слово «блатные».

– Отбирают, черти! – сказала бабушка и добавила уж совсем непонятное: – Хорошо еще, что на кукан⁶ не поставили дед-то твоего. Задом хлипковат, алкаш треклятый!

Вениамин, который не понимал и половины слов, которые бабушка выговаривала его маме, ясно понял одно: бабушка злая. И не такая злая, как папка, который то злой, то слабый. И не такая злая, как соседка тетя Нюра, которая побила мальчишку за то, что свернул шею цыпленку. Нет. Бабушка просто злая. Как сосед дядя Коля – просто добрый. Просто добрый. «А какой же тогда я?»

Вениамин почувствовал, что лужица стала совсем холодной, но пошевелиться не мог. Тело он не чувствовал, голова и плечи были уложены меж свернутых портянок.

– Чтобы дурнем не стал, пусть головой пока не трясет, – вспомнил он слова Юрия Ивановича, фельдшера.

– Куды еще... – заискивающе пробубнила бабушка.

На деревне поговаривали, что она хотела захомутать фельдшера. Еще бы! У него ж изба пятистенная, мотоцикл «Урал» с коляской. А у бабушки обычная покосившаяся хата, уже лет десять некрашенная. А кому красить? Дед в лагерях, отец все время пьет. Свою-то избу не может покрасить. Да мама его и не просит. Ему слово лучше поперек не говорить, побьет. Правда, если молчать, тем более побьет. Как будто заподозрит что-то. Это Вениамин с удивлением понял, когда однажды увидел, как отец побил маму за то, что та молчит.

– Какая же ты жена, если мужа не ругаешь?! – рявкнул он, а потом сильно, наотмашь ударил маму по щеке. – Дура, а не жена. Вот тебе и учеба! – и пнул в живот ногой.

Вениамин тогда, как обычно, прятался в дальнем углу, плакал, сжимая маленькие кулачки. И думал, что когда-нибудь тоже пнет отца. Он еще не знал такого слова, как «мечь», а просто считал про себя, сколько ударов «задолжал» отцу.

Теперь все будет по-другому. Так он вдруг понял. Если папаша попадет в лагерь, то не скоро оттуда вернется. Как и дед. Может, даже никогда. Но может и вернуться, «погулять» с неделю, и опять туда... Дед тоже иногда возвращался, «погуливал» – и снова в тюрьму. Не сиделось старику дома, зато хорошо сиделось в лагерях.

«Сколь веревочке ни виться, все равно укоротят», – подучивал дедуля еще совсем маленького Вениамина, строго постукивая пальцем по краю стола. У деда были красные на выкате глаза и синие от многочисленных наколов руки. «Посиди с мое!» – обычно говорил дед сыну, отцу Вениамина, когда они о чем-то спорили. Вениамин тогда понял, что это самый железный аргумент. Отец помалкивал, нечего было возразить. Нет, он, конечно, пытался сказать что-то вроде: «Ладно-ладно, я в армии насмотрелся...» В ответ дед показывал какой-то странный жест, складывая руки в виде треугольника внизу живота и добавляя: «На манду насмотреться ты мог. А ума можно только там набраться. Да чего тебе говорить-то...» – обычно злобно заканчивал он.

---

⁶ Поставить на кукан (крим. жарг.) – насильственный половой акт между двумя мужчинами, происходящий в основном в местах лишения свободы.

Уже в самом раннем возрасте Вениамин понимал, что дед «дурной». Он как-то увидел деда в сених, в те немногочисленные дни, когда старик задерживался дома. Тот покачивался, шел нетрезвой походкой, держась за стенку, а потом, остановившись перед крыльцом, рухнул, расставив руки в стороны. Вениамин тогда успел отскочить, испугавшись, что дед его придавит. Когда дед поднялся, на его перемазанном слюнями и кровью лице замерла широкая дурная улыбка: вперемежку грубые стальные и собственные гнилые черные зубы.

– Через блатных дурь⁷ узнал, – произнесла бабушка.

Вениамин не понял, что она имеет в виду. Потом увидел сгорбленного деда, лежащего в зелено-желтой лужице блевотины, и сообразил: «Вот она, дурь-то блатная!» Тогда он даже не представлял, насколько точна его догадка.

Когда дед «загулял» и опять попал в тюрьму, Вениамин очень обрадовался. «Веник тупой!» – констатировала бабушка, сильно ударив скалкой внука, когда тот признался, что рад дедову заточению. Он по-своему понимал слово «тюрьма», думая, что таким образом дед «пошел на заработки», как это часто делал отец, пропадая на неопределенный срок. Потом Андрей, которого все звали Дроном, со второго порядка, по-городскому – улицы, парень старше Вениамина на два года, рассказал ему, что такое тюрьма на самом деле.

Отец Дрона – давнишний алкоголик – не был способен даже на то, чтобы попасть в тюрьму. Но брат Дрона сидел. Случилось это с ним сразу после армии. Правда, не совсем так, как со всеми остальными в деревне. Он попал в «Кресты»⁸. Насколько смог объяснить Дрон, попасть в «Кресты» – очень почетно.

– Это что-то среднее между «поехать в город» и «попасть в завхозы», – говорил он, выпячивая нижнюю губу от гордости за старшего.

«Видно, и правда так», – решил Вениамин.

Как раз когда брат Дрона попал в «элитную» тюрьму, ненадолго вернулся дед. Вернулся... и страшно разозлился, что Юрка отбывает в «Крестах». Потом успокоился, процевив свое привычное: «Щенок, посидел бы с мое...»

После объяснений Дрона про тюрьму Вениамин твердо решил, что сидеть никогда и ни за что не будет. Тогда они с Дроном закапывали свой «клад», в дальней «землянке». Дрон на тюрьме не остановился и объяснил младшему товарищу про залупу, вытащив свои «причиндалы», раскрыв пиписку и проведя своей «краснюткой» у Вениамина под носом.

Вениамин ничего не почувствовал, чего обещал Дрон, кроме сильного запаха мочи. Видно, старший товарищ давно не мылся, «краснютка» пахла сильно и неприятно.

Этот запах, «краснютка» Дрона, объяснение про тюрьму, воспоминание про деда, который ворочал красными выпученными глазами, лежа в зеленой блевотине, превратились у Вениамина в один собирательный образ тюрьмы, нехороший образ.

И сейчас, лежа среди скатанных грязных портянок, в холодной лужице мочи, с горящим от боли и температуры телом, он во второй раз твердо решил, что никогда и ни за что не попадет в тюрьму. Хотя где-то в глубине души чувствовал, что она-то как раз и будет его преследовать.

⁷ Через блатных дурь узнал – подразумеваются наркотические средства, которые имели хождение в местах лишения свободы среди блатных – осужденных, входящих в криминальный мир.

⁸ «Кресты» – следственный изолятор в Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге).

Глава 3. Богдан

<Россия, 1990-е годы>

Эта смена вроде как без напрягов должна быть. Никаких терок, никаких выездов. У хозяина сходка в доме. Так что все свои, неопасная. Ну мы и стояли у гаража, ждали гостей, охраняли. Ребята шутили, смеялись, вспоминали свои годы «за речкой»⁹. Как воевали, как фишку делали, как иногда гужбанили, чего уж там.

Ботинки, пиджаки заграничные. Нас всех так одели. Это ж сходка. Ботинки зачетные, на мягких подошвах. Но цепкие, заразы! Мысок гнется, пружинит. Пока разговаривали, я все проверял, как это он пружинит хорошо, сука. Хорошо, блин. Может, нервяк? Или предчувствие шухера. Надавил, согнул... мысок упругий, гибкий, надежный. Вот бы такие ботинки тогда, под Джабалем. Но... нет, нет, обещал же, обещал про это... того, не базарить, не думать даже. Однако тема все одно как-то сама собой зачиналась.

– Ребят, помните первый тюльпан¹⁰? А? Колюш, помнишь?

– Помню, брат. Ну и что? А кто еще теперь помнит? У нас здесь другая жизнь, Бэдэ.

Колюша явно чего-то другое хотел сказать. Чё, стреножили Колюшу-то! Экивоками теперь базарит – «та жизнь, другая». Жизнь-то у нас одна. И того, что там было, не надо забывать.

– Да, бля! Кто не помнит, тому напомним! А то, бля, понастроили. Суки! – в общем, вскинулся, не выдержал я, бывает.

Со злостью. На все это... ворота эти, хозяина. Хотя... какой он мне хозяин?! Елки вокруг, сука, постриженные, блин, так чтобы ровень с козырьками. Гондоны!

У меня такое бывает. Медики говорят, последствия контузии, уже не пройдет. Со всех сторон, конечно, сразу «тишшшш... тишшшшшш... нуланоте... постой...».

А как иначе?! Ребята зашухерились. Многие работают недавно. Для них хозяин – не просто коммерс. Для них это первая работа за реальное бабло. А не за паек.

Вдруг откуда-то... вжжжжжж... кряммссс... баххх... и затихло. Как будто что-то упало сверху.

Может... Сергуша с того света прилетел на своем «братишке»? А потому, что одно крыло с пропеллером вырвал, так и проехал «с музыкой» по бетону. Искры, огни. Но как без половины машины долетел-то?... Как будто он ваще мог прилететь... Подняться из песков Баграма¹¹ и прилететь? Нет, Бэдэ, нет.

Машинально за ствол, и раз, на одно колено. Е-мое... в самую середину ворот этих, в самую дубовую панель, которую с ребятами еле-еле тащили, когда строились. Кто-то, сука, туда въебал, номер не видно, стоп-сигналы горят. Нога на тормозе у этого пидора. Жив, по ходу, еще сука. Но от морды «рубльсорок»¹² не осталось ни хрена. Сверху «капуста», внизу лужа какой-то жижи. Не бенз. По ходу, масло.

– Б-о-огдан... Богда-а-нн... Бог... – звал меня кто-то.

Так... косепор¹³, по ходу, конкретный намечается.

Голос-то Егоркин... значит, значит... бля! Елы-палы... Егорка, твою-то...

⁹ «За речкой» (воен. жарг.) – участие в военных действиях в Афганистане (1979–1989).

¹⁰ Первый тюльпан (воен. жарг.) – подразумевается транспортный самолет АН-12, который увозил тела погибших наших солдат в Союз.

¹¹ Баграм – город в Афганистане, в 60 км от Кабула, столицы ДРА.

¹² Рубльсорок (жарг.) – автомобиль марки «мерседес» модели 140. Другое название – шестисотый. Распространенная в 1990-х модель автомобиля, используемая криминальными авторитетами и крупными бизнесменами.

¹³ Косепор (жарг.) – ошибка, непредвиденный случай.

Бегу к смятой морде, рву дверь... петли никак, заело. Напрягся, сломал. Сорвал, бросил. Куртка белая разорвана, измазана кровью. Светло-красной. Значит, не артерии. Беру Егорку с сиденья, легкий. Потом пригнулся, отбежал, положил на траву. Так-то помягче будет. Смотрю, ребята уже заливают под капотом. Быстро! Пшшш-шшш – и все, погасили!

Были б такие огнетушители, когда горел Сергуша... Нуланоте, нуланоте...

– Бог...дан, Бог... – хрипит в траве. – Бог...

Я прислушался. Дыхание есть, скоро восстановится. От куртки разлило какой-то автомобильной жидкостью. Бачок антифриза стрельнул в салон. Как пить дать. Но через него, сука, конкретный духан шмары. Запах резкий, сладковатый, сильный. Какую-то «селедку» опять подцепил шпили-вили¹⁴, бля. Ведь четырнадцать же еще! Или сколько? Совсем зеленый, а уже туда, машину угнал, это вот...

– Чего, Егорка? Чего случилось-то?

– Богдан, – четко так говорит мое имя, как дух во время присяги. – Богдан, давай свалим на хер. Я... я все здесь ненавижу.

Прижал его к себе, неплотно, вдруг все-таки переломан. Не дай бог, конечно, а вдруг.

Где-то позади нас опять шум, какой-то шорох... понятно-понятно, хомяк¹⁵ наш бежит.

– Богдан! Мудак! Что, блядь, тут происходит?! – кричит хомяк, руками размахивает, шухерится падла.

– Все под контролем, – говорю. – Неудачно припарковались.

– Какое, блядь, под контролем?!

Размахнулся – и хрясть мне пару раз. Рука-то холеная, словно тесто, кое-как скользнула по щеке, только и успел подумать, вдруг палец ломает-то об меня.

– Егор! Егор!.. – припал на колени, схватился за шиворот. – Егор, сын!

Я говорю, чтоб не загонялся. Говорю, что кровь светлая, все в порядке, дыхание восстановилось, легкие не задеты, переломанных ребер тоже вроде нет. Когда ребра сломаны, идет такое дыхание, точно ниппель пропускает... вш-иии-ть... вш-иии-ть...

Потом, понятное дело, «халат» пришел, Миша-Янкель. Меня усадили на диван в гостиной. Сказали, что потерпевший. Знали бы они, что такое потерпевший! Это когда у тебя одна половина тела обгорела, а внутренку держит какой-то дух, которого ты в первый раз видишь. И думаешь: «Надоест ему скоро, сука! И когда надоест, то что?» А еще думаешь, как бы так сделать, чтобы кровь с сукровицей не так сильно, сука, херачила. Чтоб терпения у духа подольше хватило. Или уж, ладно, поменьше.

Хозяйка, без палева, налила мне бухла. Она и раньше делала это после смены, добрая, такая хорошая. Правда, прежде я не пил, отказывался. Даже после работы. Квасить для меня – только мое, сугубо личное дело. Не люблю, чтобы рядом кто-то находился. Это время отдохнуть, только мне и Сергуше, за которого пью, с которым пью.

На этот раз выпил, конец смены все-таки. Вроде небольшой глоток, но почти ничего не осталось. Мало наливают, что сказать. Обожгло, внутри как-то приятно сделалось.

Дальше сидел в гостиной на приколе. Ждал, что «халат» скажет. Остальные ребята, кто не охранял по периметру, поехали искать некую Юлю, которая, как успел сказать Егорка, его поюзала¹⁶.

Если по правде, никакой Юли, по ходу, и не было... точнее, была... но за этот вечер столько Юль всяких мелькнуло, что уже не важно, какая из них намарафетила¹⁷ пацана, тачку подбила угнать.

¹⁴ Шпили-вили (жарг.) – половой акт.

¹⁵ Хомяк (крим. жарг.) – жадный человек. Подразумевается босс, коммерсант, бизнесмен.

¹⁶ Поюзать (от англ. use) – использовать, применять. Подразумевается использование в своих целях одним человеком другого.

¹⁷ Намарафетить (крим. жарг.) – принимать наркотики. Как правило, кокаин.

Для меня это ништяк, что позвали сюда. Как будто я член семьи, а не просто торпеда¹⁸ какая. Что-то типа гордости родилось внутри. Дал я тут слабину, короче. Что бы на это сказал Сергуша, да и весь тот тюльпан?.. Что бы сказал?.. Ни-че-го. Никто оттуда уже не вернется.

Миша вышел из спальни. Я тоже приподнялся:

– Ну что там?

Миша, сука, оглядел меня подозрительно. Но рядом хозяйка. Он и начал свою ахиною травить:

– Что ж... шок, безусловно, есть. Даже и ушибы... однако ничего серьезного. Мальчик, на этот раз, отделался легким испугом...

– На этот раз?! – внимательно так посмотрела на него мать мальчика, аж ноздри запрыгали. – На этот раз?! Что вы имеете в виду, Михаил Симонович?

– Кхе-кхе, – изобразил Миша. – В анализах слюны и мочи существенная доза... как бы помягше-то... опиатов и мелатонина... то есть, простите меня, это кокаин и амфетамин... не говоря уже... кхе-кхе... о большом количестве этанола... кхе-кхе, то есть алкоголя. В общем, все это дорога в один конец, так сказать. Понимаете?

– Это мой сы-н-н! Это мой, это мой... сын... Что вы говорите такое?!

Я, понятно, тоже даю! Рванул за волюну. Вовремя остановился, а то бы и пригномил Симоновича, чего уж там.

– Да, да, да... – закозырял Миша и сам весь задрожал, сука. Пузо ходуном ходит, как кисель. – Да и еще раз да! Упаси господи! Надо лечиться, есть специальные программы. Наркотики никого до добра не доводят. Вы поймите, уважаемая Елизавета Викторовна... – «халат» любил сказануть, как в книжках, прежде чем получить на лапу. – Вы поймите, есть, есть способы... если нужно, мы поедем, мы организуем лучшую программу в Швейцарии.

– Богдан, расплатись!

Не ожидал от нее. Похоже, она Егорку-то сильно любит.

Я вытащил пару соток, швырнул на столик, в руки пархатому не дал. Симонович посюсюкал чего-то еще. Но Елизавета махнула ему, типа «иди». Он, сука, быстро подхватил бабосик, поклонился даже, вот падла. Сначала, сука, мне! Попутал, видать. Потом Елизавете. И такой, как крыса, пошел.

– До свиданья, до свиданья... скорейшего выздоровления. Если все-таки насчет программ...

Елизавета еще раз махнула, Миша заткнулся, дверь за собой закрыл.

– Фу, какой мерзавец... – по ходу, без сил Елизавета села на диван. – Богдан, налей мне тоже, пожалуйста.

– Вам виски? – у меня голос аж сорвался. Блин, как у салаги.

– Все равно...

Поехал после смены домой. Так и вышел перед Арбатом. Решил постоять, воздухом подышать.

Город-герой, блин. Жахнуть бы здесь, чтоб засветилось вокруг, как в Джелалабаде¹⁹. Вот тогда бы это был герой.

На душе хреново как-то, не по себе. Хотелось скорей зашариться²⁰, накидаться до отключки, чтоб без тормозов. Виски этот стоял в горле, приятно так, не хотелось его не пойми какой дешевой водярой заливать, культурного чего-то хотелось.

¹⁸ Торпеда (крим. жарг.) – исполнитель, как правило, незаконных действий (например, заказного убийства).

¹⁹ желалабад – город в Афганистане, транспортный путь на дороге Кабул – Пешавар, где велись ожесточенные бои во время Афганской войны.

²⁰ Зашариться (крим. жарг.) – спрятаться, укрыться.

Мы с Сергушей обычно бухали спокойно, как люди, без излишеств. Просто выпивали, просто вспоминали. На моей кухне простенькой. Сигареты, водка, закуска, все как положено. Я-то как? Последние лет десять голова не та. Как нагибаюсь, передо мной колодцы Кандагара, пески Баграма... как настоящие, сука. Все горит, тюльпаны потом подбирают, что осталось.

Перевалы, перевалы, без конца и края. Природа, сука, кое-где красивая, но чужая. Сколько их вообще тогда было, этих перевалов?.. Меня всегда там напрягали камни здоровые. Эти камни, уж хрен знает сколько лет там смотрели, как подышает кто-нибудь. В смысле не только мы, а вообще все. То в форме, то в халатах этих дебильных. Какая разница...

А тут витрины на меня смотрят. Еще хуже, чем камни те. То ли купить пельменей, закусона, водки и спокойно посидеть. То ли зашариться куда, просадить бабла маленько. Елизавета Викторовна предлагала мне в нагрузку, за «спасение Егорки». Какое там спасение! Так, обычный косепоп разгреб. В общем, не взял я. Сама сунула в карман, сказала: «Ладно тебе, Богдан, ты тоже человек, проведи как-то время».

Бабосы я не вытащил, не вернул. Так до сих пор и торчат в кармане. Нет, не потому, что деньги не хотел возвращать. Подумал, раз Лиза положила, не могу я вернуть вот так просто. Короче, как олень я думал.

Раз олень, значит, бабосы эти надо и потратить по-тупому. И решил-таки не пельмени, а культурно появиться где-то. Тем более давно отдыха нормального не было. Ребята в том месяце приглашали, не пошел. Без Сергуши не хочу. Неправильно как-то.

Зашел во что-то японское. Заказал водки, закусь. В зале ни туши. Полы пахнут химией какой-то. Но не ядреной, как в военгоспитале, жить можно. В углу салага-официант трет глаза. Видно, приехал из своего города на ранней «собаке»²¹.

Выпил первые сто пятьдесят. Косепоп с Егоркой все крутился в башке. Когда мы в юности барагозили, случалось всякое, чего уж там. Но никто не страховал, никто не заботился. Как-то иначе все было устроено. Сделал – сам разбирайся. И все. Халаты так же латали, предки так же опекали, но не пытались порешать. Что было, то было, типа сам порешаешь.

Это приучало относиться к жизни по-другому, не быть якорями²². По-взрослому, как мы думали. Куда нас привело это по-взрослому? Туда и привело, что половина моих теперь лежат где-то, а караваны по ним ходят. И что, караваны виноваты? Или те, кто приехали туда с волынами и стали по этим караванам шмалять? Караваны там уже тысячи лет. И чё? Значит, мы, получается, не правы? А мы-то что?! Сказали: «Надо отслужить». Пошел. Не спросил ни у кого. Такая же логика: сам разберусь. Как будто самый умный, что ли... и как можно быть самым умным в семнадцать?! Потом сказали: «В Афган пойдешь?» А я: «Ну пойду. А чё?» И пошел. Опять, сука, не спросил. Откуда это взялось? Может, оттого, что должен кому-то? Но кому?!

Заказал еще сто пятьдесят. Салага перетрухнул. Понятно, девять утра. Да и рожа у меня потрепанная после ночной смены. Наверное, подумал, сейчас балаганить дядя будет или не заплатит. Но бухло быстро принес. Ну и хрен бы с ним, пусть думает что хочет.

От вторых полтора башка разболелась. Ну, блин! Хотел погулять по-взрослому... У меня такое бывает. Все-таки башня уже не та. Да и сколько по ней, бедовой, били, сколько резали! А еще контузия, понятно же.

Рядом за стол сели какие-то звери. А кто еще ходит пить по утрам? Проститутки, телохранители и чурки.

Чурками я их без наезда считаю. Олень из Рязани был бы рязанцем. Это разве обидно? А это чурки.

²¹ «Собака» – электричка, поезд.

²² Быть якорями (воен. жарг.) – солдаты, которые постоянно тормозят, не имеют способностей к обучению.

После войны как-то по-другому относишься к чужой жизни. Без злобы, без обид. Да и без любых ожиданий. Все почему? Потому что знаешь, как ее можно быстро отнять. И знаешь, как быстро ее могут отнять у тебя. Что-то вроде коробки какой на полке в магазине. Если таких коробок много в ряд стоит, кто из-за них будет брыкаться?

Потом эти, ну звери, начали играть в свои... Как же их?.. Правильно, нарды. Откуда только взяли? У салаги, что ли? И так все время: шлеп... щелк... вах-вах-вах... опять щелк, шлеп... вах-вах-вах... а у меня и так башню сносит.

– Друзья, потише нельзя, а?

– Эээ... мужчина, вах-х-х... ты като такой? Пойди, опохмелись, да?

– Да...

Ну я и пошел. Салаге сразу косарь оставил, чтоб не в обиде был. По дороге, мимо чурок, беру эти их нарды, об пол хер-р-рак. Они что? Они, стало быть, зассали.

– Эээ... мужчина, зачем ты?..

Зачем, зачем? Я почему знаю. Нарды не люблю, сука, вот зачем.

На улицу вышел, там тоже кислорода ни хера. Дышать тяжело, вдохнуть-выдохнуть не могу. Захотелось рвануть подальше. Надоел этот город. Хорошо, что рядом с вокзалом дело было. План в голове созрел: сесть на «собаку», какая попадется, уехать километров за сто. До следующей смены. Пожить у кого в простой хате деревенской. Может, в баню сходить. В общем, хотелось чего-то чистого, что ли, чтобы все вокруг настоящее. И грязь тоже чтоб настоящая. Не блевотина какая, а чтоб земля, зола, трава...

В ларьке зацепил еще бутылку водяры, в электричке заскучать боялся. Зацепил и пошел к Киевскому.

Глава 4. Герман

<Россия, 2020-е годы>

За соседним столиком сидели три лошемордые. Похожие на «я в Москве уже три года». Хвастовство, страх и, конечно же, слабоумие. Вот они вытягивают морды, один в один лошади в стойлах, подбивая сзади солому.

Одна, рядом, была еще и бесформенная. Это даже не лишний вес. Это отсутствие конструкции тела. Она напоминала уродливый автомобиль, над формами которого производители не думали. Как будто специально выпустили с конвейера, чтобы будущего владельца сразу посетила примерно такая мысль: «Ну ты, конечно, уродец! Ладно! Зато сейчас затолкаю в тебя побольше всякого дерьма, и помчались!»

Бесформенная лошемордая подозвала официанта:

– Ааа... эээ... Скажите, какой у вас самый французский десерт?

Самый французский десерт! Какие французские десерты в Москве, в кафе с пестицидными помидорами и резиновым сыром?! Я захотел громко-громко прокричать ей в самое ухо: «Как-к-к-ие-ээ-э?!» И тут же представил, как от этого вопля глупо выпрямленные, словно искусственные волосы лошемордой завернутся вокруг шеи и начнут ее душить... Твоя жизнь все равно будет такой же бесформенной, как и ты сама! Такой же однообразной, как твой идиотский вязаный свитер цвета плитки общественного туалета.

– Чё-нибудь изволите? – подошел ко мне официант, скорее всего из Химок. «Чё» и «изволите» обычно соединяют жители северных псевдокультурных трущоб.

– Благодарствую, ничё.

Да, глупо все это. Злоба у меня внутри. Пустая, ни к чему не ведущая. Много чего хотелось кричать. Слезы не дошли до глаз, хрип не прохрипелся, поэтому хотелось кричать куда-то внутрь, на самого себя. Один из таких дней, когда мечтаешь изменить мир, сразу целиком. Не так, чтобы долго-долго чего-то делать и потом тешить себя мыслью, что это что-то меняет. А чтоб все сразу!!! Только так и можно что-то изменить. Все остальное? Просто обман... этот поганый мир можно изменить только одним, но очень сильным движением! Бомба не поможет, даже самая большая. Везде будут валяться куски всех этих с их «самыми французскими десертами». Да и после бомбы они все равно будут думать, как бы еще пожрать или покрасить стены хрущевки венецианской штукатуркой. Ведь кто-то обязательно уцелеет. Всегда кто-то остается. Уцелеют, вот даже не сомневаюсь, самые уроды. Первое время будет боль, очистительный шок. На время просветлеет, лица, может, станут наконец чистыми. Может, даже трогательными. Страдание всегда очищает. С лица как будто спадает вся эта никчемная мишура.

– Ты понимаешь, хочется какого-то греческого стиля, – услышал я одну из лошемордых.

– А ты знаешь, что... – замурлыкала в ответ бесформенная лошемордая.

– Да, да, это... – закачала лошадиной головой третья и как будто подбросила копытом засранной соломы.

Я не стал дожидаться, что ответит третья, в «заплеванном» свитере. Хотелось какого-то воздуха, причем поскорее. Пусть даже этого, отравленного. От двух стаканов вина в голове сначала прояснилось, потом помутнело, словно накрыло чем-то.

Вышел на улицу, перешел через дорогу, разрывая какую-то невидимую границу между лошемордыми и собой. Хотя, конечно, никакого разрыва не было и не будет. Я все еще с ними, рядом, в них, о них... Как же гадко! Как будто я тоже мечтаю о венецианской штукатурке в своей хрущевке.

Впереди замаячила спасительная арка. Глухая, больше похожая на питерскую, чем на московскую. Я вошел и постоял какое-то время, попытался отдышаться. Краска образовывала

простой рельеф, то ли волн, то ли просто ошметков. Вместе с грязно-желтым цветом все выглядело так, как будто ее красили давно, лет двадцать назад, не меньше.

Где-то во внутреннем дворе слышались шаги нескольких человек и гогот. Похоже, еще с прошлого вечера пьющая компания. В таких глухих «колодцах» часто пили подростки. Правда, и для них теперь придумали всякие дешевые забегаловки, что-то «подходящее». Как бы они того ни желали, однако взрослые дяди управляли подрастающим поколением даже больше, чем остальными.

Сейчас они подойдут. Какое разочарование! Такие арки я любил. Любил стоять в них долго, чувствовал себя защищенным, особенно если стоять где-то посередине, чтобы пространство как бы обволакивало. Точно эти своды могли защитить... если поднять голову да запрокинуть сильнее, потом постоять так какое-то время, возникало ощущение, что ты в коконе. Защитно-спасительном. Так вот, сейчас этот момент будет испорчен.

Первыми подошли две поддатые девки. Готов спорить, парни называют их между собой «сосками». Хотя какие они «соски»?! Так, предварительная стадия перед свиноподобными. Раньше, когда я был в их возрасте, такие девки обычно носили футболки с фото белокурого парня, смотревшего куда-то вдаль, с потрепанной акустикой в руках²³.

Теперь таких футболок не было. Наверное, считались немодными. А может, песни про смерть и несчастную любовь перестали нравиться, вот про белокурого и забыли. Впрочем, он так и предполагал, поэтому заблаговременно выстрелил себе в башку. Заблаговременный выстрел в голову?! Ну да. А что такого?

Белокурый с акустикой, действительно, больше не котировался. Обе девки продемонстрировали непонятные круги и разводы, напечатанные на футболках. Но, похоже, странные рисунки что-то для них значили. Иначе они не носили бы куртки нараспашку, в такую-то погоду.

– Дядя, как... Чё?

– Дядю в другом месте будешь искать... – растягивая слова, намеренно хриплым голосом сказал я. Еще помнил эти приемы улиц. Надо отвечать быстро, хрипло. Это как сигнал опасности для другого. Значит, ты рычишь и готов бить, грызть.

– Эээ... ты чё?! – отозвался парень, который шел за ней.

Я пожалел, мое время в этой арке еще не прошло. Но перепалка началась бы в любом случае. Так уж все устроено. Парни напиваются, хотят показать свое право на жизнь любым способом. Девки им подыгрывают, потому как жаждут увидеть, у кого есть это право. Идиотизм, конечно, однако ж ближе к настоящей жизни, чем все эти «самые французские десерты».

– Ладно, давайте, идите куда шли.

Вплотную ко мне приблизился парень в старом лыжном костюме. Двое других, один в кожаной куртке, похоже, старшего брата или отца, второй в пуховике, стояли за ним, наблюдали.

– Ну чё? – скривился «лыжник».

Его лицо – точная карта судьбы. Кожа жирная, но ровная. Лицо ребенка, пока еще довольно здорового. Так он и будет выглядеть до восемнадцати, а потом, незаметно, превратится в бесформенного мужика. Загар бедняка, как будто размазали по лицу ошметок глины.

Я ударил «лыжника» в нос. Короткий, хлесткий удар. Несильный. В уличной драке не нужно бить сильно, это снижает скорость.

– Ауу-у... – из-под стиснутых пальцев закапала светлая яркая кровь. И она как у ребенка. Видимо, еще не успел сильно отравить тело своей жизнью.

---

²³ «...носили футболки с фото белокурого парня, смотревшего куда-то вдаль, с потрепанной акустикой в руках» – подразумевается Курт Кобейн, солист группы «Нирвана», который на многих изображениях – в кедах и с акустической гитарой.

– Да ты чё?! Аааа!!! Я тебе-е-е-е!!! – тонко завизжала одна из девок и неуклюже заскакала вокруг нас, пытаясь тыкать мне в лицо.

Я отклонился, но вид уродливых грязных пальцев с обкусанными ногтями все-таки отпечатался, прошел куда-то внутрь меня. Почувствовал, сейчас затошнит.

Друзья «лыжника» вступаться не стали. «Кожаная куртка» и «пуховик» были из другой породы. Таких вид крови пугает, сковывает, а не окрыляет. Поэтому, когда первая волна оцепенения миновала, они подхватили обиженного мною под руки и потащили прочь. Девки следом. «Грязные пальцы» продолжали истошно орать: «Да я ж тебе!!! Ты хоть знаешь кто?! Да ты чё?!»

«Хмм...» – и я нагнулся. Серый безжизненный асфальт был полит тонкой струйкой крови, где-то художественно забрызган каплями, большими и маленькими. Красиво.

– Пс-и-и-и-х! – раздалось уже откуда-то с улицы. Видно, одна из девок еще не успокоилась.

Я снова посмотрел на кровь. Уже не такая яркая! Как быстро. То ли впиталась, то ли окислилась. Еще раз посмотрел на своды арки. Где-то в глубине, там, в этих с годами запекшихся опметках краски, услышал обрывки знакомых строк... «красная-красная кровь» и «опаленная звезда». Да уж... так про это сказал другой парень, тоже с галимой акустикой. Только не блондин, а брюнет. Да и убил он себя немного иначе²⁴. Хотя какая разница...

* * *

Я быстро шел. Кривые обрывающиеся улицы центра вывели к широкому проспекту. Сейчас это было то, что нужно. Хотелось пространства.

Большой ровный тротуар. Можно бежать и оставаться незамеченным. Свиноподобные, лошемордые, глистообразные мельтешат вокруг. Создают маскировку, что-то вроде иллюзии ряби, как будто все двигаются куда-то, в каком-то направлении.

Зашел в ресторан с окнами во всю стену. Это хорошо: смотреть в такое окно и думать. Это лучшее, что я сейчас могу. Надолго не задерживаться. Выпивка – и дальше. Подобная смена декораций, лишь видимая, конечно, не дает заниматься глупым самолюбованием, истязанием. Ведь это только тупое пережевывание «как могло быть, если бы...». Тупое и бессильное, признак слабости.

– Когда гости приезжают, вы должны ждать их во дворе, помогать припарковаться, – услышал за соседним столиком.

– Да, да... – закивала парочка «туземцев», которые, несмотря на теплый зал, сидели в куртках и шапках, сдвинутых на макушку. Я, кажется, слышал, что так голова меньше потеет, соответственно, ее можно реже мыть. Почему тогда просто не снять шапку? Ответ есть: когда голову редко моешь, это видно, следовательно, лучше сидеть в шапке.

– Вы понимаете, как это важно? Все время! Слышите?! Всегда держать подъездную дорожку расчищенной! – продолжала «метелка» с хирургически закатанными наружу губами, от чего звук получался как у мультперсонажа.

Говорила настойчиво, точнее, хотела выглядеть настойчивой. Я представил, что она режиссер мультфильма, который объясняет двум гномам, как им обращаться с Белоснежкой. Вот только сам режиссер настолько туп, что старается изображать интонацию гномов, чтобы они хоть как-то поняли.

---

²⁴ «Красная кровь» и «опаленная звезда» – слова из песни В. Цоя «Звезда по имени Солнце»; «...так про это сказал другой парень, тоже с галимой акустикой» – подразумевается, что на многих изображениях Цой с акустической гитарой; «...да и убил он себя немного иначе» – Курт Кобейн застрелился, а Виктор Цой погиб в автомобильной аварии.

– Все должно быть совершенно! – непонятно про что подытожила «метелка» своим гномским голосом.

Я допивал второй martini с джином, лучший утренний напиток. Идти дальше не было сил. Хотелось смотреть на эту улицу через эти большие окна. На ползущие машины, на растираемую прохожими грязь, сжимая пальцами прозрачное стекло с маслянистой пахучей жидкостью...

Машины ехали так медленно, что можно было изучать лица водителей. В основном мужские. Бессмысленная тяга к размножению вынуждала их совершать идиотский ритуал «магазин-дети-пиво-сон». В то время как хотелось только «пиво-сон», без всяких уродских детей и магазинов. Все силы пожрала другая тяга – карабкаться.

Но в субботу! Их тревожили идиотские «семейные» мысли про «должен» и «надо». Может, их даже греет, что когда-нибудь этот маленький ублюдок сделает что-то стоящее.

Ложь, когда родители говорят, что, дескать, ничего их не интересует, кроме детей. Лицемерие, ужасная фальшь! На самом деле их интересует только одно: когда-нибудь они смогут придумать себе оправдание в духе «я жил для...» или «я жил, потому что...». Все эти субботние магазины, бессмысленные поездки и прочую шелуху наконец можно будет оправдать! Именно поэтому, в мерзкую погоду, уставший и замученный, свиноподобный папаша запикивает в свою уродливую машину всякие идиотские предметы, проговаривая про себя: «Я делаю это, потому что...» И на какое-то время успокаивается. Уродливый и тупой самообман!

От второго martini с джином ноги стали ватными, но голова довольно ясной. Я вышел.

Под ногами темно-серый снег, под ним прослойка воды. От этого шаги получались какими-то одинаковыми. Заметил по следам, которые оставались на жиже. Шлепок, проскальзывание, опять шлепок... опять проскальзывание.

Долго идти по такой мерзости было тяжело, и я опять оказался в кафе. Полном каких-то рукожопых. Хотя, может, это клуб?

Редко, но бывают моменты, когда одиночкам хорошо в толпе. Единственное условие – толпа должна быть настоящей. Не просто, чтобы все столы заняты. А чтобы люди задевали друг друга локтями, постоянно толкали, терлись обвисшими боками. Чтобы неуклюжие движения всех ничтожеств превращались в одну бессмысленную волну.

Здесь было почти так. Я стоял и ждал свой заказ. Рядом стоял какой-то тип, который раз за разом откусывал от жирного бургера, наклоняя голову вбок. То ли это какой-то пережиток, еще с тех времен, когда приходилось откусывать от лежащей на боку туши, то ли он просто хотел, чтобы мясной сок попадал ему прямиком в рот.

Отвратительное зрелище, однако довольно естественное. Я представил, что все вокруг сидят с какими-нибудь козлиными головами: наклоняют их, откусывают, жуют, наклоняют и откусывают, и опять жуют, и опять наклоняют.словно мы единый организм. Начинаем повторять, копировать, передразнивать. Не только в движениях. Говорим одно и то же, даже если слова разные! Все это какие-то заготовки. Ни смыслы, ни значения, ни команды. Просто заготовки. Пустые, безжизненные, бессмысленные. Как и большинство наших движений. Так и слова. Так и мысли, черт возьми. Одни заготовки.

Это как с иностранным языком. Можно начать с правил, а можно выучить несколько тысяч заготовок. Так делают некоторые эмигранты. Они приходят в магазин, на парковку, в офис, слышат «вопрос-ответ» и просто запоминают. Впрочем, подобным образом люди поступают и со своим родным языком. Они говорят не ответ, а заготовку ответа.

«Господи! Боже мой! – кажется, прокричал я. – Все вы заготовки!!! Вы ненастоящие, вы искусственные. Вы как картонные декорации. Спектакль, это всего лишь спектакль. И декорации, только декорации. Они не имеют никакого отношения к настоящей жизни. Набор заготовок. Е-мое...»

– Нормально все, братишка, а? – подмигнул мне козлоголовый.

- А?
- Нормально все? – пытался перекричать он «бу-бу-бу».
- Да...

* * *

Я ехал в такси, почему-то думая о Вавилонской башне. Наверное, наверное... нужно сделать что-то типа новой Вавилонской башни, чтобы люди перестали играть в эту ублюдочную игру. Перестали говорить одно и то же, думать одно и то же. Чтобы думали самостоятельно! Чтобы наконец освободились от всех заготовок.

Дома перечитал миф о Вавилонской башне. Раньше он стойко ассоциировался с толстой учительницей истории. А ведь тогда я даже не посмел усомниться, зачем вообще Бог лишил людей возможности говорить на одном языке. Объяснение, конечно, было.

Бог наказал людей за высокомерие. Высокомерие? В чем же? В том, что они строили высокую башню? Между прочим, ему во славу! И за это Бог лишил их возможности понимать друг друга, и они заговорили на разных языках? Удобное объяснение! Как и все удобные объяснения – очень тупое!

Конечно, Бог не лишил людей возможности понимать друг друга, наоборот, он хотел, чтобы они научились понимать друг друга по-настоящему. Чтобы закончилось это бессмысленное how are you или «ну, чё, как там?». Чтобы стадо свиноподобных, лошемордых, всех вообще... могло ходить куда хочет по туннелям своего сознания. Чтобы они избавились вот от такого:

- Ну, чё? Давайте башню построим!
- А на фиг?
- Чтобы башня большая была. Это же будет во как!
- Не, ну давай... Большая башня – нормальная такая идея...

Бог лишил людей заготовок. Вот что случилось тогда в Вавилоне. И что сделали люди? Вначале все правильно сделали. Они бросили идиотское занятие – строить идиотскую башню. Потом случилось то, что не входило в планы Бога. Кем и каким бы ни был Бог, это не входило в его планы. Люди, лишившись заготовок, вместо того чтобы учиться понимать друг друга по-настоящему, вообще перестали друг друга понимать.

– Я не хочу тебя понимать! Ты говоришь на другом языке! – возмутился один, словно только в этом языке и было дело.

– Ну и на хрен тебя, я тоже ни черта не понимаю! – согласился как ни в чем не бывало второй.

И они разошлись, просто разошлись в разные стороны, пока снова не нашли тех, кто стал пользоваться такими же заготовками. Вот и вся история. Все просто. Прост и конец. Люди-человеки разошлись в разные стороны, пока опять не образовались свиноподобные, лошемордые и всякие прочие, чтобы постоянно лепить везде свое бессмысленное «о, не может быть!» или «я принимаю решение», или «я тебя услышал». Да кто кого вообще слышит на нашей планете?! Идиоты...

Я устал от злобы, плеснул очередную порцию коньяка, подпер голову руками. Очень хотелось провалиться в какой-нибудь бесчувственный сон: «... а тем, кому нечего ждать, отправляются в путь. Их не догнать, уже не догнать»²⁵. Те самые, блондин и брюнет, соединились в одного, рыжего, в кедах, но без гитары²⁶. Вместо нее у него было пианино. Или рояль? Он вну-

---

²⁵ «...их не догнать, уже не догнать» – слова из песни В. Цоя «Спокойная ночь».

²⁶ «...рыжего, в кедах, но без гитары» – подразумевается Э. Джон, который на ранних фото частенько предстал в кедах, как К. Кобейн, но без гитары.

шительно давил на клавиши и, кажется, даже не совсем пел, а, скорее, тарабанил английским речитативом про «цикуль жизни»²⁷.

«Так вот, в кого они превратились!» – подумал я и то ли заснул, то ли потерял сознание.

---

²⁷ «Циркуль жизни» – подразумевается песня Э. Джона Circle of Life.

Глава 5. Мукнаил

<Без географического наименования, 2100-е годы>

Институт раритетных технологий, сокращенно ИРТ, был расположен на пятидесятом этаже. Такое низкое расположение говорило о невысокой популярности: все, кто оканчивал здесь курс, оставались в облаках.

Мукнаила это не беспокоило. По каким-то неведомым причинам его привлекали раритетные технологии. Еще по более неведомым причинам его привлекали облака. Хотя по сравнению с полями они были устаревшими, как и сами раритетные технологии.

Но Мукнаилу они нравились. В облаках все хранилось. Не то что в полях. А раз хранилось, всегда можно найти. Подобное объяснение его устраивало, хотя сравнивать было не с чем. Он не знал, как это – быть в полях.

– Дорогие студенты... – начал лекцию профессор Розевич, когда Мукнаил запустил образ ИРТ.

Судя по растрепанному виду образа самого профессора, он еще не оправился от выходных. У Розевича был идеально подогнанный сюртук в светло-серую полоску, острая, уверенным клином торчащая бородка и топорщившиеся в разные стороны волосы, которые обычно лежали идеальными одинаковыми кудряшками.

– Итак, – продолжал Розевич, – как вы знаете, когда люди не пользовались облаками, они пользовались программами. Самыми разными. Например, если кто-то хотел побыть... ну, скажем, например... э-кхе... – Розевич по-профессорски вежливо покашлял, а Мукнаил про себя отметил, что это какая-то глупая настройка образа – все время вставлять «э-кхе». – Как, например, вы студентами. И для этого нужна была программа. Да! Представьте себе. Отдельная программа, чтобы быть в образе студентов. Виданное ли дело? Какая глупость, какая вульгарная... расточительность!

Мукнаил сконструировал образ большущей собаки с кровавым извивающимся языком, которым она пыталась выскрести какой-то деликатес из маленькой баночки с позолоченным краешком. Образ показался Мукнаилу удачным, и он отправил его в аудиторию.

– Да! Все правильно, Мукнаил! – воскликнул Розевич. – Именно так, вульгарная расточительность! Так вот! – и он поднял указательный палец. – Когда еще не было самоорганизующихся облаков, люди пользовались разными программами, которые, представьте себе, по отдельности хранились в том, что тогда называлось облаками. Ну... – профессор рассеянно развел руками. – Кто бы мог такое представить? И как только не догадались?!

– Как же они работали без самоорганизующегося облака? – появился вопрос от кого-то из студентов.

«С помощью программ и работали, – подумал Мукнаил, забыв, что его образ остался открытым, а значит, все видят, о чем он думает.

– И опять в самую точку! – воскликнул Розевич. – Делаете успехи, Мукнаил! Да, действительно, с помощью программ и работали. Одной программой управлял один человек. Разумеется, программа сначала настраивалась специальными, если... э-кхе... можно так сказать, инструкторами. Но в целом да. Человек получал комплект программ и делал с ним все что хотел. Все что хотел, черт возьми... – почему-то разочарованно закончил Розевич.

– Как же тогда с безопасностью? – задала вопрос Асофа, сопроводив его образом большой акулы, стремительно догоняющей маленького человечка-аквалангиста и наконец, с кровавым лязгом, заглатывающей его.

– Да! Это вопрос целого века, дорогая Асофа! – согласился профессор. – Можно сказать, всего двадцать первого века. Программы было просто придумать, в конце концов это

мог делать любой школьник. А вот как охранять открытый код, так никто и не придумал. Точнее, придумывали. Появлялись новые уловки, как эту защиту обойти. Потом опять придумывали, потом опять обходили, и так почти сто лет, пока не изобрели первые самоорганизующиеся облака. Которые мы, дорогие студенты, как раз и изучаем. Я даже... – ехидно хихикнул Розевич. – Я даже могу поделиться с вами любопытным словом. Да! Где-то в старых образах нашел! Звали таких людей хакерами. Откуда оно, слово, взялось? Может, от названия какого-то древнего органического наркотика или еще чего-то. Но так называли тех, кто охранял программы от взлома, и тех, кто их взламывал. Впрочем, это были одни и те же люди, что полностью обесценивало их, так сказать, хаки. Э-кхе... – самодовольно кашлянул профессор. – Извините, так сказать, за каламбур.

Мукнаилу стало скучно на лекции. Нажав на образ Асофы, он увидел ее открытые образы за два выходных дня. И там... было столько всего, что ему и за месяц такое количество набрать не удалось бы! Да еще все разные, умело и тщательно сконструированные. Любовь, приключения, интрига, близость, дружба, ирония, расслабление, любопытство и даже опасность.

Мукнаил нажал на образ опасности, почему-то именно он заинтересовал больше остальных. Но этот образ был закрыт. Попросить Асофу предоставить доступ выглядело слишком навязчивым. Ладно, ему тоже было что показать девушке. Так вот нет же! Какие образы он получил за последние дни? Только расслабления. Еще интереса, любознательности и маленький, очень слабенький образ игры. Да и то, если Асофа посмотрит этот образ, что она там увидит? По сравнению с ее коллекцией просто пустяк.

Однако Асофа заметила, что Мукнаил присматривается к ее образу опасности, и сама вдруг спросила:

– Что, опасности захотелось?

– Не знаю. Пока не узнаю, какая это опасность.

– И не узнаешь, – парировала девушка.

– Тогда ты не узнаешь, какой у меня есть образ для тебя.

– Уже знаю, – Асофа показала огромный оранжевый корабль, бороздивший большую акваторию и потом неожиданно лопнувший. Судно превратилось в мелкие красные точки, а каждая точка в воздушный шарик. Шариков стало так много, что они окружили Мукнаила.

– Как?! – он не понял, откуда у Асофы один из сконструированных им образов, но потом увидел, что сам не закрыл его.

– Ладно, – сжалилась Асофа, передавая ему свой образ опасности.

Какой это был образ! Полный настоящего конструирования и такой реалистичный. Мукнаил увидел перед собой большую ржавую балку, потрескавшуюся от времени. Она соединяла два здания. Судя по всему, Асофа по-настоящему стояла на краю балки, смотрела вниз и только потом сконструировала из этого образ. Передать все «краски» опасности удалось очень хорошо. Внизу ничего не видно, лишь мутное пространство мелких капелек. И все равно! Так опасно! Асофа стояла там! Стояла по-настоящему! Это поразило Мукнаила. Он сам испытал все последствия опасности, едва посмотрев образ.

Тотчас же сохранив его, восторженно поблагодарил Асофу, отправив ей образ красивого блестящего дельфина, заглатывающего длинную тонкую рыбину с зеленовато-голубоватой чешуей, а потом благодарно трущегося своим скользким лбом о ладонь того, кто дал ему эту рыбу.

– Ладно тебе! – подобрела Асофа. – Обращайся, если чё.

– Обращусь...

И, чтобы отвлечься, Мукнаил решил дослушать лекцию Розевича, опять вернув образ ИРТ.

– Так вот, – в это время распалялся профессор, – когда вопросы безопасности заняли, так сказать, первое место, все решили, что перестанут делать программы отдельно. Решили, одним

словом... э-кхе... делать облако. Или, иначе говоря, самоорганизующиеся программы. Так появилось первое самоорганизующееся облако. О! – визгливо воскликнул Розевич. – Этому первому самоорганизующемуся облаку было далеко от того, что мы знаем сейчас. А уж до полей ему было и того подавно... но, но... это, знаете ли, шаг! Это был большой шаг к тому прогрессу, который мы сейчас имеем. Ведь подумайте только! Когда-то давно, чтобы пойти в лес, люди искали лес и шли туда. Чтобы поплыть, скажем, на яхте, люди выходили в море на яхте. В море, в настоящее море! Не как мы, безопасно и хорошо, а главное, без вреда кому бы то ни было, выходим в образ моря. А в море, в море! – затряс указательным пальцем Розевич, высоко подняв руку над головой. – На яхте, на яхте! На настоящей яхте!

Все, кто был в аудитории, поставили образы недоразумения. У кого-то этот образ выглядел как большой парящий в небе утюг, у кого-то как дырявая чашка, из которой, наподобие фонтана, вытекала жидкость. А сам Розевич соорудил образ яхты, которая, неуклюже вспорхнув на волнах, разламывалась пополам и так плыла дальше – уже как две отдельные половинки, и потом тонула.

Мукнаилу все это почему-то не очень понравилось. Или он был еще под впечатлением образа Асофы? Он создал свой образ, изобразив большого кита, плывущего по волнам и выпускающего маленький фонтанчик из широченной покато́й спины. Кит был доволен, чувствовал себя в безопасности и благожелательно вращал огромным маслянистым глазом.

Все заметили это, кроме Асофы. Ее уже не было в аудитории. А жаль! Мукнаил так хотел поразить ее. С другими участниками, особенно с Розевичем, ему не хотелось вступать в дискуссию.

– А вот студент Мукнаил считает, что выходить в настоящее море, на настоящей яхте, это здорово! Вон какого довольного кита нам изобразил! – иронично подметил Розевич. – А знаете ли вы, молодой человек, что там волны, что там качка, что там всякие гады в воде плавают? И, наконец, яхтой надо управлять руками, канаты натягивать. Это вам не в образе плавать!

– Я бы попробовал, – решил не сдаваться Мукнаил.

– Ну что ж, ну что ж... – разочарованно развел руками наставник. – Как хорошо, что вам такой возможности не представится. А то не миновать беды, не миновать! Как хорошо, что все мы ограждены от таких опасностей, как море, лес, горы, солнце, дороги. И хоть мы и находимся в здании уважаемого института, я могу со всей серьезностью заявить, дорогие студенты, что, что... прогресс – это самое лучшее из того, что может быть!

Мукнаил не очень внимательно слушал лекцию дальше. В пику Розевичу он параллельно запустил образ «сплав по бурной реке», на самом высоком уровне адреналина. Его био уже предупреждало о превышении, но Мукнаил все игнорировал. Прямо перед его глазами, ударяя в лицо, взрывались вверх брызги, нос каяка то и дело падал, продираясь между тесными камнями в витиеватом русле горной речки. Какая уж тут лекция! Какие уж тут ограничения!

Наконец, Мукнаил вернулся в ИРТ, совершенно довольный и расслабленный. Уже заканчивая занятие, профессор, потирая руки, сказал:

– Ну-с, завтра будем плодотворно изучать первое самоорганизующееся облако в лабораторной работе.

В следующее мгновение Мукнаил с облегчением скомкал образ лекции, вместе со всей аудиторией и исчезающим за высокой кафедрой Розевичем, и швырнул куда-то в самую дальнюю часть своего облака.

Он откинулся в ложементе, хотел сделать утреннюю стимулирующую зарядку, но био предупредило, что за время «сплава по бурной реке» внутрь попало и так слишком много адреналина, а значит, зарядка будет лишней. Едва молодой человек собрался поменять зарядку на расслабляющий массаж, как перед ним появилась Асофа.

– Ты чего? С лекции ушла?

– Да... – махнула Асофа. – Я хотела в Институт современных технологий, а попала только в ИРТ. Говорят, из раритетных нельзя в современные, как, в общем-то, и наоборот. А ты?

– Что я? – честно ответил Мукнаил. – Современные не потянул бы, не тот этаж. Да и не люблю я эти поля, честно говоря. Облака, это да. Это понятно. Где-то должно все храниться. Но вот поля. С ними как-то все неочевидно. То ли хранится там что-то, то ли нет. Заходишь однажды, остаешься навсегда. Вроде так, – толком сам не знал Мукнаил.

– А ты заходил? – очень серьезно спросила Асофа.

– Нет. Куда мне... Говорю же, этаж не тот. Да и не хотел бы я. Странно, конечно, но...

– Чего ты тогда хочешь? – Асофа послала ему образ одиноко стоящего под деревом гриба с маслянистой шляпкой и прилипшим к ней листом. Гриб был большой, крепкий, но по виду полунаклоненной шляпки очень печальный. К тому же моросил дождь, который настойчиво тюкал гриб: кап-кап, кап-кап... Гриб явно не знал, чего он на самом деле хочет.

«На неуверенность намекает, – понял Мукнаил. – А может, на разочарование».

В любом случае Асофа спрашивала серьезно. Хотя серьезно такие вопросы задают крайне редко.

– В настоящее море хочу, на настоящей яхте, – попробовал пошутить Мукнаил.

– Правда? – не отставала Асофа.

– Правда? – и Мукнаил задумался. – Не знаю. Хочу, как ты, на той балке постоять, – неожиданно для самого себя признался он.

– Точно?

– Точно, – решился Мукнаил, хотя и чувствовал внутри какое-то покалывание. Возможно, давал о себе знать переизбыток адреналина.

– Тогда до встречи, – уверенно попрощалась Асофа и зачем-то вышла из облака.

«Что значит „до встречи“? – удивился Мукнаил. – Как будто мы еще не встретились. Все-таки странная эта Асофа!»

Асофа и правда была странной, но Мукнаила от этого почему-то еще больше к ней тянуло. В таком непонятном состоянии он включил массаж, размышляя о том, что с этим всем делать, когда Асофа придет в следующий раз...

* * *

Мукнаил уже был готов сконструировать новый образ, как вдруг увидел прямо перед собой большой, из потертой бронзы звонок, который сам же когда-то и создал. В звонок колоутили маленькие молоточки, да так звонко и часто, что Мукнаил тут же понял, к чему это. Редкий образ, оповещающий о том, что к нему кто-то пришел не в облаке. Последний раз Мукнаил видел его давным-давно, еще когда к нему приходил первый инструктор по настройке био.

Вылезти из ложементов было не так просто, а сделать пару шагов к двери – и того сложнее. Асофа, а пришла именно она, тоже обессилела. Поначалу пыталась кое-как держаться на ногах, но потом просто опустила на пол рядом с ложементом, чтобы хоть как-то передохнуть.

Внешность Асофы никак нельзя было назвать выдающейся, как, впрочем, и у всех, кого раньше Мукнаил встречал не в облаке. Ноги длинные и стройные. Талия представляла идеальный перепад между нижней частью тела, развитыми плечами и грудью. Руки тонкие, шея грациозная, лицо – симметричный овал. Кожа мягкая и упругая, умеренно загорелая. Как почти у всех жителей пятидесятого этажа, у Асофы были темного цвета волосы, с редкими золотистыми прядями. Все в Асофе – результат правильного распределения био, с того самого момента как запланировали ее зачатие. В правильных пропорциях, в правильное время и с выверенными интервалами в растущий организм добавлялось все необходимое.

– Привет, – сказала Асофа, которая, пока по не понятным для Мукнаила причинам, находилась не в облаке.

Он удивился, но тоже вышел из облака.

– Пр-ве... – это все, что он смог произнести, потому как говорить вне облака приходилось довольно редко, если вообще приходилось.

Немного отдохнув, Асофа встала и поманила Мукнаила выйти из комнаты. Тот испытал облегчение и тревогу одновременно. С одной стороны, не нужно придумывать, где в его комнате найти место для еще одного человека, с другой, куда она собирается его вести и, главное, зачем.

Когда Мукнаил оказался в длинном коридоре с большим количеством дверей, Асофа уже успела сделать несколько шагов направо, вдоль по коридору. Сам Мукнаил старался не потерять нормальную походку и, несмотря на обилие мышечных стимуляторов, часто, хотя бы раз в месяц, ходил не в облаке.

Как ни странно, он иногда любил ходить не в облаке, чего многие его приятели практически не делали и тем более не понимали.

Судя по походке Асофы, ей тоже нравилось ходить не в облаке, хотя было заметно, что делает это она не так давно. Словно очень долго находилась в облаке, а потом вдруг решила встать и пойти сама по себе.

– Ты чего? – Мукнаил послал ей образ в виде большого бобра, который сидел на берегу речки и точил круглое бревно, держа его лапами наподобие шампура с шашлыком. Глаза бобра при этом были настолько большими, что, без сомнения, образ выражал недоумение.

Однако Асофа не ответила. Кажется, она полностью отключила облако, даже обмен образами. Да зачем же?!

«Ладно, была не была. Тренировка так тренировка, – решил Мукнаил и тоже отключил облако полностью. – Странное чувство, по большей части неприятное... – отметил он и прислушался. Без образов было не сразу и понятно, сказал он это вслух или подумал.

– Т-т-т...ы...ы...чи...чи... – Мукнаил не смог закончить фразу, не привык говорить.

– Ты хотел сказать «ты чего»? – довольно уверенно проговорила Асофа. Кажется, несмотря на свою нетвердую походку, говорить без облака она начала уже довольно давно.

– Д...д...д...а, – наконец справился с языком Мукнаил. Он понял, так разговаривать не получится, и жестом показал, что лучше бы включить обмен образами.

– Ни за что! – противилась Асофа. – Я к тебе пришла, а не к твоему образу.

«Как странно, что она делает такие различия», – подумал Мукнаил.

– Я...я...я нена-на-надолг... – Мукнаил не договорил и, чтобы дальше так не мучиться, включил облако и быстро прошел набор образов по стимуляции речи. Вполне уверенный и довольный, он снова отключил облако, как того хотела Асофа.

– Вот, – гордо, почти без запинки произнес он. – Так ты... ты чего?

– Чего-чего? Ты же сам хотел опасности, хотел по балке походить. А сейчас? Уже не хочешь?

– По балке? – растерялся Мукнаил, представив, что ему не только придется куда-то идти, говорить без образов, так еще и ходить по какой-то балке.

– Ладно, пойдем, – и Асофа медленно зашагала по коридору.

– Ладно, – согласился Мукнаил. Все-таки ходить было для него проще, чем разговаривать. Да и не пропадать же тренировкам. «Вот и посмотрим, на что годна вся эта ерунда без облака», – рассудил про себя он.

Коридор был таким длинным, что Мукнаил и не помнил, доходил ли он когда-нибудь до конца. Да и зачем? Что там, в конце коридора? Наверное, еще один коридор. Так зачем проходить один коридор, чтобы оказаться в другом? Но Асофа, похоже, была иного мнения.

Держась за стену, она упорно волочила ноги, путая короткие шаги с длинными, поэтому, когда они дошли до преграждающей путь широкой недружелюбной двери, уже совсем обессиленная. Мукнаил чувствовал себя увереннее, ходьба давалась ему неплохо, он вполне мог сде-

лать двадцать шагов зараз, а то и двадцать пять. Мешало только то, что приходилось все время ждать Асофу, пока та немного передохнет.

– Ну вот, – и его спутница с гордостью указала на большую дверь, которой заканчивался коридор.

Это была не такая дверь, как справа и слева. Она больше походила на наружную, тяжелую, высокую, опасную. На всякий случай Мукнаил ненадолго зашел в облако, вызвав недовольство Асофы, зато смог убедиться, что за дверью ничего нет. Он сконструировал образ опасности, довольно живой, тщательный, и сохранил его. Что ж, дверь и правда была опасной.

– Совсем без облака не можешь?

– Но зачем... без... без... без облака? – удивился он ее вопросу.

Стимуляция речи очень помогла, теперь он мог произносить слова почти полностью.

Еще одно доказательство, что без облака не то что нельзя, но и не надо.

– Не... – сорвался голос у Мукнаила, когда он увидел, что Асофа пытается открыть эту опасную дверь. – Нет, не надо! Вот видишь, – поучительно продолжил он, – ты в облаке здесь не была, поэтому не знаешь, что эту дверь открывать не надо. Там ничего нет.

– Это ты так решил или облако? – раздраженно парировала Асофа, взясь с выпуклой ручкой, которая никак не поддавалась.

– Да, но... – Мукнаил опять не понял, что именно она спрашивает или требует.

В следующий момент выпуклая ручка все-таки повернулась, раздалось несколько щелчков, и Асофа с трудом приоткрыла дверь. Всего лишь щелочка, а в коридор сразу повалили сотни мелких, грязных и весьма гадких капелек. Мукнаил зажал нос и рот, чтобы ни в коем случае не вдыхать их, но напрасно. Асофа так яростно толкала дверь, что пришлось ей помогать, и он невольно вдохнул какую-то часть капель. А вместе с ними и какие-то странные чужие запахи. Плохие запахи. Это Мукнаил сразу понял. Никаких цветов и горных ручьев поблизости явно не было.

Наконец, когда дверь отрылась и поток капель из двери немного ослаб, он увидел то, что еще не так давно наблюдал в сконструированном Асофой образе опасности. Перед Мукнаилом возникла действительно страшная картина. Да еще Асофа подтолкнула его вперед. То, что находилось там, было куда сильнее любых неприятных ощущений.

Балка, довольно широкая, влажная и скользкая, вроде как поросшая какой-то плесенью, грязью или паутиной. Паутиной?! Здесь?! Откуда здесь пауки?! Да и бывают ли пауки вне образов?! Мукнаил еще не успел ответить себе на все эти вопросы, как его правая ступня оказалась на самом краю жуткой балки. Он испытал холод и влажность чуждого предмета. И это было совсем не так, как в образах. Там все предметы приятные, интересные или обычные, или даже страшные, если того требовал образ. Но все эти ощущения... свои! Тут... эта балка! Чужая, ощущения чужие. Словно в тело Мукнаила проник еще кто-то. Хотя нет, не совсем так...

Здесь все вокруг чужое!

Мукнаил убрал ногу и подался назад. Вслед за ним на балку ступила Асофа. Она неуверенно поставила правую ногу, и Мукнаил увидел, как на ее щеках что-то произошло. Скулы приподнялись, как будто Асофа состроила гримасу. Это что, улыбка?! Да, видимо... совсем непонятно, по сравнению с облаком, еле-еле заметно. Как будто улыбка была, но не совсем настоящая.

Эту мысль Мукнаил не успел обдумать – Асофа поставила вторую ногу на балку. Обе ноги задрожали, опасно изгибаясь то в одну, то в другую сторону. Руки Асофа растопырила так, словно изображала самолет. Мукнаил стоял ошеломленный, ничего толком не понимая. Зачем она это делает?! Получить новый образ и сохранить его – одно. И совсем другое – подвергать себя настоящей опасности!

Вдруг Асофа сильно покачнулась и... Она намеревалась сделать следующий шаг, но сначала соскользнула одна нога, а потом и вторая. Асофа, видимо, ударившись о балку всем телом, исчезла где-то внизу, полностью скрывшись за потоком маленьких отравленных капель.

«Что же это?! – Мукнаил мгновенно впал в какую-то прострацию. Он впервые увидел, как кто-то куда-то падает вне облака. – Это что?!» – опять то ли удивился, то ли расстроился он. Поскольку Асофы рядом не было, а значит, некому и возразить, Мукнаил поспешно включил облако. Что там внизу? Асофа улетела куда-то. Что теперь будет? Мукнаил наклонился еще ниже, но, кроме темных переливов, которые показало облако, густых и с причудливыми рисунками, ничего не увидел.

Ни Асофы, ни прежних грязных капель, которые так досаждали, когда он был не в облаке. «Вот почему не надо выходить из облака!» – твердо решил для себя Мукнаил и закрыл злополучную дверь.

Он почувствовал себя совсем хорошо. Хотя и не исключал, что по возвращении ему понадобится еще один образ массажа. Все-таки и пострадал сильно, и вымотался, пока шел по злополучному коридору. «А как же Асофа?» – «А что Асофа!» Мукнаил задал поиск. Облако у нее по-прежнему отключено. Он не мог ее найти, ни поблизости, ни где-нибудь внизу. Как будто она пропала по собственной воле!

– Облако надо было включать! – произнес Мукнаил то ли со злобой за то, что Асофа подвергла его стольким болезненным испытаниям, то ли от раздражения на самого себя, что он на них согласился.

Глава 6. Закуар

<Без географического наименования, 2100-е годы>

– Дж-и-и-и-н! – закричал я, пытаюсь еще невидящими глазами разглядеть сверток, на котором вчера примостилась Джин. – Дж-и-и-и-н, твою-то мать! – я даже начал волноваться. – Ну сколько можно, Джин!

Утро – это боль. Все тело рассыпается, точно кто-то мнет в руках высушенный лист. Лист потрескивает, рвется, но пока почему-то ни разу в труху не превращался. Боль есть боль, и больше ничего. Это я уяснил. Это только где-то там, в настоящем, боль заставляет делать что-то. На самом деле боль может лишь сковывать.

Когда глаза немного привыкли к темному коллектору, я начал различать потрескавшуюся краску на стенах, очертания короба какого-то из воздухопроводов, уходящего вверх. Ну и очертания Джин. Свернувшись калачиком, она спала ровно в том месте, где я вчера ее оставил.

— Джин, ты спишь?

– Хрр-хррр-хрююю... – мирно просопела Джин и, кажется, перевернулась на другой бок. Она всегда начинала сопеть перед тем, как проснуться. Так-то спала тихо, как и полагается немому протезу.

– Слушай, ты помнишь, для чего раньше были сделаны эти коллекторы?

– Уффф-ииии-ть... – ответ Джин прозвучал невнятно.

– Помнишь, помнишь, – догадался я.

Подумать только, еще не так давно целая цивилизация сливала свои «грезы» через этот прямоугольный широкий туннель, ведущий глубоко вниз, в землю, непонятно куда.

Теперь он пуст. Как и сама цивилизация. Высох коллектор, высохли и «грезы».

Я попробовал сесть, сразу не получилось. В ушах звенело. В глазах как будто песок. Это нормально, главное, до первой капли дистиллята делать все медленно.

В кармане я сжимал его – Роберта. Держать руку в кармане, пока спишь, вот к чему приучил меня Роберт, и был прав. Роберт – моя единственная оставшаяся колба с дистиллятом. Все остальные парни уже пали, истощив свой запас, теперь вот только безжизненно побрякивали в карманах. Я даже начал забывать их имена. Руперт, Руби, Рэй, маленький Рудольф. Все сгнулись пустыми в карманах... черт с ним, какая теперь разница...

Остался один Роб, да и он обычно молчал, пока был закрыт. Это и правильно, только так и хранят драгоценный дистиллят – молча. Но сегодня время не пришло даже для одной капли.

Наконец я кое-как сел, медленно поднимая голову, чтобы уменьшить звон в ушах, потом натянул Джин на ногу.

– Фью-ть-ть-ть... – сопротивлялась она, впрочем, как обычно. – Не так, не так застегиваешь, идиот!

– Ладно тебе, ладно, – пытался успокоить я. – Сегодня «третий» день. Значит, мы можем провести его весь в этом чудесном коллекторе. Никаких походов по заброшенным зданиям, никаких порывов Милицы и грязи Адама. Понимаешь? Сегодня никакой Милицы и Адама. Хорошо, а? – при этом я даже попробовал изобразить какую-то гримасу на лице, чтобы немного расшевелить Джин. В конце концов, от нее тоже зависит, сдвинусь я с места или нет.

– Ладно, раз говоришь, что сегодня не будет Адама и Милицы... а торговый центр мы поищем? – опять принялась она за свое.

– Эх, Джин... – что еще я мог ответить.

Джин была не настолько добра.

– Идиот, – грубо бросила она, однако дала-таки застегнуть последний ремешок.

В «третьи» дни вся наша компания, я, Джин и Роберт, могли оставаться под землей. Только в «третьи» дни. Те, кто все время проводил под землей, прячась от Милицы и Адама, окончательно двинулись. Мы пока выходили. Пока. Сегодня был заслуженный «третий» день для этого коллектора. Прекрасный, отличный коллектор, между прочим! Надо дать ему имя, разговаривать-то все равно придется.

– Будешь Калвином? – спросил я у коллектора.

Кажется, стены ответили протестом: «Вина-ви-на-вина».

– Не будет он Калвином, – проворчала Джин.

– Тогда... может, Августом?

Стены вторили: «А-гу-а-гу-гу». Это, наверное, можно расценить как вполне уверенное «да».

– Он будет Августом, – и я одобрительно похлопал Джин по пластиковой «спинке», хотя и знал, что она этого не любит.

– Августом? С чего это? – не унималась она.

– Август, Август. Вот увидишь.

– С чего-чего? – не отставала Джин.

– Слушай, ну... – я чуть было не сказал, как мне протезу объяснить-то, но вместо этого просто добавил: – Август – значит густо. Густо – это хорошо. А хороший коллектор должен быть густым! Густо – хорошо. Очень густо – еще лучше. Понятно?

– Ладно... – то ли успокоилась, то ли затаила обиду Джин.

Август и правда был хорошим коллектором. Стены и потолок цвета грязного бетона. Собственно, как и пол. Коллекторы вообще не отличались разнообразием, просто бетонная труба, да и все. Вот и Август был таким.

Адам еще не затянул здесь все своей паутиной, Милица сюда не проникла, поэтому видно было очень хорошо, когда глаза привыкли к полумраку.

Чертова Милица! Как же она доставала на поверхности! Жутко раздражало, когда в каждый кусок твоего тела все время втыкаются тысячи осколков. Милица, сука! Вот кто точно переживет нас всех: меня, Джин, Роберта, даже Адама. Хотя Адам с ней заодно! Это точно. Пока Милица дует потоками своих острых осколков, он все покрывает черной копотью и грязью. Скоро все вокруг станет Адамом.

Но в коллекторе, что успокаивало, этих двух мерзавцев почти не было, лишь далекие завывания и редкие черные следы Адама на стенах. Вряд ли я что-то здесь найду, но, возможно, этот путь выведет меня к Моисею. Никакого торгового центра тут, конечно, нет и не будет. Никогда не будет. Да и кто строит торговый центр в канализации? Однако я пока не признавался в этом Джин. Но Моисей... он должен быть где-то. Моисей был настоящим потайным коллектором. Хотя я его никогда и не видел, но что-то слышал о нем.

– Джин?

– Хри-хри-хри-хри... – забеспокоилась Джин. Она не любила, когда я отвлекал ее от работы. А работы у нее сейчас немало. Все-таки тащит мое безжизненное колено через весь чертов коллектор. Точнее, через шершавые, местами обвалившиеся стены Августа, дорогого Августа, который скрывает нас от Милицы и Адама. – Ладно, Джин, – я ласково погладил ее верхнюю скобу, – вот найдем Моисея, и ты наконец отдохнешь. По-настоящему выплывишься.

Я повернул. Можно было идти прямо, однако когда я находился под землей, то всегда следовал одному простому правилу: шел по пути основного коллектора. Это умно, ведь отводные и второстепенные ветви могли привести в тупик, пришлось бы возвращаться.

– В жопу твою выплывишься! – ругалась не по-детски Джин. – Я в торговый центр хочу! Что тут непонятного?!

За очередным поворотом я увидел мистера Закуара. Хотя, когда я его увидел, он еще не был мистером Закуаром. Обычный высохший труп. Понятное дело, труп. Их много везде. Я

их обыскивал. Важно ведь, что у человека в карманах, хоть бы и у трупа. Иногда я накрывал трупы. За эту глупость хвалил себя и ругал. Но не переставал ее делать. Какие-то горе-образы, которые еще остались во мне: мертвых надо чем-то накрывать.

Мистер Закуар сидел, прислонившись к стене, с выпученными глазами или тем, что от них осталось, и открытым ртом. Он был высушен, как кусок дерева, долго пролежавший в пустыне. У высушенных трупов внешность почти неразличима.

Я проверил карманы и нашел много ерунды. Батарейки, сдохшие раньше, чем бедолага лишился всего дистиллята, перочинный нож... как будто он собирался им вырезать на дереве свое имя или, может, сделать лук. И много чего еще, что вот такие вот балбесы, думали, поможет, когда они застанут «это». Вот что странно... надо у Джин спросить.

– Слушай, а почему эти ножи называются перочинными?

– Потому что они что-то знают или знали. В отличие от тебя.

– Знают?

– Да, знают. Поэтому они и перочинные. Знают – значит «чинные». Понятно? – Джин все-таки затаила обиду.

– Ладно, ладно. Ты, как всегда, права. Давай лучше посмотрим, что тут еще есть.

В засохшей руке мистера Закуара висела бутылка. Понятно... похоже, из романтиков. Встретил свой «закат», сидя здесь, разминая в руках бесполезные батарейки, плотая безвкусное пойло, надеясь на свой идиотский перочинный нож. Идиот!

– Ну ведь идиот, да, Джин? Да... да... знаю, знаю...

Я отвинтил пробку и попробовал, пока Джин не начала приставать со своими советами, типа «давай пей уж, чего ждешь» и так далее. Но Джин сейчас только глубоко вздыхала. Намалялась, пока мы прошли все это расстояние без дистиллята. Да и я устал.

– Лучше бы ты запасся дистиллятом, друг! – и я похлопал мистера Закуара по деревянному плечу.

Вкус пойла выветрился. Без дистиллята не только батарейки переставали быть батарейками, но и выпивка. Правда, эта бутылка, видимо, встретила «тот час» под землей. Какая-то едва заметная часть вкуса и спирта в ней осталась.

– Интересно, откуда ты. А, Джин? Может, он был у Моисея? Почему тогда забрался снова сюда? Глупость, такой идиот, как Закуар, не мог быть в Моисее. Может, он просто работал под землей?!

Я еще раз проверил карманы, но ничего нового не нашел, кроме бесполезного набора «имени апокалипсис». Перевернул труп. На спине куртки виднелась круглая нашивка с буквами – «За Ку Эр Ай». После этого мистер и получил свое имя, став мистером Закуаром, а не просто очередным высохшим трупом.

Впервые слышу это «За Ку Эр Ай». Да и какой в этом толк?.. Сколько их было... этих «ай», и все назывались как-то: «за-ку-эр», «ай-эм-ху» и подобная чушь.

Я поддел нашивку закуаровским ножиком, который, по уразумению Джин, «почти все знал», и она легко отвалилась. Может, этот «чинный» нож и правда все знает?! Да нет... нитки совсем трухлявые. Повертел нашивку в руках и зачем-то спрятал в карман.

Возможно, мистер Закуар был под землей, когда «это» произошло. Но где именно?

– Ладно... подвинься, друг... – Я присел рядом с мистером Закуаром. – Разве я не заслужил какое-то время провести хоть в какой-то компании? А, Джин? Не только ты, старая стерва, можешь выносить мне мозг.

Джин молчала. Знала, видимо, что, когда я так ругаюсь на нее, это не взаправду. А потом мы все равно вместе. Мистер Закуар, который подарил мне бутылку, молчун Роберт, Джин и я. Очень неплохая компания для «третьего» дня. Во всяком случае, лучше, чем обычно... я покрутил в руках бутылку, отпил немного еще... интересно, старые вещи будят старые мысли. Я вспомнил, как ненавидел этот мир... правда, потом оказалось, что мир ненавидит меня

гораздо сильнее. Как и всех остальных. Мир нас всех ненавидел. Всех! Кто его любил, кто его ненавидел, кто был безразличен.

Как только люди ни представляли себе конец, но только не так.

Я ведь тоже совсем не так все это представлял! Вообще, странные люди, все-то им нужно было приукрашивать: взрывы, кровь, страдания. Видимо, думали, все, что они так долго выстраивали, не может просто так уйти. Взять и уйти. Оказалось, может. Их просто раз – и отключили. Как смерть. Человек есть. И его нет. Выдернули из розетки. И все. А взрывы, пришельцы и прочие дебильные придумки – ненастоящие и здесь совершенно ни при чем.

Теперь я почти уверен, что эти уродские образы, которыми мы намеренно себя окружали, типа войны, болезни, всякие тупые соревнования, были только для одного... чтобы оправдать этот самый уход. Чтобы ни у кого даже не промелькнула простая мысль, что все вокруг – всего лишь «есть и нет». Как так? Не может быть! Это нечто большее! Мы все были в этом уверены. Так быть просто не может! Всегда есть «нечто»! А в нем есть особая важность, трагичность, смысл. А как иначе?!

Какая чушь... получилось, мы были как школьники. И самое большое, что мы делали, так это просто недоучивали уроки. А потом попали в реальную передрыгу и поняли, что все эти уроки...

– Да уж! Все-таки бутылка – хороший собутыльник. А, Джин?

– Даже самый лучший, – согласилась она.

Да... начинаешь думать о многом. Только зачем? Когда приходится вспоминать одно и то же снова и снова, снова и снова... нового-то уже ничего не будет.

Я разом допил, что осталось, сделав большой глоток, и так швырнул бутылку прочь, как будто она была во всем виновата. Стекло проскрежетало по неровному бетону и гулко упало куда-то в темную часть стока. Оттуда его уже никто и никогда не достанет.

Туда же бросил бесполезные батарейки и «чинный-перочинный» нож. Похлопав на прощание своего собутыльника Закуара по деревянному колену, медленно встал и двинул дальше, по пути главного коллектора Августа.

Видимость ухудшилась. Обычно я не шел туда, где было совсем темно, боялся заблудиться. Приходилось полагаться только на собственное зрение и редкие подсказки Джин. Но, скорее всего, Закуар пришел именно оттуда, поэтому стоило рискнуть.

– Джин?

– Чего? – чувствовалось, ей еще сложно дышать.

– Ты помнишь торговые центры? – решил подбодрить ее я, хотя сам никаких торговых центров не помнил, во всяком случае настоящих. – Заливные полы, кучи консервов на полках, люди ходят, повсюду дистиллят, дистиллят, дистиллят!

– Помню, бестолочь. Ты меня каждый день спрашиваешь.

– Ладно, ладно, ладно... это бутылка, понимаешь? Я просто хочу, чтобы ты поддержала разговор. И ты знаешь, – я погрозил кому-то пальцем в темноте, – что с Робом хрен поговоришь. Он, конечно, не затыкается, когда открываешь крышку, но, пока крышка закрыта, с ним болтать бесполезно. Понимаешь?

– Понимаю-сь-сь-сь...

– Ну, помнишь?

– Что помню?

– Торговые центры, бестолочь! Уххх... швырну когда-нибудь тебя, будешь знать!

– Да? Попробуй... – Джин хотела еще что-то возразить, но не стала. – Помню я торговые центры, – печально сказала она. – В таком торговом центре я тоже была. Или, думаешь, ты только? Там были всякие кресла, бинты и прочая полезная ерунда. И все время играла музыка. Музыка... когда народа было много, музыка звучала громче. А потом меня перета-

пили в какой-то захудалый магазин, – удрученно вздохнула Джин. – Там музыки совсем не было.

Я ничего не стал говорить. Понял, реально больная тема для Джин. Далась ей эта музыка... Вот странная. А у нас тут что, не музыка разве? Башмаки привычно шаркают. Шаги гудят в стенах Августа. Да и сама Джин скрипит в такт шагам, и это хрр-хрр-вщщщ... хрр-хрр-вщщщ... успокаивает лучше любой музыки. Все как всегда, идем не знаем куда... хрр-хрр-вщщщ... хрр-хрр-вщщщ... хрр-хрр-вщщщ... с Джин в обнимку, с Робертом в кармане. Эх...

Под ногами начали попадаться всякие обрывки, обломки, какой-то мусор. Похоже, до того как случилось «это», здесь жила одна из тех дурацких общин. Их как раз до «этого» много развелось. Может, кто-то почувствовал приближение чего-то? А может, просто совпадение. В общем, некоторые все бросили, ушли под землю, отказались от того, что было наверху. Некоторые даже спаслись. Но ненадолго, скажу я вам, ненадолго.

Эти кретины спускались со своих высоких этажей и думали, что смогут вести здесь, под землей, такую же жизнь, как и на поверхности, что их не будет никто доставать. Не тут-то было... все то же самое. Они быстро подсели на дистиллят, и все, что происходило здесь, было как на поверхности, только не на поверхности. Такая вот муть.

Тяжело было на это смотреть. Особенно когда показывали всем, кто на поверхности. Показывали в назидание. Они всегда так делали. Не хотели, чтобы биомасса расплзлась, часть «там», а часть «тут». Биомасса должна быть едина.

– Ты едина, я едина, – подразнила Джин.

Не знаю, зачем я берег свои инстинкты? Они все еще заставляли меня искать пищу, каждый день просить у Роберта последние капли дистиллята, по капле или чуть больше. Требовали от Джин держать мое сломанное колено и все такое. Кажется, инстинкты нужны, чтобы оставлять потомство. Но какое потомство я мог оставить?! Какое и... кому?!

Вот бы найти Моисея, это совсем другое. В Моисее могло быть много полезного. И даже дистиллят. Может, за каким-то поворотом коллектора я увижу большие красные ворота, зайду внутрь. А там... все-все есть, как когда-то в торговом центре. И тогда я пойму: вот Моисей!

Этот путь, похоже, не очень правильный. Во всяком случае, не путь к Моисею. Вместо того чтобы удаляться ниже, коллектор теперь вел куда-то наверх. Стены были одинаковые, а свет почти отсутствовал. Идти тяжело. Джин, похоже, сильно устала. Да еще и каждое движение давалось с трудом, напоминая, что я давно не разговаривал с Робертом.

– Роб?! – позвал я, достал колбу и поднес к губам. Сначала понюхал. Ничем не пахло, зато я знал, что было внутри. Дистиллят! Настоящий, чистый дистиллят!

Резьба на крышке проворачивалась виток за витком, Роберт просыпался, слышались его первые повизгивания, откуда-то издалека. В такие моменты не надо убирать колбу ото рта, тогда можно смахнуть языком одну маленькую каплю, которая стекает по крышке.

Так я и сделал. Потом осторожно перевернул крышку, и еще одна большая капля упала на язык.

– Только здесь и только сейчас! – заголосил Роб. – Вы видите последние. Я подчеркиваю! Последние капли настоящего, наисвежайшего, чистейшего дистиллята! Вы только подумайте, как он прекрасен! Вы хотите выпить все сразу? И правильно! Это ваше решение! Следуйте за своим решением. Вы – хозяин своей судьбы... – все больше оживлялся он.

– Да, да, да, да! – заголосил я.

– Мистер? – обратился ко мне Роберт, как будто впервые меня видел, даже обидно стало.

– Чего тебе?

– Вы не представляете, как это важно! Важно прямо сейчас! Вы должны сделать выбор, иначе, так сказать, выбор сделает вас! Решайтесь, только здесь и только сейчас!

Я перевернул колбу, сильно прижимая ее к языку, чтобы часть дистиллята полностью прикоснулась к его поверхности, смочила. В голове еще звенела мишура, которую выкрикивал

Роберт. Это был не первый раз, когда с этим приходилось бороться. Все время подмывало убрать кончик языка от горлышка колбы, испытать это. Это! Как прохладный, живой, чистый, свежий ручеек дистиллята катится по языку внутрь.

– Нет, нет, нет, только здесь и сейчас, только здесь и сейчас, не отказывайте себе... – я плотно закрутил крышку, и Роберт опять превратился в угрюмого молчуна.

Интересно, почему он может говорить только с открытой крышкой?

– Ну что, дальше? – спросил я у Джин, а сам почувствовал, как стало легко, приятно и очень-очень тепло где-то внутри.

– А то... – согласилась она.

Джин тоже становилась сговорчивее, после того как я выпивал дистиллят. Хотя ее он не интересовал. Видно, просто радовалась, что Робу приходилось быстро заткнуться, едва я плотно закрывал колбу.

И вообще, все не так уж плохо. Признаю, в этом Джин права, хотя она редко бывала права. Но сейчас... Август здесь, с нами, Роб надежно укрыт в кармане, Джин торжественно скрипит. Значит, можно отправляться в путь, на поиски Моисея. Чтобы испытать приказ, увидев его. Большие красные ворота с надписью «Моисей».

– Испытать экстаз, а не приказ, дубина, – все еще веселилась Джин. – Приказ не испытывают, а отдают или, в крайнем случае, исполняют.

– Исполнить приказ, чтобы испытать экстаз. Так, что ли?

– Эхх... – Джин вздохнула.

Она не очень любила, когда я дурачился после дистиллята. Предпочитала, чтобы я шел быстрее, не тратя сил на всякое «не то». Все-таки Джин была протезом, ее можно понять.

Глава 7. До

<Без географического наименования, 2100-е годы. Новая цивилизация>

Мы носим Пао. Пао носит нас. Мы строим Башню. Башню из Пао.

Пао везде и бывает разным. Светлолетающим, темнолетающим, высоколетающим, крупнолетающим. Есть Яркое Пао, которое мы увидим, когда Башня станет высокой.

Во время темнолетающего Пао на Башне АТ, ОД, УР, УС, ЕР. Непросто им! Вокруг много мелколетающего Пао, его порывы сильны! А мы – ДО, КА, МУ, ИЛ, ЛЮ, ЛА и неповоротливый ФА – висим на Перекладинах.

ЛЮ висит рядом со мной. Я вижу его цвет, светло-коричневый. И еще зеленый. ЛЮ сейчас грустно, зеленый не его цвет.

У каждого свой цвет. Наши цвета разные, но мы похожи.

То, что различно, может быть похожим.

Пао такое. Различное и похожее.

* * *

ЛЮ пошел к Башне, и я с ним. Все уроки приводят к Башне.

Мы увидели серо-голубого ЕТ рядом с Подъемным Блоком. Мы пришли.

Подъемный Блок хорошо слушается старого мудрого ЕТ. Поднимать Пао тяжело.

ЕТ дал нам свой привычный урок: если Пао упадет у меня, то Пао все равно упадет.

Во время темнолетающего Пао пласты Пао сильно раскачиваются, удержать их тяжело даже старому мудрому ЕТ.

Пао раскачивает Пао. Но, если Пао раскачивает Пао, что тогда раскачивает Пао?

ЛЮ дал мне свой урок, в котором он знал и не знал, сможем ли мы достроить Башню. Крупнолетающее Пао так высоко!

Я вспомнил урок МА: кто дошел высоко, идет высоко. Еще я вспомнил урок, который когда-то дал мне РЕ: Пао больше – Башня выше.

Не знаю, какие уроки принял ЛЮ, но его светло-коричневый стал прежним.

Мы пошли обратно к Перекладинам, прошли мимо Большой Свечки.

Большая Свечка была здесь всегда, но у нее никогда не было цвета. Она яркая, однако прозрачная. Большая, но не выше высоколетающего Пао. В ней много разных цветов. Но я ни разу не видел ее собственного цвета.

Большая Свечка бывает таких разных цветов, что самих цветов не разобрать.

Что же тогда было с теми, кто здесь ее оставил? Что они делали с такими разными цветами? И какие могут быть в таких цветах уроки?

ЛЮ дал мне мудрый урок: не важно то, что было, если этого не будет.

Часть вторая

Глава 1. Конбор

<Маньчжурия, 1945 год>

«Летеха идет! Шшш-шшш...»

Я услышал шепот солдат. Они стояли втроем, в плотном кругу, раскуривая дикую коноплю. Надо было крикнуть что-то вроде: «А ну вас, сукины дети!» Но не хотелось тратить последние силы. Просто махнул рукой. А когда подошел ближе, они все спрятали.

В кружке справа солдат с широченным подбородком и мелкими красными глазами зло-радно улыбался. Видно, уже под мухой. Двое других отвернулись.

«...с такими-то воевать приходится! Жмых да говно, а не люди...» – вспомнились слова деда Матвея.

Сейчас меня больше волновала судьба «маленького человека». Подстреленного косоглазого, как сказал дед Матвей. Японец отличался от других японцев тем, что говорил по-английски и был одет в гражданское. Поэтому мы подумали, что он не простой военный, а шпион. Меня странным образом тянуло к этому человеку. Зачем-то хотелось с ним говорить. О чем?..

Когда добрались до линии фронта, посадили Сато, так звали японца, в отдельный закуток блиндажа, как военнопленного. Ждали приезда капитана, который должен был установить, шпион или нет. Хотя второй вариант, в общем-то, не предполагался.

А пока капитан Подгузов задерживался, японец сидел в сыром блиндаже практически без еды и воды. Поскольку было непонятно, что с ним делать, то и пайка не полагалось. Что тут скажешь? *Dura lex sed lex...* Закон суров, но это закон – в самом жестокоем исполнении.

– Ухи ему отрезать, да домой отпустить, – шутил дед Матвей.

– Почему уши? – удивлялся я.

– Да чтобы не бегал тут по степям нашим...

Я хотел было сказать, что тогда нужно ноги отрезать, а не уши, но побоялся, вдруг кто-нибудь услышит, того и гляди выполнит. Потом скажут, мол, товарищ лейтенант сам распорядился.

Запросто. Ситуация в роте с каждым днем хуже. Тут как будто собралось все отрепье, уцелевшее после войны с Германией. Мелкие и жалкие люди. Стоит только перестать их подкармливать – перережут и сожрут друг друга.

– Отпирай, чего стоишь! – крикнул я здоровенному детине, рядовому Захару. Он, если покрепче не скажешь, никогда не сделает или прикинется, что не слышит.

Странно, при всей жестокости Захар часто делился своими посылками из деревни с солдатами, которым ничего не присылали. Он мог забить насмерть кого-нибудь из военнопленных или разбить лицо своему же товарищу просто из-за незначительного спора. Но, когда приходили посылки, садился, по-хозяйски все раскладывал, нарезал, отдавал часть деревенской грубой колбасы, сала и толстых, с палец толщиной, сухарей. Иногда и меня пытался подкармливать.

– Поешь, дорогой начальник, – говорил Захар. – Совсем исхудал, бедолага.

Я, разумеется, строго отказывался. Знал, если перейти с ним на «короткую ногу», обратного пути нет. Захар будет считать себя равней. Если мы равны, а он физически сильнее, выносливее, значит, можно позволить себе все. Такая первобытная логика, от которой меня тошнило, а еще больше она меня пугала. Поэтому вел я себя резко и даже жестко. По мере сил,

конечно. Кое-как напрягал голос, чтоб поглубже сказать Захару: «Иди, давай, делай...» Или что-то в таком духе. Удивительно, но Захару это очень нравилось. Тоже загадка! Попросишь по-хорошему – осклабится как скотина, делать ничего не будет. Стоит гаркнуть по-звериному – мигом все готово, еще потом и улыбается довольный.

Захар молча отпрянул от мокрой стенки, оставив на ватнике продолговатую кляксу. Грубо высморкался желто-зеленым подтеком длиной чуть ли не до самого глиняного пола. Мерзость. Хочет что-то мне показать?

– Извиняй, начальник.

– Начальников в штабе будешь искать. Открывай, не триви мозг.

– Уверен, начальник? – Захар потер ушибленный висок, на котором расплывалось большое красно-синее пятно. Это его Сато «угостил».

– Захар!

– Ну, ну... – он открыл тяжелую дверь из оструганных кривых досок.

Маленький человек сидел в глубине землянки, лицом к двери, с закрытыми глазами. Как будто спал или производил какую-то молитву, скрестив ноги и сложив руки наподобие «покаяния».

– Слышь, начальник, кается желтомордый...

Я ударил Захара в живот прикладом. Он, сволочь здоровая, только улыбнулся, что-то вроде «так и надо», и протянул ладонь, здоровенную такую, черную, как чугунная сковородка, чтобы взять у меня винтовку.

– А ну его, еще отымет...

– Ну! – замахнулся я, но винтовку отдал. – Дверь, сволочь! Закрой. Там жди!

– Умело с тросом придумали, – проговорил, не открывая глаз, маленький человек на довольно чистом английском.

– Вы думаете? – спросил я, еще не успев понять, откуда он это знает.

– Наблюдал.

– Что наблюдали, прошу прощения?

– Как что? Как вы трос из коры делали.

– Наблюдали? – удивился я. – Но почему... почему тогда под пулю деда Матвея... прошу прощения, рядового Шкулева подставились?

– С вами хотел встретиться.

– Как это? Вам нужно было... убить меня? Взять в плен? Зачем?

«А... наверное, японцы хотят устройство зенитки скопировать? Вот и немцы все за ней охотились...»

– Нет, нет. Это не есть вещь всего.

Маленький человек сказал: «That's not the matter of thing... Это не имеет значения». Мне почему-то показалось что-то вроде «вещь всего» или «вещь в себе». Странно как-то.

– Все дело в том... – он не договорил и показал на дверь, слегка приоткрыв веки.

«Захар! Подслушивает скотина! Хоть и ничего не понимает по-английски, но подслушивает. Ведь потом может Подгузову передать, что я с косоглазым о чем-то ненашенском толковал. Так и меня шпионом признают, тем более с учетом биографии семьи».

– Захар! Свинья! На передовую у меня пойдешь!

– Ох, ох, ох... – запыхтел тот за дверью. То ли издевался, то ли злился, что его обнаружили.

– Ну, твою мать...

Захар стоял, глядя исподлобья и пытаясь понять, что ему делать. Всем сильны такие люди, как он, могут выживать в нечеловеческих условиях, не есть, не пить, переносить страшные болезни и увечья. Но вот в чем их слабость, так это в том, что они никогда не думают на

будущее. Как будто текущий момент – все, что у них есть. Может, так и правильно? Или так проще? Даже легче расстаться с жизнью. Живешь сейчас, а потом уже не живешь.

«Вот и посмотрим», – зло подумал я, в каком-то полубреду рванул винтовку, прислоненную к стене, и дослал патрон в патронник.

Захар вжался в стену. Видно, «срисовал» в выражении моего лица уверенность сейчас же его и пристрелить.

«Действительно, почему бы и нет?! Кто они, все эти солдаты?! Обычные животные. Они не люди! – поразила меня неожиданная мысль. – Не люди! Просто мясо, материал! Как дерево, земля, трава».

– Не, не... не... не надо, командир. У меня дочурка тама... уже взрослая, поди...

– Дочурка?

Испуганный вид Захара подстегивал. Все они боятся умирать! Несмотря на то что несчастливы, обездолены, ужасны, обречены, глупы! Но сейчас я понял. И это даже не ради какой-то дочурки. Это гораздо сильнее. Захар или такие, как он, думают, что должны жить. Должны жить?! Именно. Эту мысль им внушили: они должны жить, несмотря ни на что. Это внушение, простое внушение!

Я поправил приклад и решил выстрелить во что бы то ни стало. Было очень, невыносимо интересно посмотреть.

– Not worth to do... Не стоит этого делать, – произнес японец, и Захар зажмурился.

Я обернулся и увидел стоящего за мной Сато. Про него я совсем забыл. Маленький человек спокойно взял винтовку, вытащил магазин, выбил патрон из ствола.

– Вот так лучше, – спокойно сказал он.

Я почувствовал себя в какой-то прострации. Но она была осмысленная. Почему Сато не отнял у меня винтовку? Почему не перестрелял нас? Ну ладно... ладно, есть объяснение. Вокруг целая рота. Убив нас с Захаром, живым бы он не ушел. На меня всем наплевать. Но что бы солдаты сделали с японцем за Захара? Точнее, за то, что больше не увидят его посылок из деревни.

Я вспомнил, как несколько рядовых, сидя в общей палатке, ели толстые куски той самой деревенской колбасы. Наполовину протухшее сало. Здесь, среди безжизненной степи, они с удовольствием грызли сплетенные сухожилия и высасывали жирный сок, наклоня головы, плотно сжимая челюсти, чтоб ни одной капли не пропало. Вид такой, будто десяток козлов в один такт наклоняют противные вихрастые бошки с базедовыми глупыми глазами, пытаясь вкушать от какого-нибудь куста смоковницы.

– Вы пока не готовы! – Сато передал мне винтовку с пустым магазином, вернулся на свое место и опять сел, сложив ноги и руки.

– Не готов...

– Да, это так. Но будете.

– Что будете?

– Будете готовы много убивать. Точнее, лишать жизни.

– Но почему, почему?! Ведь эта же скотина, – я показал на лежащего в углу Захара, – он бил вас.

– Это бил не он.

– А кто?

– Я сам, конечно.

– Вы сами? Нет, нет...

– Все, что мы делаем, мы делаем сами. Это и есть путь.

Я сел на земляной пол и посмотрел в лицо Захара, который кусал нижнюю губу. Да так сильно, что струйка крови, вперемешку со слюной, свисала до самого пуза, оставляя расплывающееся пятно на рваной гимнастерке. «Все, что мы делаем, мы делаем сами». Мне очень

захотелось сделать что-то самому. Странное ощущение. Как будто сквозь серые облака начал проникать свет. Первые лучики света после долгой темноты.

Один из таких лучиков осветил патрон в ложбинке земли, чуть прикрытый соломой. Видимо, тот, который Сато выбил из ствольной коробки. Я вставил его в винтовку. Потом вплотную подошел к Захару. Еще раз посмотрел на полущенячье-полупоросячье лицо и дослал патрон:

– Ну что, Захар, будешь теперь меня уважать? – спросил я так, будто следующим движением указательного пальца думал отомстить всему этому «народу», который наделал все «это», лишил меня... всего. Лишил всего настоящего.

Захар что-то промышчал. Кажется, испугался пуще прежнего. Вот они, поколения рабов. А ведь сколько раз этот боров был в штыковой атаке, сколько раз его «собирал» армейский лазарет... Сколько раз! Но сейчас! Сейчас его смерть настолько явна, настолько очевидна. Вот в чем дело! Он никогда в жизни не встречал что-то настолько очевидное. Теперь это перед ним! Его смерть. И он не знает, что с ней делать. Она уже здесь. Вот она!

Я нажал на спусковой крючок. С таким ощущением, словно все это время держал в руке созревшую сливу, а потом со всей силы сжал, раздавив на части: в разные стороны брызнул сок, ошметки кожуры, полетела куда-то скользкая сливовая косточка.

Прозвучал не очень громкий хлопок. Я ожидал, что в блиндаже выстрел трехлинейки будет гораздо громче. Но нет, сухой безразличный хлопок. В этот момент я ощутил что-то необычное и очень правильное. Что лишать другого человека жизни – гораздо проще, чем об этом говорят. Как хирургическая операция или что-то вроде того. Просто ты делаешь определенное действие, а потом наблюдаешь, что произошло. Просто действие и наблюдение. Я посмотрел на мозги Захара, разбрызганные по глиняной стенке. Серо-коричневые сгустки чем-то напоминали куски полупротухшего мяса из его деревенской колбасы.

Помню, как мама покупала колбасу в Елисеевском гастрономе, с такими тонкими аккуратными прожилками. Колбаса Захара была, напротив, с толстыми и грязными, какими-то «червяками» внутри. И мясом-то не назовешь! Такие же и мозги. Не как из гастронома. Как из курятника, скотобойни или компостной ямы.

– Как вы? – спросил японец, который по-прежнему сидел на своем месте, несмотря на выстрел.

– Хорошо... Теперь очень хорошо.

– Это и есть путь.

– Э... э... чего это там? – прогрохотал кто-то сверху. «Дед Матвей», – понял я.

– Дед Матвей! Я Захара убил! – прокричал я чуть ли не радостно.

– Давно пора, – дед Матвей захрустел своими канадскими болотоходами, спускаясь вниз по хлипкой лестнице. – Давно пора. Этот хохол слишком много жрет. И других подкармливает, сучара. А на сытый желудок войну не выиграешь... Ну? – и дед Матвей оглядел пространство своим, как обычно, рассеянным и одновременно чутким до всего взглядом. – Ну, чего-чего... – он взвесил на ладони безжизненную голову Захара. – Пристрелил сволочь. И чего? А на хрена ты его пристрелил, Кинстинтин? А?

– Ну, дед Матвей... – развел я руками, будто школьник, который зачем-то изрисовал доску перед уроком.

– Лады-лады... он меня тоже замотал. А это чего за фрукт?

– Да как же, как же... это японец Сато, – удивился я. – Дед Матвей, вы ж его сами подстрелили изволили.

– Тьфу ты... забудь это свое «изволили». Замполит здесь! Приехал, сукин кот! Вот, а ты как профессорский сынок языком метешь. Вот! Или как это ваши там сказали бы – «вот-с». Ты со своим «изволите», как карета в свинарне. Может, еще «соблаговолите объяснить» ввернешь? Не, Кинстинтин, ты давай-ка это...

- Простите, дед Матвей! У меня шок.
- А ну! Ударь меня по ряхе что есть силы!
- Как?
- Ударь! – закачался от злобы дед Матвей.

Я его понял. Раз замполит приехал, надо соответствовать. Иначе всю роту могут в расход пустить.

- It's worth to do... Это стоит сделать, – произнес Сато, не открывая глаз.

– Че-г-го? Ты, клоп, хоть молчи! – махнул на него дед Матвей, и я сильно ударил винтовкой по челюсти, стараясь прицелиться в ту часть, где была скула, чтобы не повредить зубы.

– Вот так, вот так... – сказал дед Матвей, поправляя челюсть. – Не... – закричал он, когда я машинально протянул платок. – Ты понимаешь, ты понимаешь, что ежели тебя в том овраге порешат, то нам поставят командиром какого-нибудь сраного Захара, только посмышленной. И ты, ты, профессорский сынок, понимаешь, что будет?! А?! А будет то, что он нас всех угробит, коровья лепеха. И все!

– Прос... – начал было извиняться я, но потом опять двинул деда Матвея прикладом. – Молчать, сучара! – закричал я. – Кто здесь старший по званию, а? Отвечай, коровье вымя!

– Вы, товарищ лейтенант! – гаркнул дед Матвей, вытянулся во весь свой рост, чуть не пробив настил блиндажа.

– Вольно! – крикнул я, и дед Матвей точно, под прямым углом, повернулся на прямых ногах и пошел к лестнице.

– Погоди... этих обдолбышей... наверху которые... отправлю за трупом Захаровским. Кто будет возникать – стреляй. Не жалея. Потому как одно слово – мусор! Вот! Главное, сам выживи. Никого не жалея, Кинстинтин. Даже меня, – дед Матвей сунул самокрутку в рот, поджег, глубоко затянулся. – Эх, Кинстинтин... не той дорогой мы пошли, товарищ... – непонятно к чему добавил он и скрылся за перекладинами лестницы.

* * *

У капитана Подгузова были серые мешки под глазами. То ли печень больная, то ли не спал много ночей подряд. А скорее всего, и то и другое. Он стоял над трупом Захара. Удивительно, но лицо покойника выглядело даже живее, чем лицо капитана, похожее на высушенную грушу.

- Ну и что, товарищ лейтенант?

– Товарищ капитан, товарищ Гавре... Гаврелюк пытался отпустить пленного, – я с трудом вспомнил фамилию Захара.

– Ну! – насупился замполит, который приехал вместе с Подгузовым. – Какая разница, какая фамилия у врага народа. У нашего врага много фамилий, но есть и единая... – замполит не договорил.

– Хватит! Про ваши выходки с боевым оружием мы уже тоже знаем. Можем похвалить, а можем и поругать! Да, поругать! – кажется, намеренно строго погрозил пальцем капитан. – Вы скажите, что с пленным? Шпион или...

«Может, их тоже убить? – подумал я. – Пока Подгузов успеет выхватить свой бесполезный маузер, можно несколько раз выстрелить из трехлинейки. Да и чем это отличается от устранения материала, который недавно был Захаром? Я вопросительно посмотрел на стоящего рядом деда Матвея. Он вроде сказал мне взглядом, мол, „давай“. А может, я уже сошел с ума? Ведь они сейчас – мои враги, замполит и капитан».

Я дернул винтовку. Замполит вздрогнул. Слава богу, не успел ни в кого направить, вспомнив, что магазин остался лежать в блиндаже.

– Мы понимаем, мы понимаем! – сказал капитан. – Вы исходили из лучших побуждений. Враг народа должен быть наказан! И он наказан! Это главное! В общем, мы с товарищем Артемовым сейчас посоветуемся. А вы пока приведите этого, как его... желтомордого. А ну какую диверсию затевал?

– Прикажете расстрелять?

– Конечно. Но сначала... – капитан обреченно махнул в сторону замполита, словно хотел сказать, что если бы можно было просто расстрелять, то он был бы счастливейшим человеком на земле. А тут придется еще и пытаться.

– Слушаю! – козырнул я. Каждая секунда раздумывания приравнивалась к сомнению, а каждое сомнение – к измене. Ну а каждая измена, само собой, к смерти.

Я прибежал в свою палатку. Руки тряслись. Кое-как оторыл из-под койки походный вещмешок и начал заталкивать туда все, что у меня было. Остатки хлеба, табак, спирт, хоть и всего сто грамм, а все равно для дезинфекции мог пригодиться. Письма и хрупкую фигурку Сатиты завернул в тряпки.

Сверху положил свой офицерский ТТ и кисет деда Матвея, который взял у него под подушкой. За кисет сразу стало стыдно – выложил.

«А ну... как... зачем все это?» – подумал я и сразу почувствовал, что все «это» нужно. Очень нужно. Но не знал почему.

– Сбегаешь? – без капли осуждения или сомнения спросил дед Матвей.

В общем, он знал, есть что-то, что должно делать. А если должно, какая разница, что, как и даже зачем.

– Дед Матвей...

– Да ладно... – махнул он рукой. – Я бы сам, если...

– Так давайте! Давайте!

– Не... – еще раз махнул и начал сворачивать самокрутки. – Давай-ка, милый Кинстинтин, помацубарим на дорожку. И, как говорится, дай бог не по последней.

Я терпеливо ждал своей самокрутки. Потом со вкусом курил, глубоко втягивая едкий дым.

– Ну, пора! – сказал дед Матвей, едва мы докурили, и потушил окурком о подошву канадских сапог.

– Пора! – я обнял его на прощание.

Он перезарядил свой «зауэр» и выстрелил в воздух.

– Беги за желторотым, Кинстинтин! Скажу, ты перенервничал, в себя стреляться вздумал. Такое с «профессорскими» часто бывает. И что в лазарет я тебя повез куда-нибудь... за линию фронта. Только вот... откуда там теперича лазарет?.. Ну, придумаю чего. А тебе все равно бежать надо. Не место тебе с этими, красноперыми. Все равно расстреляют, рано или поздно. Я таких, как ты, много видал. Да и сам... – не договорил дед Матвей, достал из-под койки вторую пару канадских болотоходов и протянул мне. – Вот! Я подводы подгоню и хоть отвезу вас с этим косоглазым подальше...

* * *

Мы с Сато карабкались вверх по сопке, кое-как успевая отбрасывать камни из-под подошв. У него сапоги хлюпали, были, наверное, в два раза больше ног. Неудивительно. Это ж мои сапоги, которые раньше носил дед Матвей.

Болотоходы и мне не пришлись по размеру, зато с хорошо гнущейся резиновой подошвой и непромокаемые.

Все-таки обувь... у нее самая удивительная судьба. Еще несколько дней назад эти сапоги были сапогами лейтенанта 12-го Красноармейского взвода, а теперь... теперь эта обувь при-

надлежит беглому японскому пленнику. Причем сам лейтенант, теперь уже бывший лейтенант этого самого полка, бежит рядом с ним в канадских болотоходах, которые раньше принадлежали бог знает кому. Словно судьба какой-нибудь обуви может быть гораздо интересней, чем судьба человека...

Глава 2. Вениамин

<СССР, 1970-е годы>

Колосья молодой кукурузы резали кожу на животе и за пазухой. Но Вениамину было больно не от этого, а потому что он ехал далеко-далеко позади всех. И ничего с этим не поделаешь. Еще бы! На его совсем детском велосипеде и ехать-то чудно. Ребята смеялись, издевались, что Вениамин вообще поехал. Они-то готовились серьезно, понимали, стоящее «дело», настоящее: наворовать кукурузы с поля в соседнем колхозе, отдать родителям или старшим братьям, чтоб те важно сказали, мол, молодцы, дело знают. Хоть за воровство сильно ругали, могли даже избить, но если оно приносило пользу, например несколько мешков спелой колхозной кукурузы, это ж совсем другое. Не воровством считалось, а пользой.

Вениамин рано понял и как-то по-особому ощутил эту разницу. Раньше он любил воровать «просто так», пусть какую безделицу, пусть сломанную вещь у кого-нибудь из дома. Правда, всякий раз ему сильно доставалось от бабушки. Но когда Вениамин стянул кусок сыра с прилавка сельмага, то (вот чудеса-то!) она сначала сурово поджала губы, однако потом смягчилась и сказала: «Поди, снеси в холодильник, не то спортится».

После этого он решил воровать только то, за что похвалят.

Вот, например, теперь кукуруза! Добираться до нее было сложно, частью по шоссе, но в основном по проселочной лесной дороге, а по ней детский велосипед отказывался ехать. Но Вениамин представлял выражение лица бабушки, которая, увидев кукурузу, скажет что-нибудь вроде: «Поди, снеси в кладовку-то...» Это помогало.

Только вот мешок! Про него-то Вениамин забыл! Мешка-то не было. Ни мешка, ни тем более рюкзака. Ребята, все постарше, серьезно подготовились. Дрон взял не только рюкзак, но и пару тюков подвязал к раме взрослого велосипеда. Остальные, Максим, Митька и Ромка, изуродованный страшными заплатами на коже, прихватили большие походные рюкзаки.

Место для кукурузы Вениамина в них отсутствовало, даже для одного початка. А если бы оно было, ребята, конечно, заполнили его своей кукурузой. Потому Вениамин затолкал кукурузу куда только мог: за спину, за пазуху, даже в узенькие коротенькие штаны, по три початка в каждую штанину. А что еще ему оставалось?!

И вот теперь, разбухший от кукурузы, он со всей силы крутил педали, боясь потерять из виду дальнюю фигурку Дрона на быстром «Салюте», размазывал слезы по лицу, обдирая лодыжку о цепь. Только и думал: «Хоть бы цепь не соскочила, хоть бы не соскочила...»

Вдруг Вениамин заметил, что Дрон как-то странно петляет. Ужас! Кажется, он все время оборачивается. Чё это? Вениамина ждет?! Не может быть! Дрон его и за пацана-то не считал. Мало того что Вениамин мелкий, так еще и слабак. В футболе и догонялках последний, подтянуться ни разу не мог, так ведь и не из деревенских он толком, раз мамка из города. И правда, слабенький по сравнению с местными. Те к началу лета уже все черные, загорелые, коленки отбиты до красноты, руки намозолены. А Вениамин, что? Ходит отдельно, сторонится. Неразвитые белесые ноги, как будто приделанные не к месту, прячет под штанами даже в жару. Все парни понимают, что стесняется «глист», потому как ни мускулов, ни жил. Так, лягушонок убогий...

Дрон перестал оглядываться и припустил так, что моментально скрылся вдали. В следующий момент Вениамин с ужасом понял почему. Издалека раздался сварливый лай.

«Собаки колхозные!» – обмер он и нажал на детские педали так, что из глаз посыпались не то чтобы слезы, а прямо-таки искры. Куда там! Уже через несколько минут он увидел большую, лязгающую, изуродованную лишаем пасть тощей дурной суки. Та было рванула к ноге

Вениамина, но он так быстро крутил педали, что собака наткнулась на одну, причем больно, сразу заскулила, замедлила бег и принялась возить по морде передней лапой.

Холод испуга сменился жаром. Вениамин попытался еще сильнее припустить, но ноги становились ватными. «Неужто я и правда такой слабый?!» – задавался горьким вопросом он и попробовал сделать последнее усилие. Хотя впереди был лес, что еще хуже. По топкой дороге, местами залитой водой, с огромными колеями от тракторов и грузовиков-лесовозов, велосипед беспомощно скользил и почти не ехал. Значит, собаки догонят. Догонят и порвут.

Тут Вениамин вспомнил про деда, как тот тикал во время второй ходки. Дед сбивчиво рассказывал, что за ним гнались собаки по тайге, пока он не прыгнул в реку и не оторвался, потому как собаки не захотели забираться в студеную воду.

Влетев в лес, чуть не сломав себе шею о бревно, скрывшееся в высокой траве, Вениамин не поехал по дороге, а направился напрямик вниз, к оврагу, к речке. Туда же неслись облезлая худая сука и большой кобель. «Такой может и ногу перекусить!» – успел подумать Вениамин, прежде чем, путаясь в кустарнике, обдирая руки о заросли, вместе с велосипедом провалился в желтую речку, холодную даже жарким летом. Река была неглубокой, еле-еле доходила до колен, но довольно широкой. На то и расчет. Если собаки на самом деле боятся воды, это может спасти ему жизнь.

Он вышел на самую середину реки, зажмурился, только через щелочки глаз пытался смотреть в ту сторону, откуда должны были спуститься собаки.

Сначала появилась паршивая сука, безумная из-за ушибленной морды, и кубарем слетела в воду.

«Мама! – завыл от страха Вениамин. – Ма-м-ма! – представил, как зверюга раздирает его тело, а здоровенный кобель перекусывает белесые слабые ноги. – Мама! Мама! – отчаянно звал он мать, которая сейчас, в ожидании приговора отца, носила тому скудные передачи в пересыльную тюрьму.

Оказавшись в холодной воде, собака завизжала и, вмиг забыв про Вениамина, бросилась обратно на берег. Мальчик открыл глаза, еще трясаясь от всхлипываний, и пошел по центру реки, кое-как волоча за собой никчемный велосипед, утопающий в илистом дне.

Когда Вениамин прошел уже метров десять, на берегу возник кобель. Зверюга вышел на берег медленно, враскачку. Видно, не особенно-то и бежал, никуда не спешил. И так же медленно начал спускаться к воде. «Теперь точно все...» – понял Вениамин, сразу определив, что кобель свое дело знает, воды не боится.

Так оно и получилось. Кобель спокойно вошел в реку и, держа морду над водой, направился к Вениамину, ошетилив загромок, страшно, беззвучно рыча, показывая кривые огромные зубы.

Вениамин затрясся в беззвучном плаче, однако в следующий момент он не почувствовал боли. Справа что-то резко свистнуло, раздался громкий хлопок.

«Ружье!» – догадался подросток и, кое-как открыв болевшие от напряжения веки, увидел, как к нему тянется длинная жилистая сильная рука.

– Перепугался, дитя?

Голос был приятный, непохожий на прочие деревенские, и Вениамин сразу узнал дядю Олега, агронома этого же колхоза, правда, жил он в соседней деревне. Человек странный, не то чтобы даже из города, а даже из Москвы. Местные дядю Олега не любили – чужак, «городской». А слово это приравнивалось к «падла» и употреблялось в очень редких случаях, когда кто-то того самого по-настоящему заслуживал. Дядю Олега не только не любили, но и боялись. Странное сочетание. Про него говорили, мол, «политический». Это означало что-то типа «без Бога в голове», так по-своему понял Вениамин.

Несмотря на всеобщее осуждение, он думал о дяде Олеге очень хорошо. Восхищался, когда тот ходил по «порядку», ни с кем не здороваясь, не подходя к мужикам, чтобы «уго-

ститься, перекурить» или поручаться. Он просто шел своей дорогой, кивая то в одну сторону, то в другую, с высоты своего необычного для деревни роста. Дядя Олег казался мелкому Вениамину огромным, хоть и был очень худым.

Поэтому сейчас Вениамин с радостью подался в его сильные руки, через все еще прикрытые заплаканные глаза наблюдая, как, поджав хвост, смотрит испуганная сука, как хромот, обезумев от злости и боли, некогда вальяжный кобель.

– Вижу, у тебя и закуска есть? – усмехнулся пышными прокуренными усами спаситель, когда они уже сидели на другом берегу и Вениамин кое-как пришел в себя.

Только сейчас он вспомнил про кукурузу. Нечего и думать, что хоть один из початков уцелел. Спелая кукуруза лопнула, дала обильный белый сок, стебли разлохматились. А те початки, что были в штанинах, так вообще превратились в некую кашу.

Вениамин заплакал, когда осознал весь ужас того, что произошло. Все зря! Вся эта долгая дорога, унижительные покрикивания ребят: «Ну, давай! Сколько можно, Веник?!» А еще избитые ноги, срывающиеся с маленьких, не приспособленных для такой езды педалей велосипеда. И потом этот страх, когда ошетилившийся кобель медленно спускался к реке, будто уже разодрал и сожрал детское тельце... все было зря. Кукурузы нет, нечем похвалиться перед бабушкой.

Дядя Олег внимательно смотрел на трясущегося от рыданий Вениамина. Ничего не говорил, не ругал, но и не успокаивал. А когда мальчуган немного опомнился, протянул высокую бутылку темного стекла, с непонятной разноцветной этикеткой. Вениамину так понравилась этикетка, что он, не задумываясь, отпил.

– Не самое лучшее лекарство, брат, – усмехнулся дядя Олег.

Пересохшее горло сначала скрутило, сковало. В первый момент он не почувствовал никакого вкуса. Когда судорога прошла, все небо и язык обволокло что-то сладкое и одновременно горькое, со вкусом то ли перегнившей соломы, то ли прокисшего молока.

Вениамин понял, что первый раз в жизни попробовал выпивку.

– Ну как? – уважительно, словно перед ним вовсе не ребенок, поинтересовался дядя Олег.

– Га... га...дось.

– Это верно. Кукурузу таскал? – то ли спросил, то ли подтвердил он.

– Ик...

– Это ты зря, – дядя Олег глубоко затынулся. – Твои поделники по мелочи воруют. Так и будут всю жизнь по мелочи воровать. Их в тюрьму за это, а они будут выходить и опять воровать. Глупо.

Вениамин толком ничего не понял из услышанного, но абсолютно твердо сказал:

– Нет, только не в тюрьму.

В ответ на это дядя Олег так громко рассмеялся, что ему показалось, будто деревья поособому закачались в лесу.

– Эгей! – закричал кто-то на другом берегу реки. Из зарослей вышел поддатый колхозный сторож дядя Нос.

Звали его так, потому что вместо носа у него был один большой шрам. «Это от болезни дурной²⁸, – объяснила Вениамину бабушка. – Смотри, чтоб он тебя за ухо не таскал, а то заразишься еще, придется тебе пиписку оттяпать...»

Дети в деревне, конечно, не называли дядю Носа Носом. Все боялись, что дядя когонибудь из них потрогает, а потом придется что-то оттяпать, возможно, что и пиписку.

Дядя Нос вывалился на берег с распахнутым воротом рубахи, длинным хлыстом в руках, одна штанина сильно измазана в помете.

---

²⁸ «От болезни дурной» – подразумевается сифилис, от которого происходит гниение носа.

– Ты... это... это... – не знал, что сказать Нос. – Ты это, Олег, давай мальчика сюда. Наказать надобно.

Странно, но Вениамин при первом взгляде на дядю Носа сразу понял, что он глупый. Раньше мальчик никогда не думал так про взрослых. В его детском представлении все взрослые были неглупыми, потому что взрослые. Они могли быть злыми, дурными, страшными или, наоборот, добрыми, но никак не глупыми. Вслед за этой неожиданной мыслью к Вениамину пришла другая, еще более неожиданная. Он не успел ее как следует подумать, потому как смысл слов дяди Носа наконец дошел до него: «Это про меня». И Вениамин затрясся от страха.

– За что? – спросил дядя Олег.

– За то и за это... – не мог подобрать слов дядя Нос.

– За то и за это всех нас надо наказать, – усмехнувшись, сказал дядя Олег. – Ты, Юра, давай-ка не буянь!

– Это... это... Олег, сам это... не борзей. Не твой малец, это же этого... Васьки-чиканутого. Я-то знаю, недавно его ментура замела. Так чё? Порснуть, да пушай валяется, может, и заберет кто.

– Крестный я его.

– Это... это как? Крещеный этот ублюдок, что ль?

– Ну, – и дядя Олег отпил из нарядной бутылки.

– Это, это... чё, кир заграничный? – внимание Носа сразу переключилось.

Вениамин понял, на это дядя Олег и рассчитывал. «Вот он умный!»

– Молдавское, – спокойно ответил «крестный», как будто не придав значения.

– Плеснешь за здравьице-то?

– А не забарагозишь? Хмельное!

– Да я, да я... – Нос принялся со всей силы колотить себя по впалой груди с крупными красными волдырями от укусов слепней. – Как стеклышко, Олег, я! Ты же знаешь!

– Ладно, ладно, шуткую я, Юра.

Дядя Олег отпил еще из бутылки, потом закупорил длинным «навесом» и запустил на другую сторону речки, где стоял Нос. Тот поспешно стал рыскать в кустах, что-то шепелявя, пыхтя. А когда нашел бутылку, осторожно ощупал, откупорил и разом опрокинул.

– Ай, холодит-то как хорошо! – погладил себя по груди Нос, раскрасневшись лицом и заметно подобрев. – Ай, спасибо, дорогой! – и, пошатываясь, пошел обратно в лес, кое-как волоча за собой хлыст.

– Слабость других – лучшее оружие, – опять сказал что-то непонятное дядя Олег. – Пойдем, до деревни тебя доведу.

– А... а... вы мой крестный? – спросил Вениамин.

– Ну... может, и так.

Вениамин плелся измученный, уставший. С разбитыми ногами, весь перемазанный речным илом вперемешку со стеблями кукурузы и кукурузным молоком. Но рядом с высоченным дядей Олегом, который шел длинными размеренными шагами, покачивая в такт двустволкой с кожаным, натертым временем ремнем, он чувствовал себя очень хорошо. Так, словно растворился в силе дяди Олега. Или его крестного? Растворился в этой уверенной походке, в этих прокуренных пышных усах, в сильных, с явно выраженными жилами руках, даже в этой двустволке.

Самое удивительное и приятное, что сила дяди Олега была другая. Не такая, как у отца, когда тот шел по деревне, расставив плечи подобно крыльям. В любой момент готовый вцепиться в кого-нибудь и что-нибудь испортить. И бабки, сидевшие на лавках, шептались, мол, «ужо нарезался, мерзавец» или «эх, Людка-то бедная, почто ей такой лихоимец...».

Это была и не такая сила, как у Юры, брата Дрона когда он мог взять на плечо два мешка с пшеницей и, попыхивая папиросой, занести их на второй этаж амбара. У бабушки Вениамина

тоже была другая сила. Она относилась ко всему спокойно и жестоко, как сухая земля. У дяди Олега своя сила... Вот только какая и откуда она взялась? Не находя ответов, задавался всеми этими недетскими вопросами Вениамин.

* * *

Мухи атаковали со всех сторон. Вениамин взмок, перед глазами летали черные круги. Он сидел в рытвине, которую проделал трактор во время вспахивания поля. Жарко, неудобно, острые стебли залезали через прорехи в штанах, больно кололи промежность. Зато здесь его никто не видел!

Вениамин почти закончил важное дело и был доволен работой. Получилось очень хорошо! Ладно получилось!

И вот он собрался с духом, крадучись вышел из укрытия и направился в сторону леса.

На самой опушке встретил Дрона. Тот сидел и отковыривал большую засохшую болячку, кусок запекшейся крови, иссиня-черную от зеленки, перемешавшейся за многие дни с кровью. Наконец Дрон оторвал последний краешек, и под болячкой показалось пятно розовой тонкой кожи, недавно наросшей. Дрон ухмыльнулся, взял пустой спичечный коробок, положил туда «блямбу» и потряс коробком перед носом Вениамина.

– Видишь, Веник! Если не принес, заставлю тебя это сожрать.

– Дрон... – не ожидая такого поворота, обмер Вениамин.

– Ну-ну, – погрозил коробком Дрон, и они пошли в глубь леса.

За одним из оврагов у ребят была тайная «землянка». Вениамин еще никогда здесь не был, только украдкой слышал. Место это особенное. Можно сказать, козырное. Огромный корявый дуб своими корнями образовывал крышу «землянки», а боковые стены получились от естественного уклона. Землянка была выкопана в овраге и заканчивалась узким земляным ходом, ведущим аж до самой середины поляны. Был и другой тайный ход. Еще более таинственный, чем прокопанный в земле: через дерево, через разлом внутри ствола дуба.

Рассказы ребят про эту землянку обычно полнились историями, что во время войны в ней скрывался раненый солдат. Но потом немцы его все-таки нашли и прямо здесь расстреляли. По другой версии, солдата не расстреляли, он смог уйти через тот самый тайный ход, через дуб, подать сигнал нашим самолетам, и они его спасли.

Истории эти всегда были разбавлены тем, что тот, кто нашел землянку первым, обнаружил в ней окровавленную военную форму, котелок и даже винтовку. Более мистическая версия гласила, что иногда, ночью, умерший здесь солдат оживает и убивает всех, кого повстречает.

Подтверждений никаких. Но ребятам так хотелось верить во все это, что любые находки в лесу, хоть как-то относящиеся к солдатской амуниции, будь то старая пряжка, пуговица или тем более заржавевшая от времени гильза, всегда относились к доказательствам историй о солдатской землянке.

Мальчишки спустились по свисающим со стороны оврага оголенным корням дерева, как по канатам, и Вениамин сразу увидел всех старших ребят. Тут был жестокий Максим с черной копной волос, а еще обваренный, с ужасными заплатками кожи, Рома, одутловатый Митя, хитроватый Егор и даже уже почти взрослый Денис.

– Ну? – спросил Денис, выступая за главного. – Принес?

– Не... – задрожал Вениамин, а сам с интересом оглядывал землянку, думая о том, что теперь-то он знает сюда дорогу и обязательно придет потом, чтобы все-все изучить.

– Че-го?! – набросился на него Дрон, одновременно кивнув Максиму.

Максим уверенным движением дал Вениамину под дых, запрокинул его, уложив спиной на землю. А потом толстыми мускулистыми коленями, сильно пахнущими едким потом, зажал ему голову. Дрон сел на живот Вениамина, полностью обездвигив. Вениамин пытался кричать,

бить в воздухе ногами, но ничего не мог сделать. Дрон достал коробок, взял свою кровавую болячку, повертел ее перед всеми, как будто показывал неведомое насекомое, и начал запикивать Вениамину в рот.

Брызнули слезы, Вениамин пытался отплеиваться, скулить, пищать. Но Дрон уверенно разжал ему зубы, как маленькому кутенку, и направил туда свою зеленовато-кровавую «доблесть». У деревенских ребят всякие увечья приравнивались к ранам, полученным в бою. Чем больше увечье – тем больше «доблесть».

– Вз..взу... Взя-ллллл... – застонал Вениамин за миг до того, как «доблесть» Дрона чуть было не оказалась у него во рту.

– Чегось? – издевательски наклонился над ним Дрон, на время убрав оружие пыток.

– Взя-зя-л... – Вениамин затрясся в рыданиях.

– А ну! – скомандовал Денис.

Максим разжал колени, Дрон встал с Вениамина. Тот трясущимися руками достал из-за пазухи сильно смятый бумажный кулек.

Денис вальяжно подошел. (Его походка напомнила Вениамину кобеля, который спускался к реке, чтобы отгрызть ему ноги.) Медленно взял кулек, деловито развернул, глянул, кивнул и тут же отвесил Вениамину сильный подзатыльник, тот чуть язык не прикусил.

– Память же мог, сука! – пояснил Денис и плюнул по-блатному, тонкой струйкой через передние зубы.

Вениамин отбежал в глубь земляного хода, присел на корточки и негромко заплакал, через зажатые ладони украдкой наблюдая за тем, что будет происходить дальше. Пока весь его план почти полностью выполнялся. За исключением «орудия пыток». Он думал, его просто поколотят слегка. Но Дрон всегда изобретал нечто особенное. В прошлый раз заставил Вениамина намазаться коровьим навозом и пробежать в таком виде по деревне. Еще раньше приказал стоять на узком мостике из одной маленькой доски, а сам раскладывал внизу острые ветки.

Денис достал из кулька пачку «Примы», прикурил от одной спички и, сильно затянувшись, уселся на край землянки, устремив взгляд вниз, в крутой овраг, поросший кустарником.

Вениамин терпеливо ждал. «Вдруг ничего не получится, и все это выдумки? – размышлял он. Потом успокоил себя тем, что здорово одно то, что у него получилось всех обмануть. Все поддались на его план. – Это и есть сила! – неожиданно понял Вениамин. – Настоящая сила!» Он, правда, пока не был уверен, такая же эта сила, как у дяди Олега, или другая, но в том, что она точно настоящая, не сомневался.

Денис медленно задумчиво курил. Остальные, вытаращив глаза, смотрели на него. Кто-то пытался поймать улетающие струйки дыма от такой желанной «Примы», кто-то просто ждал, беззвучно шевеля губами.

Денис выкурил чуть больше половины, передал сигарету Дрону, второму по возрасту после него. Дрон обнажил острые передние резцы в самодовольной улыбке. Но первый раз так сильно затянулся, что чуть не подавился. «Вот щенок!» – явно было написано на лице у Дениса, однако вслух он ничего не сказал.

«Ну, давай же, давай!» – кажется, впервые в жизни по-своему молился Вениамин. Кажется, в первый раз он хотел чего-то настолько сильно, что вспомнил даже «страшного Бога», который обитал в избе бабушки, в закопченных донельзя иконах, да еще в ее отрывистой ругани: «Послал же мне Бог ублюдка».

Однако во второй раз Дрон тянул очень медленно, очень аккуратно. Хоть и день на дворе, а в землянке было достаточно темно, так что Вениамин мог разглядеть, как красный огонек неуклонно полз к заветной точке.

Дрон уже почти разжал губы, чтобы передать окурочек дальше, по кругу, когда раздался сначала треск, потом шипение, а потом сильный всполох искр рванул у него изо рта. От неожиданности все побежали в разные стороны. Кто-то карабкался по корням прочь из землянки.

Денис, сидевший на самом краю, от испуга свалился в овраг. Оттуда, вместе с треском переломанных кустов, неслась матерщина.

Вениамин, увы, не смог полностью насладиться последствиями своих «трудов». Как только из «Примы» посыпались искры, мальчишка пополз по земляному ходу, выбрался через дырку на поляну и очнулся только в конце поля, когда в правой части груди появилась режущая боль. Но он не остановился, бежал дальше, не оборачивался, только где-то вдалеке, на окраине леса, так ему показалось, услышал душераздирающий крик Дрона. Никогда в своей жизни Вениамин не бегал так прытко и так долго.

* * *

– Пойми ты, Григорьевна, – говорил нетвердый мужской голос, – у тебя и так все сидевшие. Что сын твой, по глупости, конечно... что муж, ну тот... – гость то ли высморкался, то ли сплюнул.

По этому звуку Вениамин узнал отца Дрона и сразу почувствовал тяжелый запах пьяницы в соседней комнате.

– Андрюшка-то мой без глаза почти остался, на лице живого места нет... – папаша, кажется, захныкал. – Ох, горе-то, горе-то какое...

– Ты не барагозь, Володя, – сухо сказала бабушка. – Кто на Веника показал, а?

Вениамин почувствовал, как ноги похолодели, а живот, наоборот, стал горячим.

– Да как же кто?! – распалялся дядя Володя. – Все, все показали! Денис, Максим этот, ну ты знаешь... Загрябский, что ли, отец у него гнида жидовская. Ну это ладно. Митька, сосунок, да Ромка с Егоркой.

– Ромка, Егорка! Им сколько лет твоим Ромкам, Егоркам?

Вениамин еще больше надвинул ватное, порванное в нескольких местах одеяло. Оно сейчас было для него единственным укрытием.

– Какая разница, сколько лет, раз все на твоего показали?! Мол, он патрон принес да в лицо Андрюшке-то и сунул. А теперь мальчик мой в райцентре, в гнойном, без глаза... ой, господи, господи... – и дядя Володя опять запричитал, одновременно искренне и наигранно, как умеют только настоящие бывалые алкоголики. – Один на киче, другой без глаза. И почто горе-то мне такое?..

– Может, и старшого на кичу Веник определил? Вот научился слова первые говорить, сразу оперу и настучал, что так, мол, и так, а?

– Зачем ты так, Григорьевна? Я говорю, если сейчас его не поправить, так не той дорогой пойдет, как...

– А ты той дорогой идешь, Володя? Той?

– А что?

– Да то!

– То, то... я, бля, между прочим, чуть в «летные» не пошел когда-то.

– Чуть! Все у тебя «чуть». В общем, смотри у меня, – и бабушка зашуршала за стенкой буфета.

Вениамин знал, что там она прячет водку. Не мутный самогон, а настоящую магазинную водку, которой всегда находилось применение. Хоть с почты кто приходил, надо было «подмазать», хоть дрова привозили, по стакану наливала, чтоб поменьше гнилушек отсыпали, хоть колхозным для табеля...

– На, поправься! И отсель!

– Григорьевна... – и Вениамин услышал, как дядя Володя, стуча зубами о стакан, опрокидывает в себя содержимое.

– Знаю, что Григорьевна. Уже шестьдесят лет скоро как Григорьевна.

– Ты... это... это...

– Иди давай! – строго скомандовала бабушка.

– А может, это? Еще?

– Еще чего! Хватит, и так потчевала ни за что.

– Ладно, ладно... – закричал папаша Дрона и пошел к выходу.

Хлопнула дверь, и Вениамин что было силы закрыл глаза, натянув на лицо одеяло.

– Знаю, не спишь, – бабушкин голос прозвучал над самым ухом. – Бить не буду, не бойсь. Не потому, что пожалела, этого от меня не дождешься. Если побью, все поймут, что виноватым тебя считаю. Хотя ты и виноват.

Вениамин что-то пытался возразить, выглядывая из-под краешка одеяла. Но бабушка, как обычно, сухо отрезала:

– Достаточно вранья твоего отца и деда окаянного.

Потом быстро перекрестилась, даже не на икону, а куда-то в пустоту дверного проема, и вышла из избы.

Глава 3. Богдан

<Россия, 1990-е годы>

Завезла меня электричка черт-те куда, вышел на полустанке. Хорошо! Чего-то настоящее вокруг, что ли. Лес и рельсы в обе стороны. Прямо как в Федосеево, куда мамка возила на съемную дачу, пока ей это не надоело, как и я сам. С платформы кое-как соскочил и нырнул в высокую траву, почти с меня ростом. Кайф! Запах, блин! Какой запах елы-палы, листья-шпалы! Дурман охренительный!

В Афгане так лесной травы не хватало, среди этого поганого песка и камней. Если бы сказали нам, что похоронят в высокой зеленой настоящей траве, мы, может, и согласились сразу в консервы превратиться²⁹. Уж лучше так, чем дровчево в песках. Один хрен, почти все умерли.

От платформы тропинка петляла в лес, может, к деревне какой. Ну я и пошел, хули делать-то. В лесу хорошо, влажно, тепло. Какие-то звуки повсюду, то ветка сломается, то какой зверек зашебуршится. Но звуки неопасные. Сразу чувствуешь, все в порядке вокруг, без палева. В Афгане не так. Там каждый лишний звук смерть означает.

Помню один долгий бросок на зачистку, местами по плоскости шли, кое-где через горы. В общем, обычный замес. Того и гляди, душманы³⁰ вылезут и всех порешат. А тут еще долго так, что никто уже не выдерживает. Майор наш все карту слюнявит. Какую-то «точку» ищет. Даже вслух бакланит: «Ща, ребя, до точки дотянем». Потом снова по планшету елозит и опять свое: «Ща, ребя». До какой такой точки, хер кто догоняет!

Даже последнему салаге видно, что сам майор не понимает ничего. Днем солнце слепит, вечером сырость и холод до костей. В общем, у него на третий день уже все меридианы с биссектрисами (или как их там?) перемешались. Ориентирование на местности не происходит. И вот такой косепор конкретный, что все понимают одно: вообще никто не знает, куда и как мы идем. Паника, короче. Конкретная повсеместная паника. Все враз начали на каждый звук гоношиться. Камень со сколы соскочит – за калаша хватаются. Куст хрустнет – все как по команде приседают. В общем, не выдержал тогда один. Только после учебки. Наш прапор на какую-то ветку наступил, а он как заорет: «Ааааа-а-а-а-а» – и в куса, прапора то есть, в упор, полрожка разрядил. Стоит, рожа безумная, сам не понимает, что сделал.

Ну и началось. Чуть друг друга все не порешили. А чего еще? Не знаем ни куда идем, ни зачем, ни для чего. А вокруг каждая падла пригномить хочет, что камни эти, что змеи, что даже кусты с колючками. Вот такой загон. Сергуша тогда объяснял про коллективный синдром, вроде так он его называл. Короче, я ни черта не понял, сам то и дело за калаш да за лимонки хватался.

А тут, в лесу этом, все совсем по-другому. Все такое нормальное, жизненное. Что, кажись, под каждым кустом можно придавить, а потом очухаться, живым проснуться. Никакого коллективного синдрома, стопудняк.

Так я и сделал. Дошел до поляны и лег под куст. Харэ уже бежать. Трава, земля, елка, запах такой сырости... грибной. Даже грибы растут. Чего еще надо? Пузырь целый, лежи – не хочу, хоть листьями занюхивай, хоть землей, которая грибами пахнет.

Еще сейчас вспомнил, как прилетели на аэродром после дембеля. Потом «собака» до Воронежа через Павелецкий, дальше на попутке до деревни. Как-то по-другому себе дембель представляешь. Вотходишь в деревню родную. А там все смотрят... не знаю как... как на

²⁹ «... в консервы превратится» (воен. жарг.) – подразумевается, что погибших военнослужащих увозили домой в цинковых гробах.

³⁰ Душманы – участники военных формирований, сражавшихся с войсками Советской армии в Афганистане (1979–1989).

зверя какого. Может, и правда после войны чего-то навсегда меняется? Сторонятся тебя люди, в натуре. Хотя и говорят, мол, «герой, молодец», но все равно, сука, сторонятся. Ну и хер с ними.

Еще про дембель. Когда на вокзале в Москве вышел, бабка на перроне мне сто грамм из-под полы налила и пирожок с грибами на закуску выдала. Выпил, закусил, посмотрел на часы вокзальные и не понял, как вообще я здесь очутился и куда эти стрелки идут. Как будто только сейчас дошло, что с войны вернулся. Только я это или не я? А если не я, то кто?!

– У меня бабла нет больше, бабуль, – говорю я ей, а она еще стакан протягивает.

– На, держи так.

– Это за чё, мать?

– За то, что живым вернулся.

– А тебе чё?

– Мне ничего. А тебе еще всю жизнь воевать.

Тогда не понял я слов этих. Теперь вот начинаю догонять. Как вернулся, так все и воюю. Да, если воевать начал, никуда от этого не деться. Раньше меня шурави³¹ называли, а теперь – братва. Какая разница, в натуре?

Допил водяру, закусил каким-то листом подорожника, в животе от этой японской дряни уже круговерть начиналась. А может, два пузыря не просто так наливала? «А тебе еще всю жизнь воевать...» – вспомнил даже глаза бабули, как с картинки, немного того даже, безумные, но добрые. Много же она народу за свой век повидала, раз на бане, вокзале, пирожками торгует.

Воевать так воевать... устроился на земле, чтобы, ежели чё, можно волюну хватануть по-быстрому. И сразу, по ходу, уснул. Но очухался быстро. Наверное, и пяти минут не прошло. Башка не гудела, во рту как-то нормально, даже живот прошел.

На поляне костер горел. Как нарисованный. Откуда?! Но это-то еще ладно... только вот... во время пьянки-хуянки... перед костром сидел Сергуша. Не изменился вообще. В той же «березе»³² и адиках. Нормально я накирлся! До белой горячки. Война мне снилась часто и Сергуша. Вот только здесь не сон это был. Или сон?

Проверил «глок»³³. На месте. Уже хорошо. Холодный, шершавый на щечках. Не, значит, не сон.

– Чего за волюну хватаешься, Бэдэ? – голос у Сергуши такой веселый.

– Сергуш, ты?

– Ну. А ты кого хотел?

– Блин, где мы? Чего происходит? Ты чего это?..

– Где, где. Все там же, Бэдэ.

– Там же... Как там же?! В Афгане?! Не, – я огляделся, – это никакой не Афган. Это поляна в Подмоскowie.

– Афган, Подмоскowie... Бэдэ, ты чего? Где мы все это время были, как думаешь?

– Ну... на войне. Где ж еще?..

– Вот. А еще?

– Ну... даже не знаю, что сказать, братан, – сам чувствую, ответить как-то надо. – Где?..

В точке, что ли? – вспомнил, как майор во время перехода все какую-то точку искал.

– Ну в точке, в точке. Но не в той, которую пиджаки³⁴ на картах рисуют. А в точке.

– Это чё?

– Ладно, – Сергуша махнул рукой. – Иди сюда, Бэдэ, садись, освежись.

---

³¹ Шурави – название советских войск во время военных действий в Афганистане (1979–1989), от «шура» – ‘советы’, ‘советский’ на наречии пушту.

³² Береза (воен. жарг.) – камуфляжная форма военнослужащих.

³³ «Глок» – марка пистолета.

³⁴ Пиджаки (воен. жарг.) – офицеры.

Я так легко встал, словно и не кемарил ни хрена. Подхожу. Присел напротив Сергуши, и сразу такое сильное тепло от костра. Не, не сон это. Да и запах горящих дров. Березовые, ароматные, сука.

– Водку будешь? – спрашивает он и протягивает полную манерку³⁵.

– Не, Сергуш, – отмахиваюсь. – Мне харэ уже.

Сказал, а потом вдруг подумал: «Вот сколько я, блин, пил с Сергушей, когда на самом деле его не было? А теперь вот он, настоящий. Почему бы не выпить?»

– Ладно, Сергуш, давай за встречу, – и протягиваю, значит, руку.

Выпил. Водка обожгла. Хреново не стало. Даже не пришлось чем-то занюхивать. Передал ему ополовиненную манерку...

– Да ладно, – махнул рукой Сергуша. – У меня еще есть, – и залпом влил в себя остальное, стряхнув капли в костер. – Это огню.

– Сергуш, я не понял. В какой такой точке мы, а? Это ж Подмосковье. Здесь что? Тоже война?

– Тоже война. Война вообще везде, Бэдэ.

– Это как?

– А вот так, – Сергуша достал откуда-то здоровенную походную флягу, снова наполнил манерку до краев. – Понимаешь, Бэдэ... Вот ты... когда сегодня Егорку из горящего «рупьсо-рок» спасал, себя на войне не чувствовал? Или когда с Лизой любезничал? Или когда Мишу-халата хотел «глоком» попугать?

– Откуда ты знаешь-то?

– Знаю. Что ты знаешь, то и я знаю. Во как! Ну... – Сергуша выдохнул и запрокинул манерку. – Давай, дорогой, за тебя!

– Во как...

– А ты с войны и не возвращался никогда. Как попал на нее, там и живешь. Скажешь, не так?

Сергуша опять передал мне водку. Я глотнул, вроде бы слегка. Когда посмотрел, дно аж сухое.

– Может, и так, – согласился я. Но все лучше, чем это... это... – думал, как бы лучше сказать. Ведь не скажешь, мол, лучше, чем в тюльпане сгореть.

– Ну, что?! Хочешь сказать, что это лучше, чем, как я, в тюльпане сгореть? Я не сгорел, Бэдэ. У меня была война, и я из нее вышел. А ты нет. Вот и все.

– Блин, Сергуш... я вот чего только не понимаю. Понятно, сон это... все из-за контузии. Знаю, мне медики говорили. Я вот только не догоняю, зачем мы вообще туда поперлись. А? Кому это было нужно? Эта ДРА³⁶, что б ее! Пришли, половина пацанов полегло – и ушли. А в восемьдесят девятом? Уже вывод был во второй части. А сколько в Саланге³⁷ полегло тогда, знаешь? Зачем, на хера?!

– Ин локо парентис!

– Чего?

– Ин локо парентис, – повторил он. – Вместо предков то есть. У тебя родителей никогда не было. Ты с самого начала родился на растерзание, как и все мы, кто там был. Вот и того! – Сергуша налил еще. – И у меня не было, – и он выпил.

– Блин, да я знаю, Сергуш. Ну и чё? При чем тут родаки, а?

– А при том, Бэдэ. Волки мы. А ты! – и он такой показывает на меня. – До сих пор волк!

---

³⁵ Манерка – походная металлическая фляжка.

³⁶ ДРА – Демократическая Республика Афганистан, на стороне которой сражались советские военнослужащие.

³⁷ Саланг – стратегический перевал в Афганистане.

– Ну а кем быть, Сергуш? Овцой, что ли? А? Овцой? – Я взял у него полную манерку и залил в себя разом. – Овцой, да? Чтоб душманы резали, чтоб всякие шакалы прессовали?! Падлой быть, да?! Терпилой?!

– Почему овцой?

– А кем тогда?!

– Животным не будь, Бэдэ, – и Сергуша снова выпил. – Животным не будь...

– Ну, епт... как с тобой разговаривать... Ты у нас умный, книжки всякие всегда читал. Мы все животные, Сергуш?

– Ну... – развел руками он.

Сергуша вытянулся у костра. Словно приготовился что-то долго рассказывать. Вот так он нам рассказывал разное и тогда. Сначала, когда стояли перед распределением под Кабулом, все еще мирно было, потом уже на долгом замесе в Джелалабаде...

Я подставил костру руки, не стал ничего говорить. Животные мы и есть, кто ж еще...

– В общем, – как обычно, на медляке, начал Сергуша, – ты про Вавилонскую башню что-то слышал? – и, не дожидаясь моего ответа, по ходу, ему и так понятно было, что ни хрена не слышал, грустно покачал головой. А я в натуре ни черта не слышал. Ну была там какая-то башня, и хрен с ней. – Так вот. Есть такое библейское предание про Вавилонскую башню. Люди очень верили в своего Бога. И очень хотели ему понравиться. И поэтому строили башню. Высокую. Чтоб поближе к Богу быть. Они реально верили, что Бог на небе. А еще, Бэдэ, раньше башню было непросто строить. Не какие-то два или три года. На это много времени уходило. Реально много, Бэдэ. Все ведь вручную делали. А потом, представляешь, как-то достроили они свою башню! Те, кто с самого начала строил, уже совсем стариками стали, так долго строили.

– А зачем строили-то?

– Я ж тебе говорю, поближе к Богу хотели быть.

– Епт, духи, в натуре.

– Это да! Правда, когда достроили, начали спорить, кто в первую очередь на башню заберется, чтобы помолиться. И так сильно спорили, что некоторые даже поубивали друг друга.

– А на фиг там молиться, Сергуш? Как мулла, что ли, чтоб все душманы в округе слышали? Чего-то я не догоняю пока.

– Да не... душманы тут ни при чем. Люди верили, что, если заберутся на такую высокую башню, которых раньше и не было-то, Бог их сразу услышит. Их молитву! Только их! А не других людей, которые ниже, на земле. Про тех Бог вообще пока забудет, так они думали. Ведь они на башне, а те – там, на земле гоношатся.

– Ааа... ну врубился, – начало доходить до меня. – Это типа того, как к нам тогда поп в рясе приезжал. К нему сразу полковник молиться побежал, а остальных кадилом обмахали, и все.

– Ну... почти. Вот только в этой истории люди так верили, что начали внизу драться. Один кричал: «Я, я, я...» Другой: «Нет, я, я, я!» Третий причитал: «Добрые люди, мне надо, чтобы мои молитвы Бог услышал, у меня уже третий год жена болеет...» И так далее, в таком духе. Бог очень разозлился на них. За глупость и, как потом это назвали, легкоеверие. Вот и покарал.

– Как нас?

– Как нас, – согласился со мной Сергуша. – Только хуже. Мы уже родились животными. А те реально людьми были. Только потом стали животными.

– Братан, я чего-то не уловил. Мы же тоже людьми родились! Почему животными?

– А потому! – Сергуша вновь достал флягу и набацал целую манерку.

Я просек, что если еще выпью, то сразу отрублюсь. А очень хотелось понять, к чему этот Сергушин базар.

– Потому, Бэдэ, что с этого момента, – продолжил он, – когда башню построили и переругались, началась наша жизнь волков и овец. Кто волк, кто овца. Так мы до сих пор вокруг этой башни и бегаем животными.

– Почему животными? – спросил я, пока Сергуша не протянул мне водку.

– А потому, дорогой Бэдэ, что мы потомки тех людей. Бог сделал их животными, а мы – их потомки. Поэтому мы тоже животные. От животных, как ты понимаешь, только животные родятся...

Вот Сергуша всегда такой, чего-то сечет, что другие с ходу не догоняют. Но самое лучшее, что потом он все это дело растолкует без лишнего базара. Все, блин, умная голова разложит на пальцах.

Я отпил. Водяра шла легко. Однако ж расквасило конкретно. Смотрел на Сергушу через какой-то дурман и ничего не понимал.

Потом увидел большущую башню, чем-то похожую на эти, как их, пирамиды египетские, только выше, и вокруг бегали овцы... блин, да и волки. Бегали и бегали, непонятно почему. Некоторые от бега, видимо, так заебывались, что валились прямо в пыль, их затаптывали остальные. Было чего и похуже. Как волк догонит овцу, лопает ее – и рrr-а-зз! Вмиг в овцу после этого превращается. Вот так прям – раз и все. Был волк, а теперь овца. И уже не нос к носу со своим братком-волком бежит, от него убегает. Ушами овечьими крутит, копытца забрасывает. Бежит, бежит, бежит...

Потом полный беспредел начался. Некоторые волки, побольше, превращались в реально здоровенных овец. И вот эти овцы – как только их кто-нибудь из волков догонит – раз, и сами волка съедают. А как не съесть-то, если копыто размером с волчью голову? И вот тогда, как волка съедают, у них вместо овечьей головы вырастает волчья. А тело вроде как от овцы. И такие волкоовцы хуже всех: они то за овцами гонятся, то за волками. А пыли от них вокруг еще больше. Так много, что скоро нормальных овец и волков вообще стало не видно. Только эти уродливые волкоовцы носятся.

– Сергуш, Сергуш... а, Сергуш? А эти, эти? Тоже на башню хотят попасть? – кое-как просопливил я и отрубился по полной.

Глава 4. Герман

<Россия, 2020-е годы>

На лобовом стекле появились насечки дождя. Редкие, одинаковые, нарочно такие не делаешь.

Какой-то мужик пробежал в этом узоре стекла и воды. Красота и уродство, стихия и ничтожество. Двадцать ему или сорок? Может, рабочий, может, офисное дерьмо, в общем, безликое ничто с ничего не выражающим взглядом. Я обратил внимание только на ботинки. Запыленные, затасканные.

Готов спорить, в компании таких, как он, эти ботинки выглядят вполне прилично. Или подобающе? Короче, такие ботики «правильно» носить. Это омерзительное дерьмо из разряда «то, что нужно». Неприметная, дешевая, практичная, «подобающая» дрянь, которую никто никогда не осудит, потому что не заметит, даже если заметит.

Такие же у них мысли. Подобающие, обычные, затертые. Как будто вся голова доверху набита уродливыми стоптанными пыльными дешевыми ботинками.

Я представил голову этого мужика, разрезанную поперек. Словно кто-то заталкивает туда его ботинки. Много, очень много, один за другим. И подошвы с замыленными краями торчат из распиленной черепушки. Хррр!.. Неприятное зрелище. Почувствовал бесконечную боль, боль за всех вокруг. Не за конкретных людей, как этот никчемный уродец. Нет... в целом. За человечество, которое состоит из таких вот... с отпиленными головами и торчащими ботинками.

Дэн опаздывал. Как обычно. Ну и ладно. Честно говоря, не очень-то и хотелось видеть умиляющуюся рожу, на которой якобы написано: «У меня все хорошо!» Я-то знал, что за его «мазерати» и «омегой» на самом деле огромные долги. Так что очень скоро кто-то сотрет с этого лица гримасу умиления. И хорошо! Так ему и надо!

Дэн всегда выбирал все неподобающее, в отличие от уродцев в стоптанных ботинках. Меня это тоже раздражало. Но я знал, что скоро будет над чем потешиться. Быстрый подъем и такое же быстрое падение.

Падение! Этого он и хотел. Кто ж не хочет получить изящный способ убить себя? Чем раньше, тем лучше. «Мазерати»... Дэн и «мазерати»! Почти как форточка на подложке.

Я представил, как он подъезжает на своем вымытом «мазерати» к своему безвкусно обставленному дому. Под колесами приятно шелестит гравий загородной дорожки... шрр-ррр-шшш-ррр... двигатель с низким рокотом умолкает, из двери появляется лощеная морда Дэна и тут...

«Вж-ж-ж-ик...» – негромкий шелчок среди шелеста деревьев и пения птиц. И все! Зеленый свет, горящие огни. Надеюсь, полет будет нормальным?

Нормальным... сначала тонкая струйка крови из виска. Потом все больше, больше, больше. Целый поток крови! Целые реки!

Вокруг птицы поют все громче, качаются, шелестят деревья. Деревьям и птицам, как всегда, наплевать. То ли они очень глупые, то ли, наоборот, слишком умные. А может, и похуже: им действительно наплевать, просто наплевать.

«Тт-ч... тт-т...тт...» – раздавались повторяющиеся удары. Я повернулся. В боковом стекле крутилась физиономия Дэна. И почему он решил, что может себя так называть? Обычное деревенское имя Денис с рожей Колобка. Если бы не внешнее оформление, надеть бы Колобку те самые «подобающие» ботинки да прыгать с платформы на платформу, с мешком картошки в охапку.

– Ты чё, заснул? А? – орал он вовсю.

– Всё, всё. Не ори. Куда поедem?

- Не знаю. А ты как?
- К Останкинской?
- Ну... давай. Я, как ты.
- И я нажал на кнопку стеклоподъемника.

* * *

Ехали быстро. Дэн ехал как типичный жлоб. Все время боялся, что кто-то проедет впереди. Привычки «картошечника». Единственное отличие от них – «неподобающее» отношение к деньгам. Точнее, «неподобающее» отношение к долгам. Хотя как еще можно к долгам относиться, когда должен настолько много, что все равно не отдашь?

Интересно, знал ли он, что все это лишь способ побыстрее убить себя? Скорее всего, нет. А то бы испугался, наверное: «Как?! Я?! Убить себя?! Да я самый жизнерадостный парень на Земле. Вот, посмотри...»

Впереди появился грязный силуэт Останкинской башни. Я представил на ее месте Вавилонскую, широкую, с большими пандусами песчаного цвета в обе стороны.

Остановились напротив, перешли дорогу. Несмотря на привычную крадущуюся походку, было видно, что сегодня с Дэном что-то не так.

- Ты как? – поинтересовался я.

Вдруг стало его жалко. Передо мной возникла картина выбитых выстрелом осколков черепа и кровавых ошметков.

- Лучше всех! А что?
- Напряженный какой-то.
- Ну ничего! Сейчас расслабимся.
- Да я не про это. Я вообще...
- Вообще? А что?

Мы вошли в «Три поросенка», куда ходили уже давно. Мне здесь нравилось. Так обставляли пирушки в какой-нибудь Древней Греции, что ли. Занимали целую комнату с большим столом по центру, всю уставленную низкими лежанками. Сюда же приносили выпивку, а еще травку курить можно и девок звать. Все происходило перед тобой, пока ты лежишь. Складывалось ощущение, что ты – центр мироздания. Обманчивое, конечно, но даже за такое стоило платить.

- Как обычно желаете? – спросил парень с халдейским лицом.

– Давай! Чего уж там, – и Дэн ослабилась как розовощекий поросенок перед забоем. Обычное поведение перед долгой пьянкой. Он сунул «халдею» пятерку и шепнул: – Сегодня двух.

- Слушаю-с, – проговорил «халдей», чуть ли не щелкнув при этом каблуками.

Мы сели, и я выпил два бокала коньяка подряд, чтоб Дэн перестал быть таким отталкивающим.

- Вот, думаю, бар свой открыть.
- Ну можно. А зачем?
- Как зачем? Свой бар, понимаешь?
- Не совсем.
- Ну как же? Свой бар! У меня там пиво будет особое!
- Светлое и темное?
- Да ну тебя... – отмахнулся он. – Злой ты. Не понимаешь. У меня вместо кружек будут, будут... – повисла пауза. – Будут... – наклонился он ко мне, словно приготовился выдать «секрет фирмы», – сиськи...
- Сиськи? – не понял я, хотя и ожидал какой-нибудь очередной тупости.

– Да! Сиськи! Понял идею?

– Неа. Поясни-ка.

– А... ты смотри! Кружек нет. Так? И вместо кружек из стены... сиськи с сосками торчат. Хочешь пива? Наклоняешься – и сосешь! Я даже уже нашел, где специальные соски из мягкой резины заказать, – Дэн довольно подмигнул, – чтобы как настоящие! Усек? Такие толстенькие, гибкие, сексуальные. Теперь понял?

Я посмотрел на него с сожалением. Да, похоже, последние мозги пронюхал. Очень хотелось сказать: «Ну ты не debil, а?»

– Идея хорошая... – вместо этого согласился я.

– Разумеется, хорошая! Ты ж понимаешь, как этого всем мужикам не хватает! Сиськи плюс пиво – залог успеха! – и Дэн торжественно занес бокал над головой. – Ну ладно. Чем планируешь заняться, помимо этих своих?... Эээ...

– Мне и «этих своих» достаточно.

– Не, – обиженно произнес он. – Давай уж, говори. Я тебе про бар с сиськами рассказал.

– Башню хочу построить.

«Что мне скрывать? Все равно не поймет».

– Типа, типа... Останкинской или Шушенской?

После этих слов Дэн сделал какое-то движение. Видимо, решил пересесть на мой диван, чтобы хлопывать меня по плечу во время разговора. Он был из тех, кто путал дружбу и панибратство, чего я терпеть не мог. К счастью, потом то ли передумал, то ли отвлекся на дымящийся поднос с каре ягненка, который внес официант – «халдейская рожа». Я был спасен.

Поднос Дэна заполнился горой костей, сам он начал плескать коньяк мимо рта, утирая пот и жалуясь на гастрит. Значит, набрался. Я не знал, к какому виду отнести Дэна: свиноподобных, лошешмордых, хорьковых? Не глистообразных точно. Кажется, он проявлял задатки хамелеона, постоянно меняя «окрас».

– Слушай...

– У-ап-м, – изобразил Дэн, стукнув себя в районе солнечного сплетения. Серию отрывков после большого количества еды, запитой крепкой выпивкой, он не считал чем-то неприличным. Скорее, причислял к некой пиратской разудалости. Как саблей чистить меж зубов или ковырять под ногтями охотничьим ножом.

– Слушай...

– У-ап-м... Ну? – В пьяном состоянии Дэн особенно проникался идеей, что все ему должны, поэтому вел себя хоть и благодушно, однако свысока. – Извини, братишка. Гастрит, сам понимаешь...

– Знаешь, я, когда тебя ждал, видел мужика с каким-то мешком. У него еще ботинки такие огромные... Не-не, не по размеру, – отмахнулся я, – а в смысле, что говорят о нем больше, чем он сам о себе.

– Иногда вещи говорят о людях больше, чем люди о вещах! – многозначительно изрек Дэн и выпил очередную порцию коньяка.

Дорога от стола ко рту давалась ему все хуже, расплескивал он все больше. Но не смущался, видимо, причисляя и это к атрибутам лихой пиратской жизни.

– Да я не про то! Ты понимаешь, все эти люди, они... как обмылки. У них нет ничего своего. Как эти ботинки... – я понял, что сам говорю ерунду, но решил закончить. – Как будто они и ботинки эти купили не сами. Просто им кто-то сказал, что надо купить такие ботинки. И это касается не только ботинок. У них вся жизнь такая. Подобающая... понимаешь? Словно они не сами живут, одни заготовки...

– Эхх... чего-то ты себе голову заморочил, старик. Ботинки какие-то... уп-ам-м... кто-то наверху, кто-то внизу. Так всегда было. Чему удивляться? И ботинки тут совершенно ни при чем.

Я молча выпил почти все, что было в стакане. Дэн уважительно хмыкнул и повторил за мной, после чего развалился на диване и, кажется, заснул.

А я тоже закрыл глаза и сразу увидел башню...

Она была похожа на английский замок. Большие камни, неровные, но плотно сложенные, поросшие мхом. Вокруг темно, только на верхней площадке что-то виднелось. Мысленно поднялся туда. Даже ощутил шероховатость камней... гранит. Твердый, темный, недружелюбный.

Поверхность чувствовалась так, будто я шел босиком. Так это или не так, сложно понять. Я не видел своих ног. Только что-то зеленое, блестящее впереди. Чем-то похожее на большой комок промокшего мха.

Когда подошел ближе к зеленому комку, понял – лягушка. Огромная, больше меня. Шарахнулся прочь, но потом остановился. У лягушки было такое жирное тело и такие короткие, такие тонкие лапы, что наброситься она просто не могла. Или могла? Но уж точно не сразу. Еще я подумал, лягушка это или жаба. Когда-то в детстве мне объясняли разницу, только я забыл. У этой крапинки на теле отливали почти так же, как поверхность гранитных камней.

– Эй? – позвал я тихо, осторожно. Очень не хотелось, чтобы гадина и правда на меня прыгнула. – Эй ты, жаба!

– Я не жаба, – совершенно спокойно сказала то ли жаба, то ли лягушка.

– Лягушка? – Я удивился даже не тому, что она разговаривает, а тому, что не жаба.

– Не, не лягушка. Я главный здесь.

При слове «главный» у нелягушки (или как там она себя называла) начали ходить складки многочисленных подбородков, словно существо готовилось громко-громко квакнуть.

– И чего ты?

– Чего-чего. Я самый главный здесь.

– Как это «главный»? И где это здесь?

– Здесь. Везде. Ты хочешь быть главным?

– Не знаю, – честно признался я.

– Значит, не хочешь, – сердито сделала вывод лягушка. – Кто хочет, тот знает, – и добавила кое-что еще более странное: – Кто хочет, тот все всегда знает.

– Я ничего не знаю.

– Эхх... – вздохнула лягушка, видимо, потеряв к моей персоне всякий интерес.

Как, впрочем, и я к ней. Не любил тех, кто хотел быть главным, особенно в обличье жабы-лягушки.

Осторожно обойдя «главного», я подошел к краю башни и заглянул вниз. Там творилось нечто жуткое...

К башне были приставлены тысячи маленьких лестниц, каких-то хлипких плетеных, по ним наверх лезли сотни лягушек. Не таких, здоровенных, как та, что сидела наверху, но чем выше они поднимались, тем их тело все больше раздувалось. Может, конечно, и оптический обман, однако лягушки наверху казались крупнее, чем те, которые внизу.

Еще у «верхних» лягушек были мелкие неразвитые лапы, с трудом выдерживающие вес их тела. Пока я наблюдал за этим лягушачьим скалолазанием, у одной из «верхних» лягушек хлипкие лапы неудачно провернулись через плетеные перекладины, и она сорвалась.

Само падение не было особо эффектным. Кажется, бесхвостая даже не поняла, что падает, а когда упала, сразу лопнула, и от нее образовалась целая лужа, будто какой-то великан здорово харкнул соплями вперемешку с пережеванной едой. Внизу плескались желто-зелено-коричневые комки, пока их быстро не затоптали мелкие лягушки.

«Кто-то наверху, кто-то внизу», – прозвучали слова Дэна, и я понял, что эти лягушачьи войны не что иное, как противная и до жути банальная метафора.

«Фу, фу... – я стал отмахиваться. – Прочь. Прочь».

Сзади кто-то пошевелился. Я обернулся и вздрогнул. Здоровенная лягушка отползала в дальний конец площадки. «Чего это она?!»

– Чего! Чего ты? – уже голосом закричал я ей.

«Вдруг она хочет прыгнуть на меня?» Лягушка ничего не отвечала, только тяжело дышала, пока ее мелкие неразвитые лапки кое-как скребли гранит. Потом начала скрести уродливыми лапками в обратную сторону – прямо в мое направлении.

Я стоял и не мог пошевелиться. Не мог отойти. Лягушка приближалась медленно. Но ее жирная морда, по которой толком и не понять, то ли она ухмыляется, то ли просто так лежат многочисленные подбородки... короче, эта морда с выпученными мутными глазами все приближалась и приближалась.

Я стоял и ждал, ждал, ждал. Не мог ни сдвинуться, ни сказать хоть что-нибудь. В какой-то момент перестал различать раскачивающиеся подбородки бледно-зеленой кожи с ядовитыми крапинками, а видел только глаза. Словно невидящие, но все равно смотрящие на меня. Когда глаза стали совсем большие, я собрал все силы и отошел. Не отбежал, не отпрыгнул, а сделал маленький шаг. Даже сам не понял куда. Куда-то. И закрыл глаза.

А когда открыл, посмотрел вниз и увидел, как в замедленной съемке, огромные всплески сопливой жидкости. Ее было столько, что это уже не напоминало плевок великана. Что-то вроде того, как если бы много-много великанов несколько дней харкали и отплеывали, сморкались в большой таз, а потом все это вылили вон. Когда всплески успокоились, внизу растянулось целое озерцо великановых отрыжек, а по берегам озерца валялись мелкие лапы и какие-то знакомые куски.

«Это здоровенная лягушка прыгнула! – понял я. – Кто же теперь на башне?»

Я оглянулся и увидел, что в дальнем углу стоит мужик с мешком картошки в стоптанных ботинках. Тот самый, которого я встретил сегодня, перед Дэном. У него был все тот же, ничего не выражающий взгляд. Рукава застиранной рубашки завернуты.

– Это ты сбросил ее?

Он промолчал, лишь показал на свои обмыленные подошвы.

Я испугался. Показалось, он знает, что я представлял его со спиленной черепушкой и кучей ботинок, воткнутой туда. Знает или нет, но явно недоволен тем, что я здесь. В следующий момент мужичонка отошел к дальней части площадки и, видимо, приготовился разбежаться. Но подошвы были настолько обмылены и закруглены, что не цеплялись даже за острые камни гранита.

«А вдруг все-таки сможет разбежаться?» – испугался я и прикинул, что в этом случае он столкнет меня прямиком в жуткое озеро из соплей, которое образовалось внизу. И правда! Мужичонка, видимо, понял, что в «обмылках» хорошо разбежаться никак не получится, и начал мотать мешком, перекидывая с плеча на плечо. Кажется, я даже услышал звук пересыпающейся внутри картошки.

Черт! Операции с мешком удались лучше, чем разбег. Мешок с картошкой превратился во что-то типа пропеллера. Чем быстрее мужичок перебрасывал его с плеча на плечо, тем больше разгонялся. В конце концов, когда скорость мешка стала очень высокой, а его очертания походили на знак бесконечности, обладатель «обмылков» уже продвинулся на половину площадки – прямо на меня. Жуткое надвигалось. Еще хуже жабы. Мелкий ссутулившийся человек в застиранной рубашке, с потухшими глазами и осунувшимся лицом, в соскальзывающих обмыленных ботинках и с размытым контуром восьмерки-бесконечности в виде мешка с картошкой.

– А-а-а-ааа!!! – закричал я и почти сразу почувствовал, что уже упал и уже тону в озере соплей, пытаясь уцепиться за куски, остатки внутренностей треснувшей лягушки. Но цепляться за них не получается, они такие же склизкие и соплеобразные, как и все остальное здесь. – Не-не-еее-т!!!

Слизь, слизь, слизь... вокруг, вокруг, вокруг... потом я последний раз вынырнул на поверхность, увидел сотни выпученных глаз мелких лягушек вокруг озера (они и правда были гораздо меньше сидевших на лестнице и тем более меньше лягушки наверху), но глаза их ничего не выражали. А самое обидное, что им, похоже, все равно. И то, что я захлебываюсь, и то, что они сидят вокруг озера, которое образовалось в результате того, что их бессовестный собрат треснул.

Я поднял глаза вверх, посмотрел на башню. Там стоял мужичок, мешок с картошкой по-прежнему мотался.

«Есть те, кто внизу, и те, кто наверху» – опять вспомнилась банальность Дэна.

«Да. Что те, что другие меня ненавидят, – понял я. – А я ненавижу их».

* * *

Я очнулся весь в липком поту. Дэн сидел напротив, пытаясь выблевать остатки ягненка вперемешку с желудочным соком и коньяком. Он сложил рубашку на груди и, виновато улыбаясь, блевал в образовавшееся «лукошко». Когда даже остатков не осталось, пошатываясь встал и осторожно понес свое «добро» в туалет.

– Хорошо, что плащ взял, – заявил Дэн, когда вернулся, но уже без рубашки. Наверно, выкинул. – Пойдем проветримся, что ли? – предложил он как ни в чем не бывало, сунув недопитую бутылку коньяка в карман.

Глава 5. Мукнаил

<Без географического наименования, 2100-е годы>

– Почему Мукнаил был не в облаке? Вот скажите мне, а? По-че-му? – уже в который раз спрашивал Розевича инструктор Жаб.

– Отключил, надо полагать, – Розевич виновато протирал маленькое золотое пенсне бархоткой с витиеватой надписью *Botique optique de Pars*. Да-да, именно Pars.

– Отключил! – постучал по столу огромным красным карандашом, чуть ли не в половину собственного роста, Жаб. – И зачем он это сделал, можно полюбопытствовать?

– Видите ли... – начал осанисто, по-профессорски, Розевич. – Бытует мнение, что молодежь последних поколений иногда, так сказать, излишне увлекается раритетными технологиями. Начинает зачем-то облака отключать, из ложементов выходить, – с нажимом на слово «выходить» произнес он, при этом не по-доброму посмотрев на Мукнаила. – Все дело, видите ли, в том, – Розевич с гордостью водрузил протертое пенсне на нос, – что раритетные технологии надо изучать! А не... – и он второй раз сурово посмотрел на Мукнаила, – а не применять! Не применять!

– Применять, изучать, – судя по всему, инструктор Жаб был не очень воодушевлен подобным объяснением. – Вы мне скажите, дорогой профессор, зачем девушка, у которой был такой огромный набор образов в облаке, отключила его и, проигнорировав всякую... заметьте, всякую что ни есть! – Жаб сделал ударение на слог «кую», видно, придав именно ему особое значение. – Всякую безопасность, – еще раз повторил он, – вышла из облака. К тому же, – инструктор погрозил огромным красным карандашом, – зачем-то открыла эту дурацкую дверь! Мало того что открыла, так еще упала вниз, с пятидесятого этажа. Что там за этой дверью? – Жаб направил острие карандаша прямо на Мукнаила, оно было очень тонким, идеально заточенным и ровным, поэтому расплывалось перед глазами одной красной точкой. – Я обследовал! Ничего там нет. Ничего! Вот что вы на это скажете, дорогой профессор?

– Молодежь... кто ее поймет... – то ли утвердительно, то ли вопросительно пробормотал Розевич.

Все это время Мукнаил сидел в каком-то нетерпении. Ему хотелось поскорее закрыть образ допроса и вопреки всяким ограничениям со стороны инструктора пойти в образы жесткого смертоубийства и агрессивного совокупления. Мукнаила страшно раздражал сегодняшний образ Розевича. В этом маленьком пенсне, с малиновым платком в кармане, бриллиантовой заколкой и очень тесном сюртуке в темно-синюю полоску он, похоже, хотел произвести впечатление на инструктора Жаба. Да и Жаб тоже! Зачем-то взял этот огромный красный карандаш, заточенный так остро, словно собирался кого-то проткнуть. А эта шляпа с широкими полями! Он даже не учел, что, размахивая таким огромным карандашом, будет постоянно задевать поля.

В общем, Мукнаилу поскорее хотелось закрыть Жаба и Розевича. Накажут так накажут. Есть за что. Не надо было поддаваться на провокацию Асофы и, напрочь забыв про здравый смысл, отключать облако. Если б он этого не сделал, то тысячи раз был бы предупрежден, что нельзя открывать дверь. Если и можно открывать, то не надо идти по жуткой балке. Иначе, иначе... Короче, сам виноват. А есть вина, то и ограничение био вполне оправданное.

– Вот возьмите и поймите, дорогой профессор! – и Жаб так сильно махнул огромным карандашом, что все-таки задел шляпу, которая чуть было не слетела.

– А что тут понимать, достопочтимый Жаб?

– Инструктор Жаб, – поправил он Розевича.

– Инструктор Жаб, если бы нам дали не пятидесятый этаж, а гораздо более высокий, скажем, скажем... семидесятый, – профессор прищурился, словно на глаз определяя, какого этажа заслуживает ИРТ. – Скажем, ну... хотя бы семьдесят пятый, поближе к источнику поля. Вот тогда мы бы лучше изучали образы раритетных технологий. А молодежь, – и Розевич показал своим скрюченным пальцем в сторону Мукнаила, – лучше бы знала свою историю и то, как рискованно выходить из облака. Лучше! – профессор закончил фразу, почти прокричав фальцетом. Потом поспешно схватился за стакан воды и жадно пил, перебирая острым кадыком в такт глоткам.

– Вам бы все этаж повыше, Розевич, да к полю поближе. Знаете, сколько таких... – устало продолжал инструктор Жаб. – А этажи не от меня зависят. Не от меня...

Он достал сигарету из огромной лакированной пачки с изображением одинокого кактуса в пустыне, прикурил, в результате чего на кончике образовался нарядный китайский фонарик, и «съел» в один затяг почти треть.

– Так что делать будем? – обратился Жаб к Мукнаилу.

– Инструктор Жаб, – осторожно начал Мукнаил, заметив, что тот следующим затягом «съел» еще треть сигареты. («Значит, волнуется», – понял Мукнаил и поспешно стер эту мысль из своего образа.)

Во время допроса все личные образы допрашиваемого должны быть открыты. Едва Мукнаил убедился, что образ «значит, волнуется» исчез, без остатка открыл личное облако инструктору.

– Так... – Жаб добил сигарету и вдавил окурок в переполненную, сильно загаженную пеплом вперемешку с крупными маслянистыми плевками пепельницу. – Так! Значит, образ опасности вас там привлек. Значит, отключили с Асофой облака, пока шли по коридору. Значит, открыли дверь, несмотря на предупреждения. Значит, значит...

Инструктору понадобилось несколько секунд, чтобы составить мнение о ситуации, и он, снова закулив (все-таки это был решающий момент в допросе), определил Мукнаилу испытательный период, назначив ограничения сразу на несколько био. Наказание довольно серьезное, но могло быть гораздо хуже.

– И то! – паясничал Розевич. – И то! И то! И то! Правильно вы, инструктор Жаб! Ой как правильно!

Профессор изобразил образ себя в широких штанах, пляшущего на каком-то дощатом столе в шумной пивной. Только в этом образе Розевич был не сухой и скрюченный, а невысокий и пузатый, как и полагалось настоящему пивному плясуну. От профессора осталась только голова с острой, но жидкой бородкой клином.

– Спасибо за инспекцию, инспектор Жаб, – Мукнаил установил ограничение по иронии на ноль, но благодарность все равно прозвучала не очень естественно.

– Спасибо за допуск к личным образам, – тоже не вполне естественно парировал инструктор, поставил пару отметок в своем журнале и вышел из образа допроса.

Вероятно, Жаб сегодня ждало еще немало допросов. А ему, как и всякому инструктору, хотелось антиадреналина. Просто распластаться своим большим перекачистым телом на белом просторном ложементе, чтобы кто-то растирал и жонглировал складками его кожи, а ему было приятно и немного шекотно.

– Слушайте, – почти шепотом проговорил Розевич, украдкой посмотрев на потухшую лампочку рядом с образом инструктора Жаба. – Слушайте! Расскажите, дорогой Мукнаил, – и профессор послал Мукнаилу образ маленького трогательного котика, сложившего лапки на большом аляповатом букете цветов.

– Что рассказать? – не понял Мукнаил.

– Ну, ну... – мялся Розевич. – Как это что, как... как оно там, там, вне облака? А?

– Так вы... что?.. – в свою очередь удивился Мукнаил и внимательно посмотрел на Розевича, который как-то виновато повесил голову. – Давно не...

– Да, да, да... – Розевич поднял вверх руку, словно собирался сообщить что-то важное. – Видите ли, да. Очень болен. Болен. И я... я... – профессор решительным жестом остановил Мукнаила от какого бы то ни было возражения, – я знаю, что я профессор ИРТ... который, который... давно не выходил из облака.

– Насколько давно? – спросил Мукнаил.

– Давно... – выдохнул Розевич. – Очень, очень давно...

– И? – Мукнаил чувствовал, что ему нужен ответ поточнее.

Но профессор молчал. Вместо этого Розевич отправил ему образ какой-то смазливой девушки, которая стояла рядом с длинной блестящей трубой, соединяющей пол и потолок, потом сидела в глубоком кресле, испещренном мелкими, как мухи, синими цветками, и болтала ногами. Иногда, во время этих движений, то и дело выставляя напоказ трусы... отрезок между трусами и перекрестием ног.

– Дарю. Дарю! – затараторил Розевич. – Сохраните, если хотите, дорогой Мукнаил. Но, но... пожалуйста, скажите, как оно там...

– Да ну! – отмахнулся от такого примитивного образа Мукнаил. – Нашли, что подарить. Ерунда какая-то.

– Но что же, что же? – перебирал длинными скрюченными пальцами Розевич, пытаюсь понять, какой образ сейчас хотел бы Мукнаил. – А! – победоносно произнес он. – Нашел! Нашел!

– Что нашли? – голос Мукнаила прозвучал устало. Он знал, что лучше уже до конца выслушать Розевича, потому что все равно профессор должен покинуть образ допроса первым. Пока он не выйдет, придется находиться в этом уже довольно надоевшем образе.

– Нашел, что вас заинтересует, дорогой Мукнаил!

– И что же?

– Асофа! – Розевич так хитро прищурился, что его пенсне искривилось вместе с гримасой. – И то... как она пришла ко мне впервые, когда я принимал ее в ИРТ.

– Да... – не выдержал Мукнаил. – Давайте.

– Так вот-с... – и профессор передал Мукнаилу образ Асофы. – А теперь вы, теперь вы, – он нетерпеливо скреб по столу своими острыми коготками.

– Вы же понимаете, профессор, – послушно начал Мукнаил, – у нас действительно были выключены облака. Я не могу вам передать образы. Только рассказать.

– Ну, ну... – Розевич задышал так часто, что весь стал каким-то красно-желтым, а его пенсне запотело.

– Хорошо.

И Мукнаил рассказал все, что помнил о том приходе Асофы к нему, как они долго шли по коридору и как он уговаривал Асофу не открывать злополучную дверь. О том, как ощутил какую-то слизь, грязь, холод под ногами, когда ступил на ту самую балку.

– Еще! Еще! – радостно хлопал в ладоши профессор, и его пенсне подпрыгивало в такт хлопкам. Он весь крутился, извивался, кривлялся. Кажется, даже полоски тесненького сюртука крутились и извивались, разумеется, каждая по-своему.

– Вот и все, профессор Розевич, – закончил Мукнаил. – Грязно и больно. Вот что я вам скажу. Грязно и больно. И не хочу я больше туда возвращаться, не хочу...

– Bravo! Bravo! Молодой человек, вы даже не представляете, как опередили мою теорию. Я теперь ее так и назову: «Грязно и больно». Это же прекрасно! – всплеснул руками Розевич (он опять вернулся к своим обычным профессорским жестам, суетливым, но вполне солидным). – Прекрасно!

– Что тут прекрасного? – устало спросил Мукнаил, понимая, что ему придется выдержать все кривляния ученого мужа.

– Прекрасно! – прокричал петухом Розевич и, как это было ни удивительно для Мукнаила, тут же выключил образ допроса, оставив на своем месте лишь потухшую лампочку с водруженной поверх профессорской шапочкой.

Мукнаил откинулся на спинку, испытывая страшную усталость. Еще большую усталость ему сейчас доставляло то, что био, несмотря на и без того низкий уровень адреналина, не давало больше. Жаб хорошо знал свою работу!

«Интересно, какие Жаб и Розевич на самом деле? – почему-то задумался Мукнаил, представив, как профессор, протирая маленькое пенсне квадратной золотистого цвета бархоткой с надписью *Boutique optique de Pars*, стоит у него в дверях, а сзади, опираясь на большой красный карандаш, переводит дух инструктор Жаб. – Хоть бы *Paris* написал правильно».

* * *

– Грязно и больно! – всплеснул руками профессор Розевич. – Именно так все было, пока у нас не появилось первое самоорганизующееся облако.

Мукнаил не хотел идти на лекцию, но после наказания инструктора Жаба некоторые образы активировались без его участия. Лекции ИРТ, сон, занятия безадреналиновым спортом и еще десятки скучнейших образов, во время которых Мукнаилу приходилось убираться в каком-то плохо спроектированном образе дома, гладить плохо спроектированные рубашки и еще много-много всего такого, скучного и банального.

Но странное дело! Пока он занимался этой рутинной ерундой, ежедневно, строго по расписанию, его воспоминания о злополучном дне, когда он пошел с Асофой к опасной двери, сами по себе забывались, размывались, становились сначала одним серым пятном, а потом всего лишь маленьким темным пятнышком среди огромного количества других ярких, пульсирующих образов облака. Он успокоился, забыв вид из той жуткой двери на черную, грязную, покрытую неведомой слизью балку, на пространство в мелких серых каплях, которое клубилось, попадая в поры идеального тела Мукнаила, будто отравляя его, сковывая своим горьким паленым запахом.

– Представьте себе жизнь без облака! – разошелся Розевич, то и дело дергая за торчащий треугольником платок в нагрудном кармане. – Ничего вы не представили! Ничего! И представить не сможете! – Он победоносно махнул рукой и передал всем студентам несколько обучающих образов.

Мукнаил открыл первый из них, с изображением перевернутого автомобиля и высовывающейся из перекореженной двери руки на переднем плане.

Образ начинался с постепенного приближения к картине случившегося. Мукнаил как будто был в теле жука, который полз по дороге мелкими перебежками, приближаясь к месту аварии.

Наконец, подобравшись совсем близко, Мукнаил увидел лужу некой едкой жидкости, выливающейся из-под капота, услышал плач, стон и какой-то болезненный хрип.

Он заглянул через потрескавшееся стекло внутрь – девушка с вывернутыми ногами пыталась то ли освободиться от перетягивающего ее ремня, то ли как-то выровняться в кресле. Пассажир, молодой человек, сидел запрокинув голову, из горла вытекало что-то непонятное, вроде это должна была быть кровь, но цвет почему-то зелено-синий с оранжевыми вкраплениями. Видно, в образе Розевича существовали недоделки, а может, просто какой-то скрытый замысел.

Мукнаил ничего не испытал от этого образа. Не то образ и правда вышел слабоватым, профессор не очень качественно выполнил проектирование, не то уровень адреналина, который уже несколько дней у Мукнаила на нуле, давал о себе знать.

На обложке следующего образа была изображена маленькая девочка с ярко-синими глазами и двумя тугими белыми косами. «На верхние этажи намекает», – сделал вывод Мукнаил, исходя из такого светлого оттенка волос.

Девочка, кажется, размахивала руками или делала еще какие-то странные движения. Когда образ открылся, Мукнаил понял, что она стоит на светлой, залитой солнцем детской площадке и прыгает через скакалку. Вокруг качались зеленые пышные деревья, щебетали птицы. Но что-то здесь вот-вот должно случиться. Образы Розевича были призваны показать, что представляли собой эти самые «грязь и боль» до появления первого самоорганизующегося облака.

Мукнаил приготовился. И правда, из гущи леса возникла фигура в темной одежде. Мужчина был переплетен на груди лентами с большими, отливающими медным цветом патронами. На голове у преступника плохо скроенный колпак, тоже из черной ткани, с тонкой прорезью.

Этот образ, впрочем, как и остальные, был не очень хорошо проработан. Злоумышленник, кем бы он ни являлся, начал с изнасилования девочки с голубыми глазами и белыми косами, а закончил какой-то религиозной казнью.

Мукнаил увлекался драматическими образами и сам их проектировал в большом количестве, поэтому нашел в конкретном сразу много неточностей. Если «дяденька» насильник, педофил, вряд ли он будет ходить с патронами от крупнокалиберного оружия. А если он, напротив, военный преступник или... как это когда-то называлось... Мукнаил забыл точное название, то зачем ему насилловать свою жертву.

И этот образ, к облегчению всей аудитории, тоже закончился. Все вздохнули. Кто-то выразил сожаление, отправив простые образы жалости, кто-то выразил испуг, кто-то разочарование. Мукнаил ничего не выразил. Во-первых, образы Розевича были неправдоподобными, сплошная халтура. А во-вторых, он, даже при желании, ничего выразить не мог. По причине того, что его био уже давно не давало адреналин и другие вещества, отвечающие за чувствительность.

Инструктор Жаб, назначив Мукнаилу наказание, рассудил, в общем-то, правильно: нет чувствительности, нет и проблем.

– Вот видите! Вот видите! – торжественно сказал Розевич. – Да! Так вот! До появления первого самоорганизующегося облака люди постоянно испытывали агрессию друг к другу. В конце концов они не знали, как ее выразить. Появлялись насильники, преступники, террористы. Но все это закончилось, когда появилось первое самоорганизующееся облако. Как раз сегодня мы подробнее остановимся на его изучении.

«Ах да, террористы, – вспомнил Мукнаил слово, которым должен был называться дядька в черной одежде с большими круглыми патронами на лентах».

Ему стало совсем скучно на лекции. Хотел включить образ скоростной гонки или сплава по горной реке, чего-нибудь увлекательного, но... все образы, кроме образа лекции, были заблокированы.

– Как вы знаете, наша жизнь электромагнитна! А это значит, что наши мысли, чувства, эмоции, движения, процессы в организме... что? – прищурился профессор Розевич.

Сразу стали появляться ответы участников. Мукнаил без особого энтузиазма написал «электромагнитны» и ждал, пока напишут остальные. Не всем студентам этот вопрос был скучен. Кто-то не просто отвечал, а конструировал образы в виде ответов.

Икарус, он выделялся больше остальных, послал образ двух у-образных магнитов, которые располагались на расстоянии друг от друга, а между их загнутыми краями мелькали тонкие красные всполохи.

И Лутус сконструировал образ. Не такой дурацкий, но тоже не совсем правильный. Он изобразил иголку, плавающую на поверхности большого озера темной вязкой жидкости, похожей на ртуть. Иголка то вращалась в разные стороны, то носилась от одного берега к другому.

– Да, да, да, да... – ходил вдоль кафедры Розевич. – Вы правы, правы, правы. Но... – и он артистически развел руками, – ...электромагнитное поле невидимо. Наверное, именно поэтому его так долго не удавалось, так сказать... э-кхе, – профессор кашлянул в своей привычной манере, – приручить, хе-хе! И наконец приручили! Первое самоорганизующееся облако управляло электромагнитным полем так, что все наши процессы внутри и снаружи стали простыми и организованными. Такими простыми и организованными! – Розевич сложил руки, словно собирался совершить молитву. – Вот как, скажите мне, пожалуйста, раньше приходилось обходиться со своей жизнью человеку? Как? – и он послал короткий примитивный образ.

Небольшая комната, сплошь заваленная бумагами, смятыми, скрученными, разорванными. За столом сидел человек. Он явно давно не спал и не ел. Волосы растрепаны, под почти бесцветными глазами огромные, чуть ли не свисающие до столешницы мешки и выражение тяжелых мыслей на лице.

– Все время приходилось догадываться! – продолжил Розевич. – Что делать, когда есть, когда работать, когда учиться, когда... э-кхе, извините за каламбур, жениться. И что в результате? В результате люди просто не знали, как им вообще быть. Вот и плоды этого незнания: убийства, насилие, кражи, поджоги, аварии, террор, наконец... Как только возникло первое самоорганизующееся облако и люди к нему подключились, так и все! – Профессор от удовольствия чуть не подпрыгнул. – Все сразу пришло в порядок! Пришло в баланс! Облако само следило за тем, что людям делать, а что не делать, и посылало им соответствующие образы. Как просто и как гениально! – хлопнул в ладоши Розевич и под бурные аплодисменты аудитории пустил большую слезу в виде пузатого ухмыляющегося гнома в ярко-красном колпаке.

Глава 6. Закуар

<Без географического наименования, 2100-е годы>

«Шр-шр-х-шр-шр-х-х...» – раздавались приятные ритмичные звуки.

– Там, там, куда я иду, будет много-много красных ворот.

Там, там, где мы окажемся, не будет больше горестей.

Там, там будет много звоночков к обеду...

– Звонок, а не звоночек! – в своей обычной скрипучей манере одернула Джин.

– Ладно... Там, там, куда я иду, будут часто звонить к обеду.

Там, там, где я окажусь, будет много серебряных звоночков.

Там, там...

Я увлекся и не заметил, что сделал уже несколько поворотов, хотя вроде бы не покидал стены Августа. Но это было странно, потому что коллекторы не строили как лабиринт. Наоборот, они прямые. Правда, света только прибавилось, поэтому я не боялся. В конце концов это мог быть какой-то ход, который постепенно выведет меня на поверхность. Надежда найти настоящего Моисея с каждым поворотом пропадала. Какой тут может быть Моисей?! Ну и конечно, чем выше, тем меньше шансов отыскать уцелевший дистиллят. Или то, в чем он мог быть.

Джин трудилась усердно. «Вщщщ... вщщщ... вщщщ» – и очередной поворот по коридору... За этим поворотом света настолько прибавилось, что стали хорошо видны стены. Неровные. Нет, это не следы разломов. Кажется, их такими уже сделали. Как это?!

До «этого» коллекторы делали ровными, на заводах. А теперь! Кому вообще теперь вздумается делать коллектор?! Ни наверху, ни под землей не осталось никаких жидкостей, для которых нужны коллекторы.

– Нет, нет... не осталось, – подтвердила Джин.

– Не оста... – я не успел договорить, в носу чего-то зашевелилось. Как будто маленькая Милица забралась в ноздри и чего-то там устраивает. – Это, это чего?!

– Запах, дубина, – спокойно ответила Джин.

– А ты-то откуда знаешь?

– Откуда, откуда! Думаешь, в торговом центре не было запахов? Полно.

– Но... но... – я хотел сказать, мол, «ты же протез, Джин, ты не можешь чувствовать запахи», а сказал: – Но это же было давно.

– Давно, недавно, какая разница! – отрезала она. – Мы уже так долго идем, а я чувствую запах. А ты не чувствуешь. А знаешь почему? – хитро проскрипела моя спутница.

– Почему?

– Потому что ты пьяная скотина, ха-ха! – Джин явно радовалась своей шутке.

Я не обиделся. Вовремя не обидеться на Джин было хорошим приемом. Она потом несколько дней вела себя очень покладисто. Чувство вины? Или чувство иных? Как там это называлось?

Запах! В этом Джин права! Малоразличимый, но запах! Гнили, что ли? Но это был сильный запах для мира, в котором уже давно не существовало никаких запахов. Все сильные запахи пропали, улетучились, вместе с остальной жизнью, вместе с дистиллятом. И точно! За поворотом меня ждал новый гость. Станный малый по всем параметрам. Почти без одежды. И весь заляпан Адамом. Грязь Адама высохла, превратившись в торчащие в разные стороны куски. Этот парень весь в них, словно никогда не чистился и все время находился на поверхности. Да, еще у него были... волосы, что ли? Сначала я принял их за какой-то сверток вокруг головы. Рассмотрев получше, увидел, что эти засохшие, все перемазанные Адамом рваные

куски на самом деле волосы. Не только на голове, но и на лице. Давно я такого не наблюдал! «Гостинец» был настолько неприятным, что я решил оставить его без имени. Он явно не заслуживал имя. Вот и пусть будет просто... бородатым.

Бородатый лежал навзничь. Руки и ноги раскинуты. Такое ощущение, что он сильно устал, а потом вот так лег... и сдох.

Я осмотрел его. Вместо одежды – везде куски Адама. Карманов нет! Совсем нет! Вот что хуже всего. Как без карманов-то? Поразительно! Поискал еще – ни одного кармана. Как вообще можно жить без карманов?!

– Джин!

– Чего тебе?

– У него карманов нет. Вообще.

– Чего?

– Чего-чего... Это я тебя спрашиваю чего?! Сначала запах, потом этот бородатый без карманов.

– Что, завидно? – жестоко пошутила Джин.

– Да... ну ты и сука! – и я уже второй раз за сегодня стиснул пластик. Джин опять застонала, я сразу отпустил. – Ладно, ладно...

Потом машинально почесал свою лысую голову и лицо без единого волоска. Охлопал многочисленные карманы, в которых лежали мои прежние классные парни, да и много чего еще полезного. Да и как без них-то? Жить без карманов – это все равно что жить без дистиллята. Если нет карманов, где ж его хранить? Я думаю так. Крепко хотелось похлопать бородатого по уродливому заросшему черепу и сказать: «Вот как надо. Вот как!»

– Кто-то его здесь оставил? – примирительно спросила Джин.

– Ну... Оставил? – я толком не знал, что ответить.

– Оставил, бросил, кинул, не забрал, отверг, завершил. Похоронил! – наконец, выпалила довольная Джин, подобрав никому не нужное слово.

– Никто его здесь не хоронил. Пришел, да сам сдох.

– Зачем ему сюда идти? – умно подметила она.

– Мы же сюда идем.

– Куда сюда? – не отставала она.

– Так мы ж торговый центр ищем. А он? – я применил запрещенный прием.

– Какой торговый центр без карманов? – сострила Джин.

– Ну да, ну да... – с этим я не мог не согласиться.

Да уж, таких находок давненько не было! Совсем бесполезная! Ни вещей, ни дистиллята, ни черта у бородатого не нашли.

Я направился дальше. Едва успел зайти за очередной угол, как в нос ударил новый запах... или... как там говорит Джин?.. настоящий пах, настоящий пах-за, за-пах... в общем, гораздо сильнее предыдущего.

Все потому, что за следующим поворотом коридора лежало сразу несколько трупов, причем похожим образом и вроде даже в одинаковых лоскутах.

– Они ж в лоскуты, – прошептала Джин, но я не обратил внимания, зная, что сейчас нужна осторожность.

Легко сдавливая Джин рукой, чтоб поменьше скрипела, прошел еще один коридор и опять повернул за угол. На полу лежало еще больше бородатых. Я почувствовал то, что не чувствовал гораздо дольше, чем запах. Страх. Нет, не боль, не тупое отчаяние. А настоящий страх. Как будто здесь был кто-то еще, кроме меня, Джин, Роберта и коллектора Августа. Хотя был ли это по-прежнему Август, я не знал. В том ли мы коллекторе или уже нет?

Конечно, бородатых положили здесь давно. Кто бы это ни сделал, вряд ли он или они сейчас здесь. Пустые глазницы, продавленная кожа и топорщащиеся в разные стороны куски спус-

танных волос на голове, лице, даже на теле! Это, наверное, было... было... давно я не отсчитывал никакое время, кроме дней... год назад, а некоторые, возможно, попали сюда полгода назад. Понятно одно. Они попали сюда значительно позже «этого». Старые трупы походили на мумии. Совсем высохли. В них не было дистиллята. И нечему было гнить. А эти гнили. Вот и запах, пах-за, пах-пах... или как там его?.. Если бы я пришел сюда пораньше, то, наверное, даже дышать не смог.

Я решил не осматривать новых бородатых, все равно они без карманов. Обратную дорогу, конечно, уже не найду. Да и не смогу ее пройти сегодня, а оставаться здесь не хотелось. Значит, надо найти выход на поверхность как можно быстрее!

– Опять без торгового центра... – обреченно проворчала Джин.

Я проковылял очередной коридор, в котором оказалось еще больше бородатых трупов, потом еще и еще. В каждой части коллектора, если это по-прежнему был коллектор, их лежало все больше и больше. Более-менее одинаковые, с расставленными руками, обляпанные засохшим Адамом, без всякого признака карманов.

Я прежде надеялся найти Моисея, с такими же умирающими, как я, чтобы в окружении дистиллята или еще чего приятного провести остаток своего времени. Но сейчас... в кого превратились эти люди? Что с ними стало? Вряд ли со мной что-то сделают. Да и зачем? У меня не было запасов дистиллята. Все равно страшно! Вдруг они стали какими-то... я даже не мог подобрать слов, кем они могли стать.

– Монстрами, что ли? – предложила свою версию Джин.

– Да нет, никто не становится монстром, ты же знаешь.

– Стали-ли, стали-ли, стали-ли, – поддразнивала меня Джин, правда, сама уже с высунутым языком, то ли от усталости, а может, тоже от испуга.

За новым поворотом я услышал приглушенный стук, доносившийся откуда-то сверху. И тут я по-настоящему испугался. Но Джин тащила дальше, а я слишком устал, чтобы сопротивляться. Стук не нарастал, но повторялся так, словно что-то большое ударялось о что-то тяжелое. Или как это называется? Бух... бух... бух... бух...

Я остановился и привалился к стене, почти задыхаясь от усталости. Давно не ходил так много. Сейчас оставалось только идти вперед, пока коридоры не приведут меня к стуку. А потом?

– Джин, ты как? Выдержишь? – от нее сейчас многое зависело.

– Хр... хрр... хрр... иди давай!

Такой она мне нравилась, строгой и уверенной!

Впереди коридор обрывался. Похоже, он заканчивался какой-то площадкой. Непонятно только, над землей или нет. Но, скорее всего, там было какое-то возвышение. Я прикинул глубину коллектора, в который спустился, и длину пути по коридорам, которые вели наверх. Каждый коридор начинался с небольших ступенек. А прошел я не менее сотни. Значит, когда выйду, попаду на какое-то возвышение, это точно.

Так и получилось, за очередным поворотом показался узкий проем и выход на площадку.

– Это не Моисей, – подметила Джин.

– Ч-ш-шш... найдем, еще найдем.

Как только я высунулся на площадку, моментально получил резкий удар от Милицы. Эта стерва задула так, что веки чуть в обратную сторону не вывернулись. Вот зараза-то! Ясное дело, в конце дня Милицу обычно срывает с катушек. И как ни упрашивай, она швыряет свои осколки с такой силой, что, если вовремя не укрыться, очень скоро все карманы оборвать может. Адам с Милицей заодно. Чем сильнее она дует, тем больше он расставляет свои черные следы.

Ничего не оставалось, как вернуться на несколько коридоров назад и переждать Милицу. Все равно никто сюда не сунется, учитывая, что происходило снаружи. Такой поток Милицы

любого собьет с ног, а Адам еще и запачкает сверху. Нам с Джин и Робом надо ждать следующего дня, чтобы посмотреть, что же там происходит.

– Джин?

– Чего тебе?

– Устала?

– Думаешь, мы когда-нибудь найдем Моисея? – она явно решила сменить тему.

– Ты опять?

– Что значит опять?! – всхлипнула Джин. – Сколько можно слоняться, тебе самому-то не надоело? Мне вот надоело... – добавила она грустно.

– Не знаю, давай у Роба, что ли, спросим, а?

Я достал Роберта и проделал весь ритуал от начала до конца. Роб на этот раз все кричал про какую-то финансовую рентабельность, голосил про «здесь и сейчас» и вывел странный лозунг – приложи свое намерение к своей финансовой рентабельности. Наверное, на этот раз в него вселился «продавец счетов». Или как там они называются? Поток Роба оборвался на фразе «живи сейчас», после чего я с силой закрутил крышку и сам куда-то провалился. Не хватало мне еще «жить сейчас». Этого мне точно не надо! Так лучше и не жить совсем.

Глава 7. До

<Без географического наименования, 2100-е годы. Новая цивилизация>

Над площадкой поднялся большой пласт Пао, на нем сидел светло-коричневый ЛЮ.

Рядом с ним еще один цвет. Еле различимый, серо-голубой, почти прозрачный.

Старый мудрый ЕТ!

Пласт Пао упал на площадку, разлетевшись на множество кусков в разные стороны. Но никто не побежал их подбирать. Пришло время для последнего урока старому мудрому ЕТ.

Самый яркий цвет станет прозрачным. Это я вспомнил грустный урок МА.

Последний урок важен и не важен. Потом уже не дать последний урок. Прозрачный коридор – не место для уроков.

Старому мудрому ЕТ я дал свой урок-воспоминание. Я вспомнил, как первый раз увидел его, когда пришел к Башне, как узнал, для чего нужен Подъемный Блок, как надо подниматься на Башню и как опасны пласты Пао во время темнотеющего Пао.

И очень важный урок: делать Башню выше – тяжело, делать Башню выше – легко.

С каждым пластом Пао, который поднимал старый мудрый ЕТ, Башня становилась выше, значит, очень скоро мы дотянемся до Яркого Пао, каждый получит свой самый яркий урок.

Вот почему ЕТ стоит у Подъемного Блока, как когда-то стоял его учитель, старый мудрый ЯТ. ЕТ даже не нужно ходить к Перекладинам. Каждый новый пласт Пао делает Башню выше. Пао больше, Башня выше.

«Пао больше, Башня выше», – передал я свой прощальный урок старому мудрому ЕТ.

ЕТ стал совсем прозрачным. Мы понесли его в Прозрачный Коридор.

Часть третья

Глава 1. Конбор

<Уссурийская тайга, 1946 год>

– Слушайте не звуки, а состояние, – сказал Сато, и его слова растянулись как смола, вытекающая из дерева, сначала в виде блестящей капли, потом тянущейся ниточки. – Состояние важнее.

Я подумал, что не понимаю, на каком языке он говорит.

– Вы научитесь различать звуки внутри состояния. Но пока звуки – это всего лишь звуки. В самих звуках ничего нет. Состояние. Состояние есть.

Мы стояли на краю высокого утеса, ловили рыбу. Даже не ловили, а поддевали. Весной рыбы в уссурийских реках больше, чем воды. Достаточно опустить загнутый гвоздь, с какой-нибудь наживкой, как рыба на нее сама бросится.

Я слышал, местные рыбаки ловили рыбу чуть ли не руками, но мы не решались. Перчатки давно уже разлетелись на лохмотья, а вода была такой студеной, что казалось, нарушены всякие законы физики. Ведь вода не может быть ниже ноля? Но эта вода именно такой и была. Сунешь руки, будто в ледник попал. Кожа краснеет как ошпаренная, чувствуются покалывания.

– Что вы сейчас слышите? Какие ощущения? – голос Сато опять прозвучал смолой.

– Я...

Не могу понять. Так много звуков в весенней тайге. Все они звонкие, завораживающие. Вода звенит сотней колокольчиков, ветки по-особому колышутся, птицы снова ведут бесконечные беседы, пытаюсь наверстать долгие месяцы тишины.

Звук веток весной не такой, как зимой. Зимой сухой, застывший. А сейчас приятный, бархатистый. Словно ветки знают, что с каждым днем ближе весна, тепло, жизнь.

Но это все не то, не то... это все выводы. Умствования, как, наверное, сказал бы дед Матвей. Но состояние. Состояние! Оно где-то глубже. Может быть, даже где-то не во мне.

– Я... я... хм... что-то переливается зелеными и золотистыми красками, – наконец смог сформулировать я.

Сато ничего не ответил. Он посмотрел вдаль, куда-то за горизонт. Потом нагнулся, взял камень и с силой швырнул на середину реки. От этого у берегов послышался резкий свист. Рыба, стоящая в заводях, рванула в разные стороны.

– А теперь?

– Что теперь? – не понял я.

– Какие цвета? Какое состояние?

Я закрыл глаза и погрузился в дремоту. Внутри скакали целые толпы мыслей. Сначала тревожные. Про то, что большой палец на правой ноге, кажется, попал наружу из истертой подошвы болотоходов, и я стою им на ледяной корке. Потом успокоился, запас еще есть. Совсем небольшой... подошва на мыске износилась чуть ли не до толщины бумажного листа, но какая-то преграда между моими распухшими ногами, камнями и льдом еще оставалась.

У Сато с этим хуже. Его сапоги давно развалились, приходилось каждый день переплетать онучи, сушить их и отрезать отвалившиеся лохмотья. С другой стороны, это была вечная обувь. Сколько бы он ни бегал по лесам и горам, всегда сможет скрутить себе новую из травы и каких-нибудь стеблей. Настоящая природная мудрость.

Нет, нет... это опять мысли, опять выводы. Это неправильно, нет... не то чтобы неправильно... Нет правильного и неправильного. Но так не увидеть, не понять главного – состояния.

«В мыслях можно ловить только слова, а слова – это не состояние. Слова! Слова – это только оболочки чего-то. Сами по себе они не несут смысла», – недавно объяснял мне Сато.

Интересно, что японец, говоря о значении слов, использовал английское charge, которое имеет два значения: «заряд» и «нагрузка». Я попытался понять, какое из них он подразумевает, но так и не понял. Хотя мне все больше казалось, что Сато имеет в виду «нагрузка». Что слова – на самом деле нагрузка, а не заряд. Нагрузка, которая, как в электрической цепи, создает силу тока и в то же время ее ограничивает.

Так верно! Сила и ограничение! Заряд и нагрузка! Одно и то же!

Я еще раз подумал о камне. Но нет, нет... не надо размышлять, не нужно думать. Не надо, не надо! Нужно чувствовать.

Внутри как будто стало яснее, какое-то ощущение, что состояние нельзя делить на события. Состояние можно чувствовать только вместе, одновременно. Словно ты сам находишься «вместе» или в таком «месте», где все чувствуешь одновременно.

Я вспомнил выражение «здесь и сейчас», о котором говорил Сатита. Точнее, по-другому понял, что такое «здесь и сейчас».

Здесь и сейчас – это не значит в настоящем моменте. Это значит состояние, которое остается и не проходит. Это состояние просто есть. Как камень, который падает в воду. Как ветка, которая качается на дереве.

Даже не здесь и сейчас. А вообще. Вообще качается. Мы представляем «здесь и сейчас», словно оно связано со временем, которое мы сами придумали. Но разве это так? Облака же не плывут по небу по той траектории, которую мы для них начертили. Сколько бы мы ни чертили, облака сами по себе.

Сатита наверняка имел в виду совсем другое, говоря о «здесь и сейчас». Так же как с charge! Он мог говорить «вообще и всегда», а за многие тысячи лет это превратилось в «здесь и сейчас».

А еще... может быть... это одно и то же! «Здесь и сейчас» и «вообще и всегда», как и английское charge – одновременно заряд и нагрузка. Одновременно! Но как это...

Я почувствовал сильный толчок, даже покачнулся, чуть не упал в реку. Это был бы конец: острые камни, большая высота. Даже Сато со своей восточной медициной меня бы не вылечил.

А-а-а... Понятно, это из рук рвалась удочка. Точнее, какая там удочка! Обычная еловая ветка, за которую мы зацепили веревку с загнутым гвоздем.

– Довольно большая, – уважительно заметил Сато.

– А?

– Большая, говорю! Тащите!

– А... – сообразил я и плавно, но с силой потянул.

Сначала у меня не получалось удить рыбу. Тянул слишком резко, напряженно. Веревка рвалась. Или, что еще хуже, крючок отрывался. Тут даже Сато начинал раздражаться. Понятно почему! Гвоздей в охотничьем зимнике было не так много. И те заканчивались. Конечно, поздней весной мы должны выбраться отсюда. Но когда это еще будет! В этих краях весна наступает совсем не в начале мая, а рыбы надо натаскать много, пока нерест не закончился.

После рыбалки вернулись в хорошем настроении. Я уж точно. Сато всегда был в каком-то одном настроении.

Наловили много мелочи и одну большую рыбину, с полным брюхом икры. Икру приходилось есть быстро, зачерпывать ладонью, опрокидывая горстями в рот. Соли взять негде, икра была пресной и отдавала тиной. Ужасный запах и вкус.

Хотя два года назад, когда в Москве от голода варили суп из собачьих костей (и это еще «цветочки» по сравнению с тем, что творилось в Ленинграде), кто б мне сказал, что я буду есть лососевую икру горстями, не поверил бы...

Тогда я ходил по голодной Москве, чтобы хоть как-то отвлечься, унять чувство голода. Видел много таких же, как сам, людей, шатающихся по улице, впитывал их боль, их разочарование.

Может быть, поэтому со мной случился тот приступ. Какое-то помутнение, ярость или еще что-то. Накопилось. Словно мозг на какое-то время загорелся, а потом потух. После того... после того что я сделал с соседом Семеном.

Я толком не понял тогда. Да и времени не было что-то понимать. Комиссариат, назначение на фронт. Хорошо, что еще дальний родственник из Генштаба помог и мне дали чин младшего лейтенанта, назначили комроты в Маньчжурию. В полубреду я ехал к месту назначения, даже не успел подумать, как и что.

С Захаром повторилось. Опять боль, сплошная боль вокруг. Боль и разочарование. Еще один приступ. Но это я только позже понял, много позже, уже после нескольких дней побега.

И тогда было не до раздумий. Ночевки без костра, мы с Сато скрывались в излучинах пересохших рек. Не знали, будут ли нас искать, удалось ли деду Матвею обставить все так, будто он повез меня в лазарет, а Сато просто сбежал сам по себе.

Потом испуг прошел, чувство голода и холода стало привычным, и я понял, что случилось с Захаром. Точнее, что тогда случилось со мной.

В Москве я почти до смерти забил Семена, когда узнал, что он сварил свою собаку, Нору, которая охраняла его семью почти десять лет. Я очень любил Нору. Весь подъезд ее любил. Она заливисто и беззлобно лаяла, выходя на прогулку каждое утро. А Семен сделал из нее суп. Как он мог?!

Этот вопрос я ему и задал тогда:

– Как ты мог, Семен?! Ты же умный человек, промышленник.

– Бывший промышленник... а семья? – и он показал на двух полуодетых детей, кое-как дышавших в углу.

Это было страшное зрелище. Квартира с огромными потолками. Лепнина на бортиках. В тех местах, где раньше висели люстры, зияли рваные дыры, из которых торчала дранка. Дубовые двери с отрубленными кусками и умирающие дети промышленника Семена. Бывшего промышленника. Который... несколько часов назад сварил свою собаку в большой бельевой кастрюле, чтобы хоть чем-то накормить отпрысков.

Голод и война. Так это называлось. Страшное время. А что с этим поделаешь?!

Я тогда, конечно, подумал, что можно что-то сделать. И сделал. Схватил железную кочергу у камина и бил Семена, бедного-несчастливого Семена. Бил много, долго. Пока рука не повисла от усталости. А в углу, кажется, сначала громко, а потом уже тихо, бессильно рыдали две его дочери, ради которых он и сварил суп из Норы.

В тот момент я понимал, что не смогу дальше жить, если не сделаю это. В тот момент я не мог по-другому. Честно говоря, я понял и еще кое-что: Нору я люблю и уважаю больше, чем Семена. Поэтому, повинувшись законам дикого племени – мстить за тех, кого любишь, я забил Семена до смерти. Или почти до смерти? Точно я не знал. До сих пор не знаю, жив ли он.

Несколько раз отправлял письма по старому адресу, когда еще был на фронте, но ответа не получил. А как по-другому? Его жена и раньше меня не любила, называя «доморощенным анархистом». Но после того, как я почти убил ее мужа, она вообще перестала что-то понимать. Нелюбовь превратилась в ненависть. Ненависть? А чем, собственно, ненависть отличается от нелюбви? Наверное, в ненависти больше состояния. Это то, что как раз происходит «здесь и сейчас» или «вообще и всегда».

Выпотрошенную тушку рыбы мы повесили на веревку, рядом с остальными. Набралось уже много. Но почти половина добычи с личинками и червяками. Как бы яростно мы ни натирали свой улов снаружи и внутри еловыми иголками, все равно эта зараза как-то проникала. Непонятно как. Хотя, надо признать, еловый запах их жутко отталкивал. Даже Сато удивлялся.

Видно, у него в Японии червяки не были такими бесстрашными. Но здесь, в тайге, где на несколько десятков километров никакой добычи, даже червяки превращались в настоящих хищников. Каждый организм боролся за свою жизнь изо всех сил.

– Так что? – спросил Сато.

– Что «что»? – не понял я.

– Цвета? Вы видели цвета?

– Да... вы... я не знаю, как это объяснить. Я был «здесь и сейчас», а потом понял, что нет никакого «здесь и сейчас». Может быть, есть «вообще и всегда». Но я пока как-то не уверен. А вы?

– Я? – Сато поправил онучи, которые сильно промокли. – Я думаю, вы правильно говорите, но только очень ограниченно.

– Ограниченно? – переспросил я, решив, что неправильно понял слово limited.

– Ну, ограниченно... – и Сато, опять употребив limited да еще прочертив руками в воздухе фигуру прямоугольника, добавил: – Я же тоже не в лучшем случае владею английским.

Он, и правда, не совсем правильно употребил any case.

– Но вы же... ограниченно? – снова повторил я.

Сато назвал меня ограниченным! Так я о себе еще никогда не думал. Может быть, чудной, неуверенный, даже слабый. Но не ограниченный же! Похоже, меня это задело, ведь по сравнению с Сато я, действительно, был довольно ограниченным. Больно чувствовать себя ограниченным.

– Слушайте, – Сато понял, что я недоволен. – Давайте без слов попробуем. Как что-то увидите или поймете, сразу мне показывайте. Но нет, нет, – он замахал руками, – не так! Не надо изображать то, что вы поняли. Мы здесь не в пантомиму играем. Попробуйте показать мне, что вы недовольны.

Я и был недоволен. Сато назвал меня ограниченным... какое унижение! Я кивнул и направил в сторону Сато долгий немигающий взгляд.

– Не телом, не телом, – тихо сказал он.

– А чем же? – тихо спросил я, но тут же сам понял – состоянием. И попробовал почувствовать, а потом передать свое состояние.

* * *

Покидать зимник было очень тяжело. Он так долго защищал нас от суровой таежной зимы. Однако и оставаться нельзя. Чем дальше, тем больше риск, что кто-то из местных охотников забредет сюда. Тогда пришлось бы «либо мы, либо они».

Поэтому, когда на снегу образовались первые полосы оттаявшей земли, мы собрали всю рыбу, которую получилось запасти, и ушли.

На восток идти не могли. Не понятно, как далеко распространилась линия фронта и кто из противников на какой стороне. На запад – Уральские горы, непреодолимые хребты и верная смерть. Единственный выход – идти строго на север, добраться до любого Североморского порта, а там пролезть на какой-нибудь транспортный корабль. План так себе, но другого у меня не было. У Сато – не знаю, я не спрашивал. Боялся себе признаться, что, возможно, все его злключения из-за меня.

Главной сложностью была еда. Сушеная рыба закончилась еще быстрее, чем мы ожидали, оставалось питаться мелкими птицами, которых Сато ловил в веревочные силки. Но их, конечно, не хватало. В весенней тайге птицы такие тощие, что, казалось, в них нет ни грамма мяса.

Однажды мы увидели оленя. Вроде как подранка. Он как-то странно бегал, подволакивая заднюю правую ногу. Хотя для нас все равно очень быстро. Долго выслеживали и подстерегали

зверя. Ружья-то у нас не было. Только мой офицерский ТТ. Но попасть из него с расстояния больше двадцати метров совершенно невозможно. Да и патронов... всего три.

Сато научил меня практике запутывания следов. Называлось это «здесь, а может, там». Теперь мы пользовались этим приемом, чтобы как можно ближе подобраться к оленю.

С помощью такой же практики Сато хотел убежать и от нашей гвардии. Я тогда так и не понял, почему он упал, у него было очень легкое ранение в край плеча. Дед Матвей, понятное дело, знатный стрелок, но и Сато – знатный беглец. Встретились знатный стрелок и знатный беглец. В результате один не совсем убежал, а второй не совсем попал.

Вот так. За долгое время нашей кочевой жизни, в постоянной полулихорадке и голоде, я начал думать про себя афоризмами. Не знаю, может, помутнение мозга, а может, и наоборот – наконец начала появляться ясность, поэтому мысли формулировались очень коротко и точно. С нетерпением я ждал того момента, когда смогу вообще отказаться от мыслей и находиться в состоянии, о котором все время говорил Сато.

– Давайте! – и Сато протянул руку.

Я передал ТТ с самодельным прикладом из сосновой ветки, искусно им же обструганным и привязанным, чтобы не было сильной отдачи. Японец почти сразу нажал на курок, толком не успев прицелиться.

– Куда-а-а-а... – только и смог крикнуть я, разозлившись, что Сато впустую потратил предпоследний патрон. Хотя можно сказать, что и последний. Ведь два я приберег для нас с ним.

Однако вслед за моим криком олень упал, вытряхнув из-под себя целое облако таежной пыли.

Таежная пыль особая. Она состоит из миллионов замерзших кристалликов земли, таких острых и твердых, будто они замерзли навсегда. Даже когда солнце припекает, таежная пыль все равно кажется замерзшей.

«Тр-р-р-р-а-в-в-и!» – почудился знакомый крик деда Матвея. Или это было не «тр-р-р-р-а-в-в-и», а «бр-а-а-в-и-с-и-м-м-о»? Деда Матвея здесь не было и быть не могло, мы слишком долго шли на север и теперь были далеко от Маньчжурского фронта. Все равно я оглянулся с опаской: а ну как наша гвардия где-то неподалеку?

– Дед Мат-в-е-ей? – сдавленно прокричал я. Но ответило лишь безучастное таежное эхо: «Д-е-е-дддд Ма-т-т-т-ве-е-ей...»

У нас появилось мясо! За долгое-долгое время настоящее мясо! Мы бежали, путаясь в ошметках собственной обуви. Точнее, я путался в том, что осталось от канадских болотоходов. Подход Сато, в плане обуви, доказал свою правоту. Онучи жили своей жизнью, то разрушаясь, то восстанавливаясь. «Лучше проще, но дольше», – родил мой мозг очередной афоризм.

Точно! Это подходит к условиям тайги и кочевой жизни, где один день почти как год. Но и год почти как день. Непонятно, как такое вообще возможно, но так было. Почти как «здесь и сейчас» и «вообще и всегда». Они не ровнялись друг другу, однако были одним и тем же.

Кое-как разделав оленя, перепачканные кровью и очень довольные, мы решили развести костер, невзирая на риск открытого пространства. Точнее, я решил, а Сато не возражал. Он вообще никогда не возражал. Мое же чувство опасности перевесило желание поскорее да побольше съесть свежего мяса.

Наконец мы сидели у небольшого, но жаркого костра. Сато смог собрать мелкие ветки в степи. Как только это возможно? Вокруг одни поля. Ни дерева, ни даже кустарника. Похоже, эти ветки, пока лежали здесь под солнцем, вобрали в себя столько тепла, сколько могли, поэтому грели очень сильно. И наоборот, пока лежали много зим, вобрали в себя столько терпения, что отдавали тепло не сразу, не безрассудно, как еловые, а долго и уверенно.

Сато медленно, вдумчиво жевал и пережевывал одну оленью ногу, а я другую. Все остальные части, которые удалось отрезать, мы обмазали глиной и разложили вокруг костра. Что-то закопали в землю, боясь, что ночью, на запах крови, придут волки.

Без соли и специй оленина была жутко пресной. Чуть ли не хуже, чем кожаная основа моих канадских болотоходов, которую мы сварили, а потом кое-как сжевали на исходе весны. Болотоходы хоть солеными были, видимо, от впитавшегося за многие годы пота.

Все равно это был настоящий олений пир! Первый настоящий пир в моей жизни! За долгие месяцы голода я наконец ел настоящую еду. Первую настоящую еду с того момента, как закончилась последняя рыба. Я чувствовал себя первобытным человеком, который смог приготовить себе что-то на огне.

Сато предостерег есть быстро. Это и понятно, желудок мог не выдержать сразу большого количества мяса. Но предостережение не требовалось, за долгие месяцы без каких бы то ни было витаминов зубы так расшатались, что есть быстро жесткое мясо просто не получалось.

– Неопределенность, – сказал я.

– Что? Лимбо? Так вы сказали?

– Нет, нет... но, может, и лимбо. Да какая разница, в общем-то. Если искать грань между «здесь и сейчас» и «вообще и всегда», то получится неопределенность. И я... я думаю, это и есть истина всего. Пока ты не знаешь, ты испытываешь неопределенность. А когда знаешь, ты можешь ненадолго испытать «здесь и сейчас», а потом «вообще и всегда», пока опять не обратишься к неопределенности. Неопределенность всего важнее! – произнес я почти таким же растянуто-смолистым голосом, как иногда говорил Сато.

Слово uncertainty причудливым образом прозвучало среди ночной степи. Слишком сложное для этих мест. Я подумал, что эта степь привыкла слышать только короткие, обрывистые слова, такие как «ай», «эй», слова охотников, которые можно выкрикивать на дальние расстояния на ветру через сжатые губы.

Я представил, как погонщик с плоским монголоидным лицом вместо привычного взгляда «Гей!» кричит «Ан-сер-тан-ти!», как от набора таких сложных слогов теряет равновесие и первый раз в своей жизни падает с лошади.

– Неопределенность? – повторил Сато, перестав жевать. – Может, лучше определенность?

– Ну?

– Определенность, – повторил он. – Зачем чувствовать неопределенность, когда лучше чувствовать определенность. Как вы говорите, «здесь и сейчас» и «вообще и всегда»? Если, на самом деле, нет этого «здесь и сейчас», то зачем нужна неопределенность, когда есть определенность? – Сато снова впился в мясо, в некоторых местах сильно сожженное на открытом огне.

Странно, но сейчас мне показалось, что за время наших скитаний Сато все меньше походил на японца. Его кожа уже не была такого оливкового цвета, как прежде, даже в отблесках теплого пламени костра она казалась почти белой. Глаза совсем уже не узкие. Если бы не маленький рост и жесткие черные волосы, аккуратно убранные на затылке, Сато вполне можно было принять за европейца.

Интересно, на кого стал похож я?

Несколько недель назад наклонился над ручьем, пытаясь разглядеть свое лицо в воде, но увидел только картинки каких-то прошлых событий. Как будто я рассматривал не собственное отражение, а смотрел в трубу калейдоскопа, в которой вместо разноцветных стеклышек вклеены осколки всего того, что произошло со мной...

Вот бабушка идет по Поварской, походка прямая, уверенная. Городовой уважительно подносит ладонь к козырьку форменной фуражки... вот кто-то играет на рояле, может, даже я сам, кажется, я плавно открываю тяжелую иссиня-черную крышку с витиеватой золотой над-

писью «Блютнер»³⁸. Было это со мной или с кем-то другим? Вот первая кровь, которую я увидел, кровь нашего будочника, расстрелянного в упор военным в кожаной куртке, он пришел с обыском. Только много позже я узнал, что таких военных называют «комиссар», и это слово в моем детском мозгу причудливым образом соединилось со словами «холера» и «война», образовав новое неведомое «комиссарвойнахолера»... Потом я увидел и более ранние события... дом в Севастополе, эвакуация в двадцатом, я совсем маленький, в пеленках, потом бомбардировки, голод... Говорят, дети не помнят, что было с ними до двух лет, а я почему-то помнил.

В конце концов я прекратил попытки разглядеть свое отражение, боясь, что чем пристальнее заглядываю туда, тем больше превращаюсь в этот мучительный калейдоскоп, в котором соединилось все плохое, хорошее, красивое, жуткое. То, что я очень любил, и то, что я ненавидел.

Мы с Сато продвинулись далеко на северо-восток. Каждый день шагали почти по десять часов. И пока перед нами была тайга, шли быстро. Я боялся, что рано или поздно, потеряв направление, мы упремся в Уральские горы. Даже представлял, как однажды издали увидим их хмурое величие. И что тогда?! Идти дальше? Но через горы мы не перейдем. Даже мудрость и энергия Сато не перешагнет эту безжизненную махину. Продвигаться дальше, к Северному морю? Но что там?

Кто бы нас ни поймал... меня, скорее всего, расстреляют как дезертира и изменника родины. Ну а Сато на многие десятилетия запрут в лагерях. Не совсем понятно, что лучше. Если бы была возможность остаться с Сато в лагерях, я бы так и сделал. Это ничем не отличалось от нашей повседневной жизни. Разве что какое-то подобие еды и крыши.

– Состояние – это определенность, – сказал Сато. – Нет никакой другой определенности, кроме состояния. Никакой... насколько я знаю.

– Состояние – это определенность?

– Думаю, да. Но состояние можно лишь почувствовать, но никак не понять... или, как это правильно сказать, никак не принять, не определить, не увидеть... как только вы определяете состояние, это... становится вашим. Вашим! Понимаете?! Однако тут нет ничего нашего, – он показал, проведя вокруг обглоданной костью, – состояние не может быть вашим... состояние... это просто состояние... как только оно становится вашим, это уже не состояние. Состояние само по себе. И еще! – почему-то произнес он торжественно, даже отложил недоеденную оленью ногу. – Последний совет! Постарайтесь... нет, не знаю, как это сказать на вашем языке. Но... но... не делайте состояние «вашим». Оно само по себе. Состояние всегда само по себе. Тогда состояние – это состояние, а не...

– Но... – только и успел сказать я.

В следующий момент Сато выхватил ТТ из вещмешка, оторвал самодельный приклад, зачем-то бросил его в костер и прыгнул куда-то в темноту, не подняв ни малейшего облачка таежной пыли. Хотя пыль эта поднималась, кажется, даже от падения пушинки.

Я не успел и пошевелиться или что-то понять, как опять услышал знакомое «тра-ви-ви-ии». На этот раз никак не похожее на воображаемое «бр-р-р-а-а-а-восс-имо». Теперь это было совершенно очевидное Матвеевское «тра-ви-ви-ии».

Я кинулся в темноту. Туда, куда за мгновение до этого, нырнул Сато. Там ничего не было. Куда он делся?! Да и зачем он убежал? Зачем? Я шарил по земле. Никого, ничего... даже бугорка, только ровная степная земля, поросшая колючей бесцветной травой.

– Ааааа-а-а-а!!! – проорал я со всей силы и зачем-то запустил куда-то во мрак оленьей ногой. Потом, испугавшись, побежал туда и сразу оказался в крошечной темени. Не мог же я так далеко убежать! Заметался, пытаюсь разглядеть пламя костра, которое должно виднеться издали. Неужели костер успел погаснуть?! Нет, нет, не может быть...

³⁸ «Блютнер» (от нем. Blüthner) – марка фортепиано.

Наконец, так мне показалось, я увидел мигающий острый свет, совсем не похожий на костер. Как будто этот свет был куда-то направлен. «Точно не костер!» – подумал я.

– Костер не направлен. Костер сам по себе! Костер не мой, он сам по себе! Сам по себе, сам по себе, сам по себе... – кричал я до острой боли в горле.

В следующий момент я упал, больно ударившись виском о мерзлую таежную землю. Где-то внутри послышался благородный щелчок, с которым обычно закрывалась крышка «Блютнера», когда кто-то заканчивал играть. Тук. И лишь отзвуки мелодии блуждали по простору большой залы, сопровождаемые раскачивающимися тенями от горящих свечей.

Луч прожектора или чего бы там ни было быстро приближался, становясь все более сильным и точным. Вдалеке раздавался еле различимый звук стрекочущего двигателя. Не может быть! Бэка! Но откуда?! Ни с чем не перепутаешь этот тракторный утробный «д-rrr-з-rrr-з-rrr-з-rrr».

Воздух как будто загустел. Я ощутил «состояние воздуха». Это было ни на что не похоже, словно разом ощутил все запахи и звуки. И не только. Я разом ощутил «все состояния». Это действительно было как «здесь и сейчас» и «вообще и всегда». Глубоко и проникновенно. Как будто ты зарываешься с головой в песок, но можешь в этом песке ходить, дышать, чувствовать. Каждой своей клеточкой ощущать этот песок, каждую его песчинку.

«Чувствуйте состояние, – вспомнил я слова Сато. – Так вы научитесь чувствовать состояние всего остального. Это гораздо важнее, чем думать обо всем остальном».

Я ощутил боль, не резкую, но сдавливающую. Странно, даже в чем-то приятную. Где-то чуть выше локтя. Потом, наоборот, почувствовал уже резкий укол боли, точно мое тело взяли и бросили куда-то, на острые шипы. Да так сильно бросили, что голова сама собой запрокинулась.

Я открыл глаза и увидел звезды. Каждая казалась очень четкой, отдельной. Одновременно звезды собирались в единую картину. И тут же, сразу, все размывались, образуя что-то общее.

– Калейдоскоп, калейдоскоп... ка-лей-до... до-скоп... ка-лей... – перебирал я пересохшими губами. Вот только не мог вспомнить, к чему сейчас это «ка-лей-до-скоп». «Вот и правильно...» – успел подумать я, перед тем как услышал очень близко «тр-р-р-аа-вв-и-и», и провалился в сон.

* * *

– Во ты даешь, Кинстинтин! Это ж сколько месяцев в тайге да на лесосеке проболтался... Маялся как девственник в порту! Эх, етить твою тудыть... На! Глотни, болезный! Ужо, поди, давно горяченького-то в рот не брал, – и дед Матвей сунул мне большую щербатую кружку, в которой плескалась жуткая коричневая бурда.

Это был его знаменитый напиток, спирт наполовину с крепким чаем. Дед Матвей всегда так заваривал. А в хорошие времена еще насыпал пригоршню сахара. «Хорошие времена», – понял я после первого глотка. И еще понял, что все это не калейдоскоп... точнее, не мираж, а здесь и правда дед Матвей. Но откуда? Почему? Как?

Язык и небо сильно обожгло. Я стал ловить воздух, слабо пытался отвернуться от его огромной ладони, в которой пол-литровая кружка выглядела чуть ли не маленькой кружечкой.

– Куды! Пей лекарство-то! Ет-мо не блажи ради, а лечения для! А ну, какой столбняк подхватил?

– Полно вам, дед Матвей! – веселым и одновременно неприятным голосом сказал кто-то незнакомый, но стоящий очень близко.

Меня поразил этот голос. Звонкий, легкий, уверенный и... почему-то кажущийся очень враждебным. Давно я таких не слышал. Да и вообще, слышал ли когда?

Наконец кружка опустела, едкая сладкая жидкость залилась за шиворот, потекла по подбородку, кусая мелкие язвы на щеках, образовавшиеся от какой-то неведомой болезни, сильно щипала глубокие комариные укусы. Дед Матвей освободил мою голову от своей огромной теплой ладони и протянул большой кусок черного хлеба, натертого солью, с охапкой дикого чеснока.

– Вот, чтобы все съел! – строго сказал он.

Но меня и уговаривать не надо! Я хлеба уже как полгода не видел, не видел соли, не видел почти ничего, кроме прошлогодних лесных ягод и безвкусных, похожих на резину с привкусом болота, кусков вяленой рыбы да мелких птичек, которые после ощипа были размером со спичечный коробок. Только сегодня нам с Сато улыбнулась удача, когда мы подстрелили оленя. Господи, о чем же я думаю!

– Сато! Где же Сато?

– Тихо, тихо. Убег, убег твой охринавец. Еще как только подходить начали. Смотрю! Кто-то петляет из стороны в сторону. Ну, думаю, знакомая походка. Да не додумал вовремя. Видишь, тебя чуть не подстрелил, бедового. Не признал издали, Кинстинтин, на пятом десятке-то уже глазенки не те... да и ты малость изменился за это время.

Я толком не мог говорить. Весь рот наполняла едкая масса из спирта, ржаного грубого хлеба и стеблей чеснока, свежих, острых, едких.

– Сато, Сато? – прохрипел я и попытался подняться.

– Убег, убег паршивец! Убег, здоровый-невредимый. Да ты не бзди, дорогой Кинстинтин, к Северному морю подался. Ихние тама, посему дорогу домой, чай, найдет, еще открытку тебе из своих джунглей пришлет.

– Нет в Японии джунглей, дед Матвей. Что вы молодого человека в заблуждение вводите! – опять услышал я этот легкий уверенный голос, как будто не из нашего мира. – Борис. Рад знакомству, товарищ! – проговорил незнакомец и потряс мне руку.

Сквозь заплывшие веки я попытался разглядеть того, кто назвался Борисом. Может, он новый командир роты? Или еще хуже, замполит? Тогда недолго мне осталось...

Говорит как образованный, но на офицера не похож. Значит, значит...

Нет, на Борисе была не военная, а штатская форма. Значит, не командир роты. Да и вообще не военный. Остается замполит.

– Тоже голова! – дед Матвей усмехнулся и принялся скручивать свое привычное курево. – Прошу любить и жаловать. Борис, наш инженер, геологоразведчик. Или просто разведчик! Начальник экспедиции, между прочим! – дед Матвей поднял руку, зажав готовую самокрутку между большим и указательным пальцем.

– Бросьте вы свои «кулацкие» выраженьица, дед Матвей. Вы же коммунист, – ничуть не злясь, все так же весело и легко сказал Борис. Не было в его голосе ни упрека, ни ненависти, только какая-то тугая непрошибаемая уверенность. Уверенность абсолютная, которая выдержит все и вся. Наверное, она мне и не нравилась больше всего.

Борис, кажется, вытряхнул папиросу из пачки и тоже закурил.

– Ладно, ладно. Вот Кинстинтин, лейтенант младшой, значит. Попал в осаду к врагу, еще до наступления. Так и сгинул, бедолага. Но вот плененный! – дед Матвей зачем-то повысил голос. – Плененный Кинстинтин вернулся к нам, в нашу бывшую геройскую кавалерийскую, так сказать, ячейку коммунизма. На-ка, держи! Посмоли маленько, горло прочисть, – и он протянул мне плотную, чуть не с палец толщиной самокрутку.

Плотно крутит дед Матвей, значит, вести с фронтов хорошие. Значит, довольствие приходит в срок.

После первой затяжки меня скрючило, чуть не вырвало. Я кое-как удержался, сплюнул под борт Бэки, на котором лежал, как на больничной койке. И только сейчас понял, что во всем, что здесь происходит, не так! Совсем не так! Вместо зенитки, которая была прикручена

к кузову Бэки и которая была главным, да и, пожалуй, единственным оружием нашей роты, теперь возвышался большой коловорот, наподобие тех, какими делают скважины или ямы для телеграфных столбов.

– Э...э...это, – сказал я, показывая дрожащей рукой на странную конструкцию. Я понял, что если наш взвод потерял зенитку, то скоро всех нас отправят в лагерь или даже расстреляют. А еще хуже, отдадут на пытку монгольским пастухам, которые снимут с нас кожу. Просто так. Как они снимают кожу с забитой коровы.

– Ты не крутись. Кури спокойно, – проговорил дед Матвей и снял мягкую опушку пепла с края своей самокрутки. – Кури, оно тебе полезно-то небось...

– Дед Матвей, да как же?! Как же?! – попробовал закричать я, но вместо этого получился какой-то стон. – Зенитка! Зенитка!

– Фью-ть-ть, занетка! – кажется, намеренно коверкая слова, проговорил дед Матвей. – Ужо увезли давно! О-хо-хо-хо...

– Как! Как увезли?! Нас же теперь всех, всех туда... всех за это, того...

– Не бзди, Кинстинтин! Так-то по уговору увезли. Война-то закончилась. Теперь мы – инженерный корпус. Вот передо мной начальство – Борис Эдуардович. А я – механ тут. Ты же знаешь, я Бэку как свои пять пальцев. А ежели что, так и поговорить с ней по-свойски могу. Ну а куда мне податься? – дед Матвей развел руками. – Мне и на войне плохо, и в мирное время не ахти. Нету никого. Один я, как перст. Во! И записался на геологоразведку. Ты там чего не думай, тут прокорма на всех хватит. Знаешь, как кормят! О! Это дело, не то что при Керенском. При царе такого жора не было. Одно понятно: начальство о людях начало думать. Так что давай, приводи себя в порядок и к нам.

– Закончилась? Мы что, отдали Маньчжурию?! – я толком ничего не понял из слов деда Матвея, кроме двух... двух слов и их сочетания – «война закончилась».

– Где ваша сознательность, коммунист? – опять весело сказал Борис. – Ну, не буду вас тревожить. Вы пока отдыхайте. Дед Матвей вам все расскажет. Может, кто знает, решите с нами продолжать это нелегкое, – Борис, кажется, с гордостью вздохнул, – но правое дело коммунизма!

– Проучили кривоглазых! – засмеялся дед Матвей. – Как пальнули по ним со всех фронтов, так и побежали они до самой что ни на есть Охренавы своей.

– Окинавы, дед Матвей, Окинавы! – поправил Борис.

– Война закончилась... – то ли спросил, то ли сказал я.

– Эге, Кинстинтин, эге! Так что, дорогой, отдыхай. А я тебе баньку заряджу. Вот костер как раз догорает. А потом, глядишь, и еще по кружечке. А? Хо-хо-хо... – глубоко и сильно заохал дед Матвей. – Тут у нас не то что фронтовые сто грамм. Пей, скока хочешь. Главное, начальство слушай и всякие там дыры в земле вовремя ковыряй. Вот это по мне. А тебе надо в порядок себя приводить. Смотри, на кого похож. Пока слонялся-то! Как собачонок паршивый.

Дед Матвей слез с борта и встал в полный рост. «Какой же он огромный! – подумал я. Отвык от таких здоровенных людей. Я среднего роста, к тому же щуплый. Сато и подавно, еле доходил мне до плеча. – Ах, Сато, Сато! Успел ли сбежать? Выжил ли?»

Я откинулся на край борта Бэки, прислонил горячий лоб к прохладному железному кузову, вытянул ноги. Опять посмотрел на небо, пробуя не думать, а почувствовать это состояние: война закончилась.

Закончилась война! Война закончилась! Конец войне! Какое это состояние, какие у него цвета, какие звуки? Таким же оно было для Сато, если бы он был рядом, или нет? Ведь в этой войне его страна проиграла. Но важны ли внешние события для состояния? Они всегда связаны только с обдумыванием, а не с состоянием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.